

16+

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВ

ФАБРИКАНТЬ

Сергей Евгеньев

Фабрикант

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Евгеньев С.

Фабрикант / С. Евгеньев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ночь Октябрьской революции. Большевики штурмуют Зимний дворец и арестовывают Временное правительство. Бывших министров отправляют в камеры Петропавловской крепости, но и там им не гарантирована безопасность - помимо политических разногласий есть ещё и личные счёты, идущие из глубокого прошлого... Книга рассказывает о крупнейшем промышленнике того времени Александре Ивановиче Коновалове, прошедшем путь от одного из самых богатых фабрикантов страны до бесправного заключённого. Удастся ли ему выжить, и что тревожит человека, на одну ночь занявшего пост правителя России?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	52
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Евгеньев

Фабрикант

Глава 1

Петроград, 26 октября¹ 1917 года.

– Стой!

Впереди идущий поднял руку, затем снял очки и потёр красные от бессонницы и напряжения глаза. Колонна остановилась.

– Что там, товарищ Антонов? – командир красноармейцев подошёл к провожатому. – Вроде наши?

– Может и наши. Тогда почему они стреляли? – Антонов силился хоть что-то рассмотреть в ночной темноте. Приземистая громада Петропавловской крепости тонула во мгле, сливаясь со свинцовой водой. У ворот горели костры, в их свете были видны силуэты людей. Рядом отбрасывали длинные тени составленные в козлы ружья.

– Матросы... Одеты в чёрное, – рослый красноармеец тоже пытался разобрать кто там у входа, – если моряки – значит точно свои!

– В такой тьме всё чёрное. Проверить не помешает. От того, что свои шлёпнут, радостней не станет. Стереги пленных, а я дойду посмотрю кто там. Пару человек пришли мне для охраны.

– Слушаюсь!

Командир вернулся к солдатам и что-то отрывисто скомандовал. К Антонову подошли два красноармейца. Они тотчас растворились в темноте, хрустя каблуками по ломкому льду. Конвоир задумался не приказать ли арестованным лечь или присесть, чтобы уберечь от случайной пули, но делать этого не стал, авось обойдётся. Он сутки был на ногах и теперь, когда радости и тревоги минувшего дня остались позади, навалилась апатия. Пока Антонов ушёл разбираться, старшой закинул винтовку за спину и закурил папиросу, чудом не сломавшуюся в кармане посреди бурной ночи. С чувством затынулся. После постоянной стрельбы и криков, табак в ночной тишине тлел оглушительно. Воздух наполнился сизым ароматным дымом. Среди солдат послышалось шушуканье, кое-где тоже замелькали огоньки самокруток. Пленные стояли молча.

Вскоре появился один из посланцев, отправленных на разведку. Он передал приказ Антонова вести арестованных к крепости. Там были большевики, опасности нет. Красноармейцы привычно взяли пленных в кольцо и вышли на мост, ведущий к Иоанновскому рavelину.

– Там свои, нас ждут, – сказал Антонов, ждавший на мосту, командиру конвоя.

Сапоги гулко бухали по настилу, отряд приближался к крепости, назло всем выстроенной давным-давно царём Петром посреди голого острова, пронизываемого ледяными ветрами. У полинявших от времени ворот было светло от костров. Караульная будка в чёрно-белую полосу пустовала. На булыжной мостовой в замёрзшей луже валялась чья-то серая унтер-офицерская фуражка, затоптанная сапогами. Матросы грелись у огня, некоторые дремали, привалившись друг к другу. Появление арестованных вызвало оживление.

– Братцы, мы министров ждём, а вы кого привели? В какой канаве их подобрали? – спросил самый ближний к прибывшим мужик с лихо закрученными усами. На его бескозырке гордо красовалась надпись «АМУРЪ». Раздался дружный взрыв хохота. Он вальяжно про-

¹ По старому стилю.

шёлся перед пленниками, которые и впрямь выглядели плачевно. Одетые дорого, они были перепачканы с головы до ног.

– Кто главный, товарищи? – Антонов вышел вперёд. Голос был устало-командным, требующим лишь чёткого, короткого ответа.

– Кобылин! – вдруг раздался окрик за спинами матросов. – Брось свои шуточки!

Рядом с говорливым моряком появился плотный военной выправки мужик в кожаной тужурке с такой же, как у пришедших солдат, красной лентой на левом рукаве. Он строго глянул на Кобылина, нахально ухмылявшегося в ответ.

– Здравствуйте, товарищи. Я – Павлов, помощник коменданта крепости. Наконец-то! – мужчина крепко пожал руку Антонову. – Что там за стрельба была?

– Я откуда знаю? Сейчас везде стреляют. Вы чего палить начали?

– Думали, нападают на крепость. В темноте не разобрались, вот в ответ из пулемёта и полоснули, – Павлов пожал плечами и посмотрел на пленных. – Доставили? Что-то долго. «Аврора» когда ещё сигнал дала. И мы по Зимнему из пушек бахнули, как приказывали. Только вот не знаю, попали ли куда? Ждём вас с нетерпением.

– Будь вы поудачливее с пулемётом – всех нас прямо с моста на ближайшее кладбище доставлять бы пришлось, – привычно проворчал Антонов. – Министров арестовать – это, брат, дело хлопотное. Сначала по дворцу искали. Комнат уйма, тёмные, пустые, где они сидят – чёрт их знает! Наконец нашли, арестовали, так их чуть на штыки не подняли. Много у людей злобы на министров накопилось. На улице тоже толпа, хотели кровопийц этих в Неве утопить. Но у нас приказ – арестовать и доставить живыми в камеры. Тут вы ещё со своим пулемётом. Хорошо хоть толпу разогнали. Принимай пополнение, Павлов – Временное правительство в полном составе. Почти. Только Керенский сбежал.

– Вот зараза! Улизнул-таки. Я его больше всех ждал, – хозяин с досады стукнул себя кулаком по бедру и плюнул на землю.

Павлов с собеседником бодро зашагали по Петропавловской крепости к Трубецкому бастиону. За ними следовали свергнутые министры в окружении вооруженных людей. Остановились у двухэтажного желтого здания с зарешеченными небольшими окнами. Помощник коменданта вместе Антоновым зашли внутрь.

– Сейчас хоромы вам выделяют, – радостно сказал один из солдат. – Заживёте! В тесноте, да не в обиде, как говорится. Зато недолго. А там и на небеса отправитесь! Чуть не застрелили из-за вас, суки! Утопили бы – и никаких хлопот, а так охраняй, возись с вами.

– Чего они грязные какие? Может и не министры это, а самозванцы переодетые? – не унимался Кобылин.

– По нам на набережной из пулемёта кто-то стрелял, вот все на землю и попадали, – ответил рослый конвоир.

– Кто? – удивился матрос.

– Они документов не предъявили. Из автомобиля шарахнули прямо на ходу и дальше поехали.

– Ну дела! – Кобылин почесал затылок. – А это что за солдат? Старый какой-то.

Среди арестованных и впрямь стоял пожилой интеллигентный мужчина, одетый в простую солдатскую шинель, такой же перепачканный, как и его соседи.

– Ты что, товарищ Кобылин? Не узнаёшь начальство? – рослый весело рассмеялся. – Это же господин Кишкин – руководитель обороны Петрограда. Его дружки-министры на эту должность днём избрали, чтобы от нас с тобой город защищал. Не смог, как видишь. Стоит теперь, глаза прячет.

– Ох ты ж... Ну простите нас, господин защитник, не признали. Братцы, только от страха не дрожите! – матрос с ехидством раскланялся перед пленником, вокруг весело захохотали. – Ты зачем в шинель-то вырядился, чучело? Маловата она тебе вроде.

– Шинель мы ему выдали, чтобы не околел, – объяснил конвоир. – У него пальто украл кто-то, пока арестовывали.

– Вот стервецы, вот это революция, вот это я понимаю! – Кобылин оглушительно захохотал. Он вытирал слёзы, выступавшие на глаза и заходился в новом приступе смеха. Толпа вокруг поддержала матроса, стало шумно, словно в цирке на представлении.

Бывший министр государственного призрения Николай Кишкин молча отвернулся и под глумливый смех матросов протиснулся сквозь арестованных подальше от чужих глаз. Рядом с ним оказался высокий статный министр с некогда холёным, а сейчас осунувшимся и поседевшим лицом, который начал проверять карманы дорогого чёрного пальто с богатым песцовым воротником. И песцовый воротник, и добротная шерсть были в бесформенных сосульках замерзшей грязи. Не найдя чего искал, он расстегнулся и судорожно ощупывал карманы костюма. Шарил снова и снова, но пачку папирос, которую отдал в ответ на просьбу закурить старшему конвоя после обстрела, не находил.

– Табачку хотите? – спросил совсем молоденький красноармеец, смотревший на его мучения.

Министр взглянул на мальчишку сквозь пенсне с недоверием и кивнул. Конвоир приставил винтовку к стене, достал кисет, бумагу и протянул пленнику.

– Я, признаться, сигарки крутить не умею, привык к папиросам, – стесняясь, негромко сказал вчерашний сановник.

– Дело нехитрое, – солдатик ловко сделал самокрутку, послуныявил заклеивая, и отдал вместе со спичками. – Табак, конечно, не как вы привыкли, но уж каким богат.

– Благодарю вас, – руки господина дрожали и первые две спички сломались, прикурить получилось с третьей. – Курить захотелось просто до наваждения.

Он жадно вдыхал крепкий махорочный дым, в голове от усталости, голода и пережитых волнений зашумело как от вина, ноги сразу стали совсем ватными. Ангел на шпиле Петропавловского собора держал в руках крест и смотрел ввысь, не интересуясь копошащимися внизу крошечными людьми с их мелкими, по сравнению с вечностью, страстями. Противно скрипнула тюремная дверь и тотчас оглушительно захлопнулась за спиной коменданта.

– Добро пожаловать, господа министры. Заходи по одному. Начнём по списку. Коновалов Александр Иванович, министр торговли и промышленности.

Господин в пенсне отшвырнул сигарку и сделал шаг вперёд. Дверь за комендантом вновь приоткрылась, и высунувшийся матрос что-то ему прошептал.

– Хорошо, – ответил ему Павлов, а арестованным сказал: – Заходите скопом, времени нету поодиночке с вами возиться.

Группа арестованных под присмотром конвоиров вошла в холодное небольшое помещение, тускло освещаемое керосиновой лампой на столе. Под её чающим светом сгорбившись сидел длинноволосый человек в круглых очках, похожий на музыканта или художника. Этот человек первым ворвался в зал, где заседало Временное правительство в Зимнем дворце и объявил его членов арестованными. Это он вёл пленников по утреннему Петрограду в Петропавловскую крепость.

– Товарищ Антонов, вот министры, – сказал помощник коменданта.

– Вижу, – ответил тот, хотя продолжал скрипеть пером по бумаге и даже не оторвал взгляд от документа. – Раздевайте, обыскивайте. Я протокол пока докончу.

– Сдаём шубы, они вам теперь без надобности. Тюремную одежду вам не выдадим, в своём сидеть будете, – Павлов повернулся к пленным.

Солдаты обыскивали оставшихся без верхней одежды заключённых, сданное и изъятое уносили в кладовую под замок. Затем всех выстроили в линию, товарищ Антонов, дописав, вышел из-за стола, встал перед ними и откашлялся.

– Прошу заслушать протокол о вашем аресте и расписаться напротив фамилий, – революционер с дворянскими чертами лица начал чтение.

В комнате после оглашения документа стояла тишина. Антонов оглядел пленников. На их безучастных лицах читалось лишь полное изнеможение.

– Н-да, – горько и неожиданно для всех вздохнул министр земледелия Маслов. – Вы меня в ту же камеру, что и царь Николай отправите? Я же здесь при нём сидел, как революционер. Царя свергли, а мне опять в тюрьму. За что на этот раз? За то, что я эсер, а не большевик? Я прежде всего социалист, товарищи.

– С вами потом разберёмся, – ответил Антонов. – Долго здесь не задержитесь, я полагаю, а пока подписывайте, что доставлены и арестованы.

– Не буду я вашу грамоту подписывать. Постыдились бы, товарищ большевик.

– Дело ваше, – равнодушно ответил главный. – Коновалов, распишитесь.

Бывший министр торговли долго вглядывался в бумагу, силясь сквозь пенсне найти свою фамилию в тусклом свете единственной лампы. Наконец нашёл и поставил благородно-размашистую подпись, отточенную регулярной практикой до последнего штришка. Тюремный конвойный взял его за локоть и отвёл от стола. «Пойдёмте, господин Коновалов», – чуть слышно сказал он. Нынешняя стража тюрьмы Трубецкого бастиона была недавно назначена вместо царских жандармов арестованным сегодня правительством. Они пошли по узкому коридору цепочкой, замыкал которую солдатик, давший во дворе министру закурить.

– Третьяков...Терещенко...Салазкин... – Александр Иванович, следуя к камере слышал, как Антонов-Овсеенко выкрикивал фамилии вчерашних его соратников, будто комья земли кидал в крышку гроба.

Перед узкой, обитой железом дверью камеры остановились. Передний конвоир достал связку ключей, зазвенел ими, ища нужный. Наконец отыскал и противно заскрипел им в замочной скважине. Дверь открылась, камера готова была принять своего очередного постояльца.

Коновалов вошёл внутрь, огляделся по сторонам. «Тесновато. Впрочем, лучше, чем в могиле», – подумал заключенный без эмоций. Когда глаза наконец привыкли к еле начавшей сереть темноте, удалось рассмотреть вынужденное пристанище. Шагов десять в длину и пять в ширину, высокий сводчатый потолок с небольшим зарешеченным окошком под ним – вот и весь простор. Посередине поперёк камеры больничная кровать, вмурованная в стену. Рядом с ней небольшой стол, тоже намертво приделанный к стене. В углу крохотный умывальник и нужник. В изголовье кровати на панцирной сетке лежал свёрнутый в цилиндр тощий соломенный матрас, около него такие же хлипкие одеяло и подушка, рядом простыни и полотенца. Чувствовался промозглый холод, идущий от асфальтового пола, покрытого пошарканной краской.

«Долго я тут не протяну», – подумал Александр Иванович, вспомнив чудом вылеченный туберкулёз, и тотчас же зашелся в приступе кашля. В носу тоже стало влажно. Он нашёл в кармане носовой платок. «Рубашка несвежая», – пришла неуместная мысль, Коновалов удивился её нелепости и расстелил кровать. Лёг, не раздевшись, и укутался тощим одеялом. «Интересно, что убьёт меня раньше: вернувшийся туберкулёз или пуля красноармейца, когда на расстрел поведут», – подумал он. Министр не спал почти двое суток. Прошлой ночью отдохнуть получилось от силы часа четыре, с тех пор сутки на ногах в постоянном нервном напряжении. Поначалу мозг не отключался, в каком-то вялом оцепенении еле-еле роились мысли, наползая одна на другую, без всякой связи друг с другом. Какие-то обрывки воспоминаний, переживания минувшего дня, осознание, что сегодня смерть была совсем близко.

Наконец организм не выдержал, незаметно подкралось забытьё. Начал сниться яркий сон. Будто он вновь сидит в Малахитовом зале Зимнего дворца. Большевики уже предъявили ультиматум о капитуляции, министры Временного правительства ждут помощи, во все концы отправлено известие об их отчаянном положении, но на улице, кроме солдат и матросов с красными повязками на рукавах и шапках, никого не видно. На Неве лениво замерли корабли

большевиков, угрожающе целя орудиями. Надежда тонкой струйкой утекает, как тает папироса в руках, как тает расстояние на циферблате часов, показывающих время, оставшееся до истечения ультиматума.

– Идут, господа, идут. Спасены! – кричит кто-то.

Он подходит к окну и видит, как через Дворцовую площадь идёт толпа мужчин и женщин, раздвигая большевиков. Те почему-то не сопротивляются и не препятствуют.

– Здесь не меньше тысячи человек, а нам и пятисот хватило бы с лихвой, – радуется тот же голос.

Коновалова смущает, что он не видит в руках у спасителей никакого оружия, да и лица их неуловимо знакомы. Так бывает – видишь человека, и понимаешь, что точно уже встречался с ним, но где и когда, забыл. Силишься вспомнить, но память подкидывает всё не то, и не то, будто дразня, а ты мучительно продолжаешь искать ответ.

Вот уже топот на лестнице рядом. Наконец, впереди идущие входят в зал. Не врываются, как давеча большевики – бешено, словно волна, со своими руководителями, будто пеной, в авангарде, а степенно, не спеша, деловито и аккуратно выстраиваясь в ряды. И тут память сдаётся – да это же работники моих фабрик! Вот администраторы, вот самые опытные работники. Все обстоятельные и серьёзные.

– Александр Иванович, вы арестованы, – говорит главный инженер, стоящий впереди с какой-то бумагой.

– Господа, вы что? Эдуард Николаевич, вы в своём уме? Вы почему работу оставили? – Коновалов и остальные министры смотрят в недоумении.

– Забрать вас пришли и вернуть на фабрику. Водворим под арест в вашу квартиру в Бонячках². Будете на предприятии, куда тут не разберутся. Хватит, побаловались и будет.

– Мне в Бонячки сейчас никак нельзя. Судьба России решается, господа. Ленин хочет власть захватить, солдат своих послал. Страну потеряем и всё, за что боролись.

– Дело вы своё потеряете, которое ещё прадед ваш начал. У нас агитаторы ходят, соблазняют Совет депутатов выбрать, чтобы рабочие сами предприятием управляли, по своему разумению. Это же дикость. Что же, теперь дворник сам будет решать, мести ему двор или нет? Рабочие голосовать, кому сегодня на смену выходить? А ответственность за успех или неудачу на ком? На соседних фабриках такое уже провернули, так там всё дело встало. Нам этого не надо. Пожалуйте назад, Александр Иванович. С Россией пусть сами разбираются – хоть монархия, хоть республика, а нам без вас никуда.

– Эдуард Николаевич, милостивый государь, никак не могу сейчас вернуться. Родина в опасности.

– Ваша родина – это ваше предприятие, о нём и заботьтесь, до остальных нам дела нет. Семь тысяч человек на вас честно работают. Вы нам добром всегда платили, и сейчас не оставляйте. Не спорьте, мы всё решили, вы арестованы и возвращаетесь домой.

Вдруг раздался грохот, стены дворца заходили ходуном, но не рушились. Обстрел. Начали-таки штурм большевики. Все повскакивали с мест, испуганно оглядываясь в поисках укрытия, только работники стояли и смотрели прямо и твёрдо, не ища спасения. Грохот всё нарастал и нарастал.

– Спит что ли? Не пойму никак – сказал один из караульных, глядя в глазок на двери камеры.

– Поколоти сильнее, обед раздавать пора, – ответил ему напарник, прикативший телегу с дымящимися кастрюлями по промасленным матам, покрывавшим коридор для бесшумности передвижений. От времени маты истёрлись, но колёса телеги всё равно не лязгали по асфальту пола. Наблюдающий заколотил кулаком в дверь.

² Сейчас город Вичуга Ивановской области.

– Обед! – крикнул он и снова посмотрел в камеру. – Коновалов! Коновалов! Вставайте!

Александр Иванович открыл глаза. Сердце колотилось, руки вцепились в простыню. Он огляделся вокруг. Тьма такая, что почти ничего не видно, только это не Зимний. Холодно. «Приснилось», – подумал, придя в себя, заключённый, не зная, радоваться этому или нет.

– Коновалов, обед, – всё ещё кричал и колотил в дверь солдат. – Крепко вы уснули, еле докричался.

– Почему темно так? – спросил Александр Иванович, встав с кровати. – Хоть лампу керосиновую дайте.

– Не положено лампу, Александр Иванович, – ответил начальник караула, протягивая тарелку и кружку чая. – Электричество позже дадут, вечером. Оно всю ночь до утра горит, если не отключат.

– Как же мне обедать? Не видно ничего.

– Помочь не могу. Здесь, говорят, ещё при прежнем режиме заключённая себя насмерть керосиновой лампой сожгла, теперь не выдаём. Я у коменданта узнаю, как быть, если с электричеством перебои будут, – ответил офицер и укатил тележку. «Никитин, вам обед!» – послышался из коридора крик вместе со стуком в дверь соседней камеры. На столе у Коновалова дымилась плошка с жидкой похлёбкой, стояла кружка кипятка, лежали два куска серого хлеба и два куска сахара – вот и вся трапеза. Насытиться не удалось, но хоть согрелся. В камере вообще стало чуть теплее, видимо, топили печь, один из боков которой был частью стены и грел одиночку.

Коновалов встал и прошёлся взад-вперёд. Попробовал постучать в стену в надежде, что из соседней камеры отзовутся, но в ней, как и на полу в коридоре был спрятан какой-то звукопоглощающий материал – стук был глухой, неслышный. С улицы доносились редкие отдалённые звуки выстрелов. На бой непохоже, значит Керенский подкрепления так и не привёл. Да и ездил ли он за ними вообще? Может просто сбежал туда, где спокойней? А куда? Очевидно одно – завертелась очередная русская смута, кровавая и беспощадная. Кто в ней выживет одному Богу известно. У заключённых здесь уж точно шансы мизерные.

Министр достал из кармана жилета золотой брегет. Три часа дня. Долго же он проспал! Александр Иванович чувствовал себя полным сил, но применить их в тесноте камеры было негде. Сумрачный свет не пробивался в окошко, затенённое другими зданиями. Тяжёлые мысли неотступно лезли, как он ни пытался их отгонять. Бесцельная ходьба помогала мало, да и стены давили. «Конец, вот и конец...», – беспрестанно стучало в голове. Коновалов вскакивал с кровати, резко шагал к стене и опять садился на скрипучий матрас. «Что делать? Что же делать?».

Очередной раз застонали пружины. Щёлк... – крышка брегета звонко открылась. Бесплезно, всё бесполезно. Щёлк... – золото крышки тускло зажелтело в полумраке. Ничего сейчас предпринять нельзя, а покорно ждать своей участи – худшее, что может быть. Щёлк... Как же так вышло? Где он ошибся? Щёлк... Он сам ждал революции, помогал ей случиться, а теперь оказался в проигравших. Щёлк... До чего же обидно! У него же колоссальный опыт – двадцать лет у руля собственной текстильной мануфактуры, совсем молодым принял семейное дело. Столько всего успел! Пусть сначала на начинания молодого фабриканта старые купцы смотрели со снисходительной усмешкой, но время показало его правоту. Щёлк... Предприятия Коновалова стали крупнейшими, а народ на них никогда не поддерживал стачки, полыхавшие порой окрест. Щёлк... Он мечтал, чтобы его опыт распространился на всю Империю. Чтобы промышленники, деловые люди стали движущей силой страны. Теперь их называют кровопийцами и ненавидят, обвиняя во всех бедах. Щёлк... Уж он то, казалось, знал о нуждах простых рабочих всё. На его фабриках люди жили хорошо, не чета другим. Никому это оказалось не нужно – ни фабрикантам, ни пролетариату. Как обидно! Столько всего для своих рабочих сделал – рабочие же его и арестовали. Щёлк... Щёлк... Щёлк...

Костромская губерния, апрель 1889 года.

Апрельский вечер был тёплым. Закончилась праздничная неделя после Пасхи. Только отгремела первая гроза, и противоположный берег Сунжи³ был так красив, что подросток, рыбачивший на берегу, жалел, что Бог не дал ему талант живописца. Конечно, давно изобретены фотографические карточки, но разве могут черно-белые маленькие прямоугольники передать всё буйство цвета этого природного полотна. Садающееся солнце золотом залило уже зазеленевшие холм и деревья на другом берегу, засиявшие в его свете, как изумруды. Острые макушки сосен, округлые кроны осин и берез упирались в почти чёрную грозовую тучу. Ветер качал ветви так, что казалось они отпихивают от себя эту грязно-пепельную перину, пытаются столкнуть её за реку. Выдохшиеся после грозы тёмные клубы медленно отступали, а на освободившееся пространство радостно врывались солнечные лучи. В награду за пережитый испуг за поворотом реки выросла радуга, переливаясь своим основанием в водной глади, и проходя победной чертой через слабеющий чернильный морок.

Саша, так звали мальчика, засмотрелся на эту красоту. Забытая удочка валялась рядом. Он очень любил это время, предвещающее наступление настоящей весны, а следом и лета. Для его родных мест, большую часть года покрытых непролазной грязью или засыпанных снегом, скованных трескучим морозом или залитых тусклой серостью нескончаемых холодных дождей, лето было настоящим праздником. Теплота и яркие краски, которыми оживала природа, преображали знакомые просторы. Долгие светлые дни позволяли наслаждаться ими, отдыхая от осенне-зимнего сумрака. Жаль лишь, что лето, как и положено настоящему празднику, пролетало с быстротой кометы – не заметишь, как начнут облетать жёлтые листья под плачь дождя. Но сейчас природа только начала украшать поля и леса зеленью, ещё не в полную силу звучали оркестры стрекожущих насекомых и звонких птиц. Осознание, что весь праздник ещё впереди грело душу подростка. В тринадцать лет, столько исполнилось мальчику, ощущение начала жизни было особенным, а горизонты впереди казались безграничными.

Саша поднял удочку и поудобнее устроился на коряге, торчащей из воды. Поплавок неспешно скользил по реке и чуть подрагивал. Рыбалку он любил, здесь тишина и покой, можно подумать о чём-то важном, а можно, не думая, просто отдыхать, глядя на плавный ход воды.

– Саша! – спустившаяся с пригорка дочь кухарки – проворная девчушка лет десяти – окликнула его звонким голосом. – Александр Петрович вернулись. Самовар приготовили, сейчас чаёвничать будут. Тебя зовут.

– Уже иду, спасибо.

Девчонка убежала, а юноша собрал снасти и не спеша пошёл по тропинке в гору. Во дворе семейной усадьбы ему первой встретилась кухарка, заглянувшая в корзину с уловом. Там было пусто – Сашу настигла гроза, и он почти всё время прятался под перевёрнутой лодкой на берегу. На веранде вовсю дымил самовар, наполняя округу уютным дымным запахом. Александр Петрович сидел у стола в кресле и гладил кошку, по-хозяйски устроившуюся у него на коленях.

– Тут даже Маркизе не хватит, – со смехом потрепала мальчика по голове кухарка Матрёна.

– Вот и славно, внучок. А то за неделю всю рыбу из речки вытаскал, скоро совсем не останется. Матрёна после твоего улова нас расстегаями балует или ухой, а я их видеть уже не могу. И обижать вас не хочется, работаете всё-таки: ты ловишь, она готовит, а у меня скоро рыбий хвост вырастет. Постился, постился, Пасху насилу дождался, а вы мне рыбу одну даёте.

³ Приток реки Волга.

– Маркиза бы не отказалась, у неё рыбий хвост что-то не растёт, – сказал мальчик.

– Она и так в довольстве живёт – все её подкармливают, мышей уже с презрением мимо обходит. Ласки захочет – на колени прыгнет и разрешения не спросит. Настоящая аристократка, – Александр Петрович бранился для вида, кошку он чаще всех сам и подкармливал.

Саша сел рядом. Деда он очень любил за его спокойную рассудительность, мудрость, доброту, любил даже за строгость, которая по отношению к нему была не грубой. Родители мальчика давно жили в разъезде – отец в Москве, ведя торговые дела предприятия, мама проживала с Александром Петровичем – её свёкром. Иван Александрович – так звали папу – нравом отличался неуравновешенным, к тому же был большим ценителем кутежей и прекрасного пола. Наружности Иван Александрович был видной – под два метра ростом, с пышными усами и чёрной шевелюрой (поговаривали, что он подкрашивает её, пряча седину). Обладая завидными капиталами, являясь наследником успешного предприятия, папа был окружен сворой почитателей, льстиво называвших его «Петр Первый» за еле уловимое сходство с покойным императором, и благосклонностью дам, ослеплённых блеском богатств кавалера. Сам Иван Коновалов относил подобострастие друзей и женское нестойкое жеманство на неотразимость собственной природы. Екатерина Ивановна, мама Александра, с амурными похождениями супруга мириться не хотела. При редких встречах, которые происходили во время визитов мужа на родину, в село Бонячки (там они поначалу жили с сыном) госпожа Коновалова непременно устраивала сцены ревности. Горделивый супруг не выдержал однажды, объявил, что узами брака более себя связанным не считает, назначил Екатерине Ивановне денежное содержание, а Сашу вскорости забрал с собой, чтобы обучение сын проходил в первоклассной гимназии Москвы. Так мальчик в довольно юном возрасте оказался оторван от матери и жил с отцом, частое отсутствие, вспышки гнева и перепады настроения которого детской психике пользы не приносили.

Только с дедом, в честь которого был когда-то назван, Александр чувствовал себя в покое. Образ жизни Ивана Александровича сказывался и на учёбе мальчика – первоначальную гимназию пришлось сменить на Катковский лицей из-за частых отлучек Саши, которого отец мог забрать с собой в какую-нибудь поездку, чтобы тот смотрел и к купеческому делу привыкал. Александр Петрович, прекрасно зная характер сына, однажды решил вернуть внука на родину, посчитав, что пусть лучше мальчик учится в обычной костромской гимназии, а не привилегированной московской, но будет подальше от отцовских выходов. Саша был этому только рад. По учебным дисциплинам он успевал хорошо, поведения был отличного и рос чуть замкнутым, задумчивым и самостоятельным юношей, привыкшим полагаться на собственное мнение, так как взрослого советчика и воспитателя рядом часто просто не было. Его роль и взял на себя Александр Петрович, любивший беседовать с внуком обо всём на свете.

Коновалову-старшему на днях исполнилось семьдесят семь лет. Всю жизнь он провёл, строя и расширяя текстильное производство, основанное его отцом, прадедом маленького Александра. Сейчас предприятие было крупнейшим в уезде и хорошо известным на просторах Империи. Две крупные фабрики – бумаготкацкая в селе Бонячки в тридцати верстах отсюда и отделочная здесь, в местечке Каменка – вырабатывали разные ткани, отмеченные многочисленными наградами на выставках. Александр Петрович до сих пор управлял делом единолично, принимая участие во всём.

– Куда ездил? – спросил его Саша.

– На станцию. Нам пряжа бумажная⁴ пришла, смотрел, как её в Бонячки отправляют. Дорога со станции опять разбита, ломовики⁵ ругаются и цены задирают. Говорят, что лошади калечатся. Скорее бы железнодорожную ветку до фабрик провести.

– Дорогу же шоссировали недавно, почему она опять плохая?

⁴ Старое название хлопчатобумажной пряжи.

⁵ Старое название извозчика, перевозившего тяжести.

– Потому что общая! – Александр Петрович махнул рукой, эта тема задевала его. – Если общая, то пусть кто-то другой и делает! Сначала деньги на замощение никто жертвовать не хотел. Всяк думает, как бы, Боже упаси, больше соседа не заплатить. Лучше в распутицу кости себе переломают на ухабах, чем копейку выделяют. Фабрик вокруг выстроили множество, но каждый на другого смотрит – пусть он деньги платит, а я и так езжу неплохо. Насилу убедил, что всем выгода будет – грузы сюда идут в изобилии, при хорошей дороге можно плату у извозчиков снизить. Сначала считали, кто сколько товару получает и отправляет, а значит сколько кому платить. Собрали деньги на устройство шоссе, правда до полной суммы не хватило, я добавлял. Но на ремонт и содержание дороги теперь уж никто тратиться не хочет. При этом пользоваться ей стали не в пример чаще. Дорогу разбили ещё хуже, чем была.

– Если так удобнее, отчего же противятся?

– Не знаю, что тебе сказать, Саша. Не могу понять. Отдать деньги на какое-то полезное, но общее дело для наших купцов сродни позору. Оранжею какую-нибудь диковинную построить, чтобы всем соседям на зависть, это можно. Рысаков завести баснословной цены – тоже можно. На дорогу же пожертвовать, по которой каждый день катаешься – ещё чего! Поищите других дураков!

Александр Петрович закашлялся и раздраженно умолк, затем налил себе и внуку душистого чая. Встревоженная кошка недовольно приоткрыла глаза, но поняла, что сгонять её не будут и уснула снова. Затем старик продолжил:

– Как на что дурное, так сговорятся быстро, а на хорошее дело не дождёшься.

Скрипнула дверь, и на веранду вышла Сашина мама. Екатерина Ивановна села рядом с сыном и налила себе чаю.

– Не замёрзли, Александр Петрович? Не принести чего? – спросила она.

– Нет, спасибо за беспокойство.

– Про Кормилицына помните? Они с Никанором Алексеевичем приедут нынче. Поговорить о чём-то с вами хотят.

– Помню, помню. Понадобилось чего-то, эти за просто так не приедут. Никанор-то может и без дела пожаловал бы, а вот зять его Мишка вряд ли.

– Какое у них дело? – поинтересовался Саша.

– Так поди спросить: нет ли у нас машин каких старых на продажу. Он после пожара на Томненской фабрике⁶ их у всех вокруг скупает, как старьёвщик, – предположила Екатерина Ивановна.

– Там прядильные машины, у нас таких нет, – ответил дед.

– Зачем Разорёновы старые машины скупают? – спросил мальчик.

– Погорели они сильно четыре года назад, бумагопрядильная мануфактура на Томне сильно пострадала. Страховка, я слышал, не всё покрыла. Вот и скупают старые машины, реставрируют и запускают. Михаил Максимович из огня да в полымя мечется. Никанор, его тесть, старый уже, хоть и на семь лет моложе меня будет. Многое ему доверяет, слушает во всём. Михаил тоже потомственный купец, себя умнее прочих считает. Да только не всё по его замыслу выходит. Построили они с Никанором прядильную фабрику на Томне. Машины для неё выписали новейшие, английские. Такие здесь ещё не знакомы никому были. Машины прибыли в срок, установили их как положено. Одну закавыку не учли – работать на них не умеет никто. Михаил-то инженеров не жалует, считает, что простой мастер за всю жизнь с молотком в руках не хуже грамотного инженера всё узнал. Но всё же инженер и слесарь не одно и то же, как оказалось. Так толком и не работали машины, ломались часто. У работников умения не хватило. А потом, видишь, пожар случился. Тогда он в другую крайность кинулся – начал старые машины скупать у других фабрикантов. Подлатает чуть-чуть и в работу. Вся фабрика из

⁶ Сейчас фабрика в городе Кинешма Ивановской области.

этого утиля собрана. Сплошь поломки, чинят-чинят, они поработают немного и опять стоят. Зато Михаил доволен – сколько денег на покупке сэкономил. Он всех, кто оборудование на новое меняет, вообще за дураков держит, мол чего старые машины выкидывать – служат же.

– А Никанора Алексеевича всё устраивает? – спросил Саша, которого заинтересовал рассказ деда.

– Ему на старости лет отдыха хочется. Он богоугодными делами занимается: церковью своею, нуждающимся помогает, а дела предприятия зятю доверил. Тот человек заносчивый, не каждый с таким общим язык найдёт, даже братья Никанора с ним связываться не стали. Когда он задумал новую фабрику заложить, предлагал ведь братьям вместе строить. Те узнали, что распорядиться строительством Кормилицын будет, отказались. Свою фабрику выстроили, верстах в трёх, на реке Ветке. Идут, кажется...

К веранде бодро шагал высокий, широкой кости мужчина лет около пятидесяти. За ним еле поспевал коноваловский работник, спешащий доложить хозяевам о приезде гостей. Позади, никуда не торопясь, степенно шествовал совсем седой благообразный старик, похожий на епархиального владыку – такой же строгий и величественный.

– Никанор Алексеевич и Михаил Максимович пожаловали, – доложил мужик, сумевший-таки опередить своевольного гостя. Тот, увидев хозяев, отставил в сторону трость и широко раскинул руки, словно собираясь обнять сидящих на веранде:

– Александр Петрович! Позвольте засвидетельствовать моё глубочайшее почтение. Очень рад, что согласились принять. И Никанор Алексеевич со мной. Очень, говорит, хочу повидаться, нынче редко встречаемся.

– Я прикажу обед подавать, – сказала Екатерина Ивановна. – Покушайте с дороги.

– Екатерина Ивановна, не беспокойтесь, прошу вас. Мы сами из-за стола, не утруждайтесь. Нам бы дело обговорить, а о вашем хлебосольстве легенды ходят – потом не задремать бы, – гость громко рассмеялся.

Мама ушла в дом, чтобы не мешать беседе, Саша тоже было собрался, но дед показал ему, чтобы оставался. Матрёна тотчас же сноровисто расставила на столе наливки и какие-то кушанья.

– Здравствуй, Михаил Максимович, – сказал Александр Петрович.

– Что за юноша с вами? Внук? – спросил Кормилицын, поняв, что мальчик останется при их разговоре.

– Да, это внук – Александр Иванович Коновалов, – дед чуть подвинул юношу вперёд. – А это Михаил Максимович Кормилицын, купец 1-й гильдии, товарищ Никанора Алексеевича по мануфактурному делу.

– Ну, здравствуй, Александр Иванович, – Кормилицын протянул юноше руку, – Значит у деда учишься. Это правильно. Если сызмальства в дело вникаешь, на практике всё узнаёшь – это лучше всякого образования будет. Александр Петрович для нас всех лучший университет, у такого всем бы поучиться не зазорно.

Чувствовалось, что гость говорит любезности не совсем искренне, просто отдавая дань традициям. Слишком тороплива была его речь, слишком заметно желание побыстрее закончить положенный церемониал приветствия и приступить к делу. Наконец на веранду поднялся и второй гость.

– Здравствуй, Александр Петрович. Давненько мы с тобой не виделись. Вижу бодрость телесная тебя не оставляет, благодарение Господу. А я вот что-то совсем немощный стал. – Разорёнов обнял подошедшего Коновалова. А это неужели Саша, Ивана сын? Как вырос!

– Здравствуй, Никанор Алексеевич. Рад тебя видеть. Это внук, здесь посидит. Не помешает, думаю, он нашей беседе.

– Здравствуй, Александр Иванович. – старик Разорёнов пожал Саше руку, внимательно его рассматривая. – Не помешает, всё же о мануфактурах речь пойдёт. Уходит наше время,

Александр Петрович. Вот уж, и смена растёт. И то сказать! Тебе днями сколько исполнилось? Семьдесят семь? А мне скоро семьдесят лет сравняется, если не помру раньше.

– Что вы такое говорите, Никанор Алексеевич. Мы все молимся, чтобы Господь вам много лета послал, живите, нас наставляйте уму разуму, – сказал Михаил Максимович. Разорёнов только махнул на него рукой

– Ты сам кого хочешь наставишь. – пробурчал старик и сказал Коновалову-старшему: – Это Михаил побеседовать хотел. Что-то по фабричным делам, я не вникаю уже. Тебя вот повидать приехал.

Все расселись вокруг стола. На миг воцарилась тишина, только механизм больших напольных часов тикал в доме, считая секунды. Александр Петрович с Михаилом Максимовичем смотрели друг на друга – купец постарше спокойно и чуть устало, тот что моложе будто с досадой: как бы своё дело старику объяснить, чтобы тот согласился, да ещё много времени на это не потерять? Саша сидел на своём месте неловко. Ему было не по себе от того, что все восприняли его дедовым наследником. Он ещё толком и не понимает ничего. Какой из него преемник? Среди таких взрослых и тёртых фабрикантов Сашина неуверенность только росла.

– Дорогу сюда вы прекрасно замостили, ехать одно удовольствие. А мы вот с дядей и двоюродным братцем Никанора Алексеевича никак не сладим, чтобы к нам в Тезино дорогу поправить сообща. Не можем о справедливом распределении средств на её обустройство говорить. Хорошо вы здесь один, сами для себя сделали, и никто чужой не ездит, – гость подступался к главной теме.

Саша заметил, как дед еле заметно подмигнул ему из-под густых седых бровей и улыбнулся уголком рта. Настроение сразу приподнялось, и Саша подвинулся в кресле, поудобнее прижавшись к спинке.

Кормилицын быстро взглянул и на него, видно, что неожиданный свидетель предстоящей беседы не входил в его планы, но делать было нечего – Коновалов-старший мальчишку оставил, придётся при нём о деле говорить. А дело деликатное. Если рассудить, предложение, которое Михаил Максимович собирался сделать для всех фабрикантов выгодно. Только старики упереться могут, они принципы какие-то чтут. Кому они нужны сегодня? Время вперёд летит стремительно, теперь принцип один – выгода. Кто это раньше поймёт, будет первым, а прочим останется крохи подбирать. Если б не этот пожар треклятый, их Товарищество мануфактур уже в числе крупнейших по капиталам бы числилось. Хорошо хоть свой тесть давно не лезет ни во что.

– Я вот о чём потолковать хотел, уважаемый Александр Петрович, – начал Кормилицын. – Совет мне ваш нужен, вы первейший фабрикант во всей округе, опыт бы бесценный перенять, научите как поступить.

– Ты, Миша, елей-то зря не трать. Александр Петрович не красна девица, его такими речами не купишь, – Никанор Алексеевич тихо хмыкнул в своём кресле.

– Правда, давай к делу, Михаил Максимович. Стар я, чтобы время попусту терять. – Коновалов-старший смотрел на собеседника по-прежнему невозмутимо.

– Что ж, давайте сразу обрисую суть нашего предложения. Оно просто, но взаимовыгодно. Для вас не секрет, что торговля последние годы скудна, цены приходится держать низкие. Трудно все живём, а нам после пожара ещё сложнее приходится. Прошлый подряд с работниками закончен, сейчас новые расчетные книжки выдаём. У вас, я полагаю, также? Надолго новый подряд заключаете?

– Людей рядим, это правда. До Покрова нанимаем, как обычно.

– Вот и мы тоже. И появилась идея, а не сделать ли нам летний расценки за работу пониже, да неплохо нам с вами, крупнейшим фабрикантам, вместе выступить. Остальные тогда тоже задумаются. Процентиков двадцать скинуть, я думаю, можно. Если мы заодно будем, так и народу деваться некуда. Поворчат, конечно, куда без этого, ну так они всегда ворчат, им не

угодишь. Как вы считаете, Александр Петрович, – Кормилицын весь подобрался и сверлил гостя глазами.

– Двадцать? Скинуть? Чудны дела твои, Господи! – Коновалов покачал головой. – В былое время летний расценочек против зимнего повышали, чтобы народ от земли на фабрику переманить, а тут скинуть!

– Утратили люди, которые на мануфактуре поработали, тягу к крестьянскому труду. Землю пахать не пойдут, – ответил на это гость. – Даже если работы нет, всё одно болтаться у фабрики будут и ждать, когда появится.

– Во-первых, что у нас торговли нет, не их вина. Хотелось бы, конечно, поболее за товар выручать, но и этого хватает. Как я к людям выйду-то? Что скажу: мне, Александру Петровичу Коновалову, денег мало, поэтому я двадцать процентов от обещанной мною оплаты себе забираю? Вот спасибо, осрамлюсь так, что потом не отмоюсь. А во-вторых, работники стакнутся и не выйдут к станкам-то. Сам ткать пойдёшь? Больше потеряешь, Михаил Максимович!

– Потому нам первыми стакнуться и предлагаю. Коли мы договоримся, люди долго бузить не будут, деваться то всё равно некуда. Живот, поди, кушать каждый день просит, недолго проупираются, а нам потом экономия какая! Если вы согласитесь, то с прочими фабрикантами дело обговорить легче будет, я всё одно всем предложу. Это же наши мануфактуры – нам плату назначать. Вы в почтенных летах уже, негоже вам перед каждым ткачом отчитываться. Хотят – пойдут работать, не хотят..., – Кормилицын развёл руки в стороны.

– Пасха закончилась, – задумчиво сказал Коновалов, – мы разговелись, а рабочие пост чуть не круглый год держат. Мясо только на праздники и видят. Куда уж расценочек снижать? По моему мнению, живёшь сам – жить давай другим, иначе народ на улицах правду искать начнёт, громить всё вокруг. Привыкнут, что любой вопрос стачкой решить можно – потом не остановишь. На фабриках у нас работа тяжёлая, чего греха-то таить. Работник часто здоровье всё оставит, пока нам капитал зарабатывает. О своих людях и позаботиться нужно.

– Так им сколько не дай – всё мало. Ни один не скажет, что ему справедливо платят. Никто с наложенным взысканием не согласится: не виноват он и всё. Вокруг все виноваты, а он, подлец, нет. Хотя сам, то браку наделает, то своровать норовит, то запьёт, то и вовсе пожар устроит. При этом, крайним себя никогда не считает, до последнего будет отпираться. Надоело работать, так на соседнюю фабрику уйдёт и наплевать ему будет, что у тебя на его станке нет никого. Раньше хоть не заплатит можно было, а с нынешним законом каждые две недели заработок выдай и не греш!

– На то ты и хозяин, чтобы эти проблемы решать. Только я думаю, что если с людьми по совести поступаешь, они также работать станут. Строгость тоже нужна, мы же хозяева, тут твоя правда. Предложение же твоё не от строгости, а от жадности.

– Нашли совестливых. У нас на Томненской фабрике, Александр Петрович, четырёста с лишком душ трудится. Мужиков половина, другая половина бабы да малолетние обоёго пола. Я им целую колонию жилую выстроил: дома, казармы. Для детей отдельная казарма. Избы в соседней деревне для них скупил. Больницу построил, инструментом её оснастил. Казалось бы, живи да радуйся! Работа есть всегда, жильё под боком. Харчи – в фабричной лавке забирают и готовят артелью, если холостые. Семейные сами по себе столуются. Так ведь нет! Харчи в лавке заберут и тут же за бесценочек продадут, а то и прямо на водку обменяют – у меня она не в заводе. Как летом жара наступает – ящиков с фабрики принесут, на берегу шалашей настроят и живут не в казармах, а там, пьянствуя в свободное время.

– Ну а чем им заниматься прикажешь? Колония – дело хорошее. Выстроил ты её, потому что там вообще пустырь был, кто бы к тебе работать без неё пошёл? Но после работы куда человеку деться? Никакого развлечения нет. Вот и бегут за водкой. Дело это, конечно, дрянное, но такова природа человеческая – к плохому более склонная. Её воспитывать надо, причём с

детства. Заведи школу, чтобы малолетние не пьянство родителей видели, а полезному учились. Церкву выстрой, чтобы батюшка усовестивал.

– Они, господин Коновалов, бывает себя хозяевами чувствуют. Усовестишь их, как же... Захотим – будем работать, не захотим – не будем. На всей фабрике всего сорок прядильщиков и присучальщиков ещё столько же. Самая подлая порода. Загуляют – всем остальным работы нет, триста с лишком человек можно по домам распускать. И знают, мерзавцы, что от них вся работа зависит. С администрацией держаться дерзко. Как с такими быть? Я считаю, не грех и нам свою силу показать, мы на наших фабриках хозяева!

– Неужели и этим прядильщикам расценки снизишь? – поинтересовался Коновалов-старший.

– Им не буду. Убегут на другую фабрику или озорничать начнут. От тех я слишком зависим. А здешним бежать некуда, у соседей работников хватает. Но не худо бы было в вопросе оплаты труда нам единую позицию занять, чтобы ощущали, кто тут главный.

– Никанор, а ты согласен? – Александр Петрович посмотрел на старика, тихо сидящего в углу. Тот лишь пожал плечами.

– Мы с Никанором Алексеевичем вместе это решение приняли, – ответил за него Кормилицын.

– Воля твоя, Михаил Максимович, но я такого делать не буду. На моей фабрике многие уже десятки лет работают. Никто тебе не скажет, что Александр Коновалов когда-нибудь слово своё нарушил или не заплатил обещанного. И ты ещё раз всё взвесь – не выйдет из твоей затеи ничего хорошего.

Видя, что толку от разговора не будет, Кормилицын умолк. Коновалов с Разорёновым повспоминали былое. Наконец гости откланялись.

– Другие согласятся расценки понизить? – спросил Саша у деда, когда коляска Разорёнова скрылась вдалеке.

– Не думаю, нужды в этом большой нет, а выгода сомнительная. Соседи не первый год мануфактурным производством занимаются. Люди все опытные и осторожные. Думаю, они сначала посмотрят, что из этого выйдет, а потом уж и решат. Торопится Михаил, хочет всё и сразу. Боится, видимо, что другие его обойдут, вот и спешит прядильную фабрику скорее восстановить. А может ткацкую расширить. Наша фабрика в Бонячках тоже ведь сгорела, аккуратно в год твоего рождения, на масляной неделе. Дни нерабочие были, чего полыхнула, так и не поняли. Не застраховал я её тогда. Может и вправду сама, а может и помог кто, до сих пор не знаю. Долго я её восстанавливал, потихоньку, шаг за шагом. Кабы не тот пожар, и у нас бумагопрядильное производство завёл бы уже, но Господь по-другому рассудил. И видишь, не хуже вышло.

– Чего гости предлагали? – спросила Екатерина Ивановна, тихонько вернувшаяся к мужчинам.

– Безделицу какую-то, – ответил Александр Петрович.

Саша живо пересказал маме содержание разговора.

– Как Никанор Алексеевич своё предприятие зятю доверил? Михаил Максимович купец грамотный, но уж очень... своеобразный, – женщина обняла сына и прижала к себе. – Вот Саша у нас умный и серьёзный растёт, такому семейное дело доверить не страшно.

– Кому ещё Никанору было фабрики передать? Две дочки в младенчестве умерли, только Татьяна выросла во здравии. Больше наследников нет. Зять хоть из фабрикантов, пусть и мелких. У нас по этой части забот больше, чем у государя-императора. Тому чего? Преставился ко Господу, а кто после тебя править будет – всё в законе прописано: или старший сын, или младший брат, а уж какой он правитель окажется – это как повезёт. А своё дело абы кому не передашь. Сколько мне ещё отмерено – я проработаю, здоровье бы было. Потом на Ивана всё

оставлю, да ты ещё присмотришь, а там и Саша подрастёт. Вот пусть и распоряжается. Толк из тебя, внучок, выйдет, здесь я согласен.

– Ты до ста лет живи, – Саша наклонил голову, чтобы дед не увидел заблестевшие в глазах слёзы.

– Постараюсь, внучок, постараюсь. – Александр Петрович грустно улыбался. – Я и так славно пожил. Как в Псалтыри сказано: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет, и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро». Мне семьдесят семь уже. Спасибо Господу, силу телесную и разум пока не отнимает.

– Почему они вам решили такое предложить? – Екатерина Ивановна осторожно увела беседу от грустных тем. – С подобным бы лучше обратиться к ... более бережливым.

За столом раздался дружный смех. Все поняли, что речь идёт об известной купеческой династии, жившей неподалёку. Богатейшие люди, зарабатывавшие торговлей, мануфактурным производством и много ещё чем, отличались какой-то неумеренной скупостью. Мальчик навсегда запомнил историю про голубей, которую о них рассказывали. Не давало купцам покоя, что в их конюшне помимо лошадей, овёс охотно клюют голуби, чувствующие себя там, как дома. Расход-то возрастал. Проблема была серьёзной: голубь – птица особая, олицетворяющая Дух Святой. Вредить ему нельзя. Решено было бесполезных едоков отловить и увести подальше, за десяток вёрст, к другой фабрике. Через несколько часов птицы были в родной конюшне. Попытку повторили. На этот раз увезли совсем далеко, но и это не помогло – они вернулись. Посетовав друг другу на посланцев Святого Духа, купцы с незваными едоками смирились.

Уже совсем стемнело, видимый мир заканчивался вместе со светом керосиновой лампы на столе, дальше всё утопало в темноте, словно там и не было ничего, а во всей вселенной есть лишь луна со звёздами, да трое собеседников, сидящих у самовара. Идиллию прервал чей-то смущённый кашель из тьмы у калитки.

– Александр Петрович, прощения прошу за беспокойство. Телефонировали из Бонячек, заработала фабрика. Без происшествий обошлось, – сторож Каменской фабрики двинулся к свету веранды.

Телефонная связь между фабриками Коновалова появилась не так давно, и сторож относился к нововведению со всей серьёзностью и ответственностью – если случалось принимать звонок ему, то докладывать о нём Тимофей Архипович спешил тотчас лично хозяину, невзирая на время суток, словно государев указ.

– Дедушка спать ушёл, Тимофей Архипович. – Саша подмигнул деду, настроение его было хорошим.

– Уйдёт он, рассказывай. Пока всё не узнает, спать не ляжет. – Он подошёл к столу и увидел Александра Петровича, сидящего в кресле. – Доброго вечера, Ваше степенство. Ишь внучок выдумал – спать, говорит, ушли. Да нежели такое бывало когда?

– Спасибо, Тимофей Архипович. Завтра туда поедем, посмотрим всё. Сашу тоже спозаранку разбужу, чтобы со мной ехал. Будет знать, шутник.

– Пойду свою службу дальше справлять. Доброй ночи всем. – Тимофей Архипович отошёл буквально два шага и растворился в темноте, даже силуэт его был неразличим.

– Мне Тимофей сказал, что ты днём на фабрику сюда ходил. «Внучок Ваш нынче прибежал, все цеха обошёл», – говорит. Чего ходил-то – дело пытал аль от дела лытал? – спросил дед у Саши.

– Посмотреть ходил. Всё огромное, а пустота, народу нет никого. Машины словно спят, тишина такая – каждую муху слышно. А уже завтра всё загудит, и люди везде заснут. Нынче ходишь и представляешь, что затерянный город нашёл или забытую цивилизацию. Но неудобно там, фабрика как мёртвая.

– С Божьей помощью заработает завтра. Отдохнули, попраздновали, пора к делам возвращаться. Значит, со мной завтра поедешь, Александр, – купец вмиг сделался серьёзным. –

Везде вместе пройдем, послушаем, как дела обстоят. Привыкай потихоньку. А ты, Катерина, здесь на мануфактуру сходишь, проверь всё. А сейчас спать пора, завтра дела ждут.

Сноха послушно кивнула, Саша встал из-за стола неохотно, жаль было, что вечер закончился, но спорить с дедом бесполезно – спать, так спать. Только Маркиза не послушала хозяйина и шмыгнула в ночную темноту по своим делам.

Утром поднялись рано. Кухарка Матрёна собрала на стол. Позавтракав, стали собираться по делам.

– Катерина, телефонируй в Бонячки, что мы приедем, – напутствовал Александр Петрович сноху, собравшуюся на фабрику в Каменке. – Думаю, на несколько дней там останемся.

День был солнечный и тёплый, домчались быстро. Проехать решили через село Тезино⁷, где Михаил Кормилицын на мануфактуре тестя решил понизить расценки. На тамошней главной площади было многолюдно. Народ шёл на фабрику получать новые расчётные книжки, подтверждающие наём на работу на ближайшие полгода до праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Пёстрая толпа сновала туда-сюда, но часто хаотичное движение замирало – люди останавливались, обсуждая какие-то новости. Известия, по-видимому, были нерадостные, поскольку разговоры о них были тихими, как на похоронах. Люди выглядели озадаченными и озлобленными. Кучер правил, умело раздвигая людской поток перед повозкой. Вокруг, несмотря на ясную погоду, было как-то мрачно. Только выехав из Тезина, путники почувствовали, как гнетущее ощущение покидает их.

Через три версты были их родные Бонячки. Коляска бойко катила по знакомой улице. Мимо мелькали дома жилого квартала, построенного Александром Петровичем для своих работников, больница, школа и церковь. С другой стороны дороги зеленел роскошный, ухоженный парк.

– Н-да, разрослись наши Вонячки, – в задумчивости сказал купец.

– Ты почему так Бонячки обзываешь? – улыбнулся Саша.

– Это не я, – Коновалов-старший посмотрел с деланой простотой, хотя глаза были хитрыми. – Комиссию давным-давно в наши места прислали реестр поселений составлять. Вот они ходили и записывали: как называется да сколько дворов. Так и до нас дошли. Стали про всё это у крестьян местных расспрашивать, а те в ответ только «Ась?» да «Чаво?». Местные пришлым казённым людям никогда не доверяли. Переписчики рукой махнули и записали «Вонячки».

– Почему Вонячки? – внук смеялся в голос.

– Тогда здесь была глухая деревенька – всего-то два десятка дворов, да красивое заведение твоего прадеда Петра. Ткань едкими разными красителями отделявали, потом в ручей всё сливали, вот и пахло некультурно. Гости носы поморщили, а потом так и обозвали сообразно запаху. Никому и дела не было до того, что они в своих книжках накарябали. Много лет спустя эта оказия обнаружилась. Фабрика солидная, а где находится и сказать-то неловко.хлопотать пришлось, чтобы благозвучное имя дали. Появились «Бонячки».

Коляска остановилась перед фабрикой. Трёхэтажное краснокирпичное Г-образное здание с ровными рядами окон было со всех сторон облеплено разнообразными пристройками и сарайчиками. Архитектура впечатляла не изысканностью, а масштабом на фоне окружающих домов. Во дворе кипела привычная деловая суэта. Гул работающих станков за стенами был еле слышен. Александр Петрович сразу погрузился в привычный мир. Обходил цеха, слушал доклады управляющего и мастеров, перекидывался парой слов с многочисленными работниками. Саша удивлялся тому контрасту, который представляла нынешняя бурлящая фабричная жизнь вчерашней тишине пустой мануфактуры, куда он ходил в Каменке. Хотя сейчас и там всё так же. Затем с удовольствием обедал в здании правления в директорском кабинете, поговорил по телефону с мамой. Вечером гуляли с дедом по саду, разбитому Александром Петро-

⁷ Сейчас город Вичуга Ивановской области.

вичем у фабрики. Погода стояла тёплая, днём было даже жарко. Служащие мануфактуры тоже не спеша совершали моцион по тенистому парку, ярко украшенному молодой зеленью. День промелькнул незаметно.

Назавтра Александр-младший готовился к итоговым экзаменам. Хотя он и числился учеником костромской гимназии, занимался, в основном, дома с приходящими учителями, а в Кострому ездил для подтверждения знаний. Дед ещё рано утром ушёл на фабрику. Мальчик был способным учеником, поэтому учителям не приходилось тратить много усилий и времени для объяснения необходимого материала. После гимназических занятий Александр Петрович приставлял внука к какому-нибудь служащему фабрики, чтобы Саша помогал ему в работе. Юноша постигал на практике все особенности фабричного производства: ведение учёта выработки товара, расхода материалов, начисление заработка, организацию отгрузок и поставок и ещё множество незаметных, на первый взгляд, тонкостей, которые позволяли огромному предприятию работать слаженно, словно часовой механизм. Работники понимали, что в помощниках у них наследник мануфактур, поэтому поначалу старались не очень загружать его своими обязанностями. Александр Петрович был однажды невольным свидетелем сцены, когда учётик принёс своему юному помощнику чаю и продолжил свою работу, интересуясь у Саши не надо ли тому чего-нибудь ещё. Внушение было кратким, но суровым. С той поры ему приходилось трудиться по-настоящему. Вечером, после телефонного разговора с Каменкой, два Александра вышли из здания фабричной конторы. Погода была такой же тёплой, как накануне, только изредка налетал прохладный ветерок, напоминая, что лето ещё не полностью вступило в свои права. Они пересекли дорогу перед фабрикой и сели на скамейку у входа в парк.

– Как поработал? Что нового узнал? Или опять чаем со сладостями за счёт наставников баловался? – дед постоянно припоминал Саше тот случай, когда вместо работы его с почётом усадили отдыхать.

– Сегодня дрова считал, которые за зиму на отопление ушли, это как арифметика, только с практическим уклоном и мелочей много. Главное из виду ничего не упустить, не перепутать, а то потом исправлять муторно.

– Вникай, вникай. Ты должен иметь понятие обо всём. Тут премудростей много, за раз не охватишь. И учебника такого, где всё объяснено, нет. Только своим опытом и можно проверить, когда был прав, а когда ошибся. Ответственность за неудачи будет лежать только на тебе, никто её не разделит. К успеху каждый прислониться будет рад, а прогоришь – товарищей не сыщешь. Или пан, или пропал. Привыкай. От грамотных помощников тоже много зависит, но главный будешь всё-таки ты. Ладно, пойдём отдыхать. Завтра в Каменку поедем.

Утром Саша опять осваивал программу гимназии и получил задания, которые следовало выполнить до следующей встречи с учителями. Время ещё было – выехать договорились через час. Юноша открыл окно и в комнату сразу ворвался свежий ветерок, расшевеливший листки на столе. В фабричной конюшне кучер готовил к поездке коляску. Вдруг Саша увидел, как из дома управляющего здешней фабрики вышел Александр Петрович. Дед его заметил – дома стояли напротив друг друга. Купец помахал рукой, зовя внука к себе, вид у него был встревоженный. «Что случилось?», – подумал Саша и поспешил на улицу.

– Собирайся, выезжаем сейчас, – сказал Коновалов-старший.

– Что-то стряслось? – внук заволновался. – Мне только для гимназии всё забрать и буду готов.

– Вот и собирай свои бумаги, – Александр Петрович в задумчивости потёр лоб. – В Тезине у Никанора на фабрике бунт. Люди работу бросили, устроили беспорядок. Я здесь необходимые распоряжения отдал, но близко до них. Мало ли чего. Поедем в Каменку, там спокойнее. Заодно посмотрим, что у Разорёнова с Кормилицыным творится. Кучеру скажу, чтобы через Тезино вёз.

Времени на сборы Саше почти не потребовалось. Он быстро взял нужные книги, тетради и побежал назад. Дед уже устроился в коляске, от жары обмахиваясь платком. Саша сел рядом.

– Давай, Константин, – сказал Александр Петрович, – Через Тезино правь.

– Плохо там, Ваше степенство, – ответил кучер, – Надо бы мужиков с собой взять, а лучше мимо объехать от греха.

– Ты был там? – спросил купец.

– Быть не был, а пару знакомых оттуда видел, побеседовали. Приходили к вам на фабрику наниматься, но я сказал, что у нас народ набрали уже. Бузят в Тезине. Расценки хозяева снизили, люди злые ходят. Пока по соседним мануфактурам ищут работу. Шумят ежедневно, чтобы плату подняли, только управляющий на своём стоит. Работу вроде как бросили, пьянствуют. Обиженные к Никанору Алексеевичу за правдой пошли, он человек уважаемый, справедливый. Только оказалось, что нету его – уехал. Наверное, это зять на Томну его отправил, пока всё не уляжется. Там привольно, воздуха какие... Волга!

– Вот и увидим, что к чему, – сказал Коновалов. – Лишь бы к нам не пошли.

– В Бонячках-то им чего делать? – спросил кучер.

– От толпы, тем более пьяной, ждуть всего можно. Не дай Бог, чтобы по округе шалить начали, – Александр Петрович перекрестился.

– Наши мужики их восвосяи быстро отправят, пускай у себя творят, что хотят, а у нас ни-ни, – кучер лихо заломил картуз на затылок. – У вас в Каменке всё одно лучше, чем у них на Томне. Просторы какие! Красота!

– За дорогой смотри, любитель природы, – улыбнулся купец.

Коляска уже приближалась к селу, когда попутчики увидели скачущего навстречу во весь опор всадника. Константин осадил лошадей, чтобы бежали помедленнее, встречный тоже резко остановился у коляски. Спешащим оказался полицейский урядник Степан Иванович. Успокоив недовольно заржавшего коня, он сказал прерывающимся голосом:

– О! Александр Петрович! Добрый день, Ваше степенство. И наследник с вами.

Вид у урядника был обескураживающий. Фуражки почему-то не было и по лбу текли ручейки пота, которые смешивались с кровью, сочащейся из разбитой брови и оставляли на щеке розовую дорожку. Под глазом наливался синяк. Кобура на поясе расстёгнута, но пуста.

– Здравствуй, Степан. Куда коня так гонишь, что случилось? – спросил фабрикант.

– Разворачивайте коляску, – урядник был так возбуждён, что не слышал вопроса, – Бунт у Разорёнова на мануфактуре. В объезд к себе добирайтесь. Народ там вовсе озверел. Я телеграфировать скачу в Кострому, сами не управимся. Мужики пьют, безобразничают, чинов не признают, не суйтесь туда, Александр Петрович, Христом-Богом прошу.

– Езжай, Степан, справляй службу, мы объедем, не беспокойся. Спасибо за предупреждение. – сказал Коновалов. – Константин, разворачивай!

– Дед, я посмотреть хочу, – неожиданно сказал Саша. Александр Петрович так и застыл.

– Зачем, внучок? – начал было он, но вдруг кивнул и твёрдо сказал кучеру, – В Тезино вези.

Степан Иванович лишь вздохнул, махнул рукой и пришпорил коня, который, вострепнувшись, резво поскакал дальше. Со стороны Тезина доносился невнятный гул, словно разворошённый пчелиный рой искал того, кто его потревожил, чтобы искусать и прогнать от своего жилья. В начале единственной улицы ничего не происходило, было пусто, шум слышался дальше, с центральной площади.

– Давайте всё-таки объедем. Зачем нам туда? – кучер был слегка бледен, но хозяин покачал головой.

Саше было тревожно после слов полицейского, но желание увидеть всё собственными глазами, неожиданно пришедшее, непреодолимо влекло дальше. И страх, и любопытство сплелись воедино. Коляска въехала в Тезино и медленно двигалась между домов по узкой грязной

улице. Коновалов-старший сказал кучеру остановиться и ждать их – поодаль у площади виднелась разношерстная толпа, лошадям там было не развернуться. Дед с внуком спрыгнули на дорогу, Константин словно невзначай взял со своей лавки кнут, слез с козел и встал у коляски.

Александр Петрович медленно шёл впереди, одетый в неизменный чёрный костюм, спокойно и с достоинством. Саша был рядом и глазел по сторонам. Харчевая лавка была закрыта, перед ней лежала стопа брёвен, которые хозяин приготовил для какого-то строительства. Блестящие, очищенные от коры, они служили и столом, и лавкой для пяти мужиков, которые разложили на них хлеб, лук, калёные яйца и водку. Поляна перед бревнами была кроватью ещё для двоих, которые уже допились до точки. Веселья среди гуляк не было, обстановка была мрачно-угрюма, полна какой-то пьяной злобы, готовой вот-вот начать крушить всё вокруг. По противоположной стороне улице шли ещё трое: один терзал гармонь, а остальные нестройно, но зычно орали похабные частушки. За ними, причитая, бежала молодая баба в платочке. Она улучила момент и схватила одного из гуляк за руку: «Вася, Васенька, пойдём домой, что ты пьёшь-то, хватит уже, третий день ведь». Вася не глядя отмахнулся от неё, попав локтем в лицо. Женщина упала, а он, не оборачиваясь, бросил картуз на землю и начал плясать, стуча ладонями по пяткам. Его мотало, движения походили на судороги, но остальные поддержали бессмысленную пляску, даже пара работяг из сидящих на брёвнах присоединились к знакомым также азартно впечатав со всего маху свои картузы в дорожную пыль. Их оставшиеся на месте товарищи начали громко хлопать в ладоши и свистеть. Полилась такая отборная матерщина, что юноша густо покраснел. Один из мужиков, никого не стесняясь, справил нужду прямо на брёвна, служившие им столом. Только за угол зашёл. Баба, которой муж попал по лицу, встала, вытерла платком кровь из разбитой губы и пошла домой, сторбившись и плача.

Саша стоял ни жив, ни мёртв. Его внезапный порыв бесследно исчез, остался только страх, смешанный с брезгливостью. Всё вокруг было слишком. Слишком громко, слишком грубо, слишком бесстыдно, слишком бессмысленно, слишком отвратительно. «А ведь это простые ткачи, такие же как у нас на фабрике. Обычно вежливые, шапки снимают, здороваясь. Что с ними случилось?» – думал парень. Александр Петрович положил руку ему плечо и сжал, словно успокаивая. Видя испуг Саши, он ещё и потрепал его по голове, улыбнулся и шепнул одними губами: «Смотри, внимательно смотри и не бойся». Затем старый купец развернулся и пошёл к оставшимся на бревнах хмельным работягам.

– Где вино берёте, молодцы? Лавка-то закрыта.

– Тебе пошто, отец? Стар ты для вина, а кладбище тоже сегодня закрыто, – загоготал самый молодой сутуловатый парень с болезненно серым лицом. – Ты кто? На попа похож. Ненашенский ты, не видел я тебя раньше.

– Тихо, Кузьма, – оборвал его мужик постарше. Он выглядел как матёрый каторжник, без передних зубов, со шрамом через всю правую щёку, который как могла скрывала густая рыжая борода. – Не видишь – это уважаемый человек. Доброго здоровья, Александр Петрович. Зачем к нам пожаловали? Наши господа сегодня не принимают, дома запершись сидят, хоть у народа вопросы к ним имеются, а не выходят. Нынче тут для купцов неинтересно, мы себе власть взяли.

– И тебе доброго здоровья. Позволь старику присесть, в ногах силы мало осталось.

Мужик хлопнул молодого Кузьму по спине, тот встал, уступая место. «Кто это?» – на ухо спросил у старшего. «Коновалов, с Бонячек», – так же шёпотом ответил тот. Кузьма проворно смахнул мусор с бревна, где сидел только что. Александр Петрович присел, осматриваясь вокруг. Под ногами валялись пустые бутылки и затоптанные куски нехитрой закуски. Плясуны пошли обнявшись в сторону площади, оставив мятые фуражки валяться в пыли. Толпа неподалёку жила своей жизнью – кто-то отходил, кто-то присоединялся к ней, но она не редела, словно это был единый организм, состоящий из множества людей. Среди постоянного гула

вдруг начинались крики «Мишка, выходи!» или «Верни расценку!», подхватываемые десятками глоток.

– Так где же вино берёте всё-таки? – спросил Александр Петрович.

– Мы у лавочника отняли, терять нам теперь всё одно нечего.

Коновалов покачал головой:

– Ну решили работу оставить, требования выдвинули, но пьянство зачем начинать?

– Мишка-купец всё равно нас слушать не хочет, – вступил в разговор молодой Кузьма, который стоял рядом. – Первый день мы чинно начали. Депутацию к нему отправили. Так мол, и так – работать по новому расценку отказываемся, постановили всем обществом к работе не приступать, пока не подымет хоть немного. Мишка Кормилицын, если посчитать, до 10-ти рублей плату скинул, мы говорим, что меньше, чем за 11-ть не выйдем. Хоть раньше и 12-ть с полтиной полагалось. Жить на что? Если из дачки ещё все штрафы вычесть – ведь и на хлеб не хватает. Даже гнильё, что он в своей лавке брать заставляет, не купишь. Месяц отработашь и сам должен хозяину останешься. Всё одно, Кормилицын депутацию нашу на порог не пустил, по матушке обругал и каторгой грозился. Ну мы с расстройства и выпили. Теперь терять нечего. Своего добьёмся – водку Прокопа-лавочника тоже спишут, хозяин оплатит, у него денег много.

– Ну а как не послушает он вас?

– Куда ему деваться? Урядник Степан приезжал недавно, поучили его, приласкали, он штаны испачкал и прочь галопом, – мужики захохотали.

– Н-да, – Коновалов был задумчив. – Бражничать прекращайте – до добра это не доведёт. Пойду посмотрю на площади – что к чему.

– Не ходили бы, Александр Петрович, – рыжебородый смотрел хмельными красными глазами, но голос был твёрд. – Народ нынче дурной, могут и не признать. О вас по всей округе никто ничего плохого не скажет, но что с пьяных взять. Лучше к себе езжайте, там спокойнее.

– Спасибо за беспокойство, я аккуратно. Может с Михаилом Максимовичем поговорю, к разуму призову.

– Не открывает он. Заперся в доме. Вокруг только полиция фабричная охраняет, псов спустили и сами при оружии ходят, но за ограду не высовываются.

Александр Петрович встал с бревна – помог Кузьма, и направился в сторону людской толпы, туда где высился храм. Саша шагал рядом. Любопытство его испарилось, первый парализующий ужас тоже прошёл, внутри был лишь липкий страх, уговаривающий броситься к коляске и ехать домой, где тихо и безопасно, но он, злясь на собственную трусость, упрямо заставлял себя идти и смотреть на происходящее. Улица, которая была здесь шире и чище, привела их на сельскую площадь, где проходили праздники, ярмарки или просто еженедельный торг. Здесь напротив друг друга стояли деревянный храм Петра и Павла о пяти куполах с колокольной и особняк Никанора Разорёнова. Дальше уже виднелись фабричные строения: контора и производственный корпус. За оградой особняка заходились лаем псы, спущенные сторожами с цепи. Два дюжих молодца из фабричной охраны стояли рядом с директором мануфактуры, который разговаривал с тремя мужиками из числа протестующих, кричащими прямо перед ним.

– Пусть выйдет и поговорит с нами, – кричал один из ткачей, высокий сухой мужик.

– Михаил Максимович разговаривать с вами более не будет, нечего ему добавить к тому, что уже сказано – проспите и возвращайтесь к работе, – директор был бледен, за спиной переговорщиков стояло больше сотни человек, некоторые были уже сильно пьяны. Управляющий понимал, что при желании толпа просто сметёт их, но вида старался не подавать.

– Что он, паскуда, разговаривать с нами не хочет? – взвыл второй из ткачей. От выпитого его шатало так, что приходилось держаться за плечо товарища. – Мы сейчас сами войдём и спросим.

– Отошёл отсюда, – фабричный охранник демонстративно направил ствол ружья под ноги смутьяну. За спиной у того зашумела толпа. Брань и крики слились в единый гул: «Дави их... Суки... Не робей, ребята, ничо не сделают... Все вместе...». Люди плотнее придвинулись к зашатавшейся ограде, охрана уже явно направляла ружья в толпу. «Ружьё опусти... Порвём... Потроха твои псам скормлю...», – неслось оттуда. Директор был человеком опытным, уловив момент, он крикнул зычно, на всю площадь:

– Разговор будет завтра! – народ примолк, вслушиваясь. – Выберите депутацию – трёх человек, каким доверяете, но чтобы были трезвы. С ними и будем вести разговор, а сейчас расходитесь и прекратите пьянство. Нас глоткой не возьмёшь, будут переговоры, но не со всеми сразу, иначе опять один крик выйдет. В церкви на завтра молебен отслужат, после него ждём ваших представителей.

По толпе пробежал ропот, скоро смолкший. Кто-то сразу стал выкрикивать: «Андрея Кузнецова надо посылать, и Петра из механиков. Они грамотные». Другой подхватил: «Только при батюшке договаривайтесь, чтобы побожились». Некоторые просто стояли молча, готовые поддержать тех, за кого будут остальные (таких было большинство). Гвалт стихал. Только самые пьяные вопили что-то неразборчивое. Лица у людей были задумчивые, женщины, пользуясь моментом, стали тащить мужей домой: «Пойдём, завтра после обедни выберете кого послать, а сейчас иди проспись, слышь, чего директор сказал». Александр Петрович внимательно смотрел на людей, о чём-то думая. Он рассматривал происходящее, стараясь не упустить ни единой детали. Саша переминался с ноги на ногу рядом, потом шепнул деду: «Пойдём, довольно насмотрелись». Тот неожиданно кивнул и развернувшись зашагал прочь, к оставленной коляске.

На брёвнах у лавки мужики всё сидели, но на Коноваловых они уже не обращали внимания – рыжебородый о чём-то яростно спорил с Кузьмой. Перебранка происходила во весь голос, матерщина лилась, преобладая над обычными словами, но Саша не различал ни смысла, ни интонации слов. Вокруг всё сливалось в какой-то однообразный монотонный шум. Мальчик выглядывал из-за деда вперёд – далеко ли до коляски, которая увезёт их из этого Содома. Та была уже близко, можно за пару минут добежать, но Александр Петрович шёл медленно, годы бегать не позволяли. Саша оглянулся назад. Между спорщиками началась драка, рыжий повалил молодого тщедушного Кузьму и бил кулаками. Третий их компаньон схватил его сзади, желая разнять, но щербатый вывернулся и принялся бить миротворца, затем споткнулся о спящее тело, которое не заметил в пыли и упал сам. Мужик, которому рыжий просто так разбил лицо, воспользовался этим подарком – злорадно матерясь пнул несколько раз, целя в обидчика, а попадая и в него, и в спящего, который заохал и зашевелился. Вдруг за углом лавки появился какой-то парень в кепке, надвинутой почти на глаза. Он мельком глянул на драчунов, достал из-под рубахи бутылку, заткнутую вместо пробки какой-то тряпкой, поджег её спичкой и бросил в окно. Вспыхнувшая бутылка разбила стекло, но звона из-за криков слышно не было. Огонь полыхнул внутри лавки. Пламя быстро росло, но драчуны не обратили на всё это никакого внимания. Поджигатель ещё раз воровато посмотрел по сторонам и встретился глазами с Сашей, который остановился и смотрел на него. Несколько секунд поджигатель сверлил юношу змеиным немигающим взглядом, затем сплюнул и быстро юркнул назад, скрывшись из виду. Его сильно шатало, было видно, что он тоже очень пьян. В лавке уже бушевал настоящий пожар, языки пламени вырывались в раскрытое окно. Пьяницы остановили драку и недоумённо таращились на огонь. «Саша!» – громко крикнул Александр Петрович, и подросток заметил, что дед дошёл до коляски. Он бросился к ней бегом. Кучер сразу тронул лошадей. Выехали из села, и Коноваловы увидели, как в небо поднимается густой чёрный столб дыма, заволакивая голубое небо. Вскоре чуть поодаль начал расти второй, а затем и третий.

– Подождли зачем-то, – сказал купец. – Уж вроде решили переговоры начать. Если такое началось – теперь хоть святых выноси. О том, что будет завтра, когда проснутся, никто не думает.

– Я видел там парень нарочно бутылку поджёг и кинул. Зачем интересно?

– Кто его знает... Может лавочник чем ему не угодил, может долги свои, которые в книгу записаны, решил стереть, может просто во хмелю удаль свою захотел показать. У нас мужик долго терпит, молчит. Даже когда всё хорошо у него – порой живёт будто терпит. А потом вдруг плюнет на всё и уж пока вдребезги себя не разобьёт – не остановится. В Тезине таких сейчас сотни одновременно. Не только лавку – и храм, пожалуй, могут с землёй сравнять сами себе назло. И будь что будет! Сейчас это безобразие в одном селе только, ну а как во всей губернии такое случится, не дай Бог? Или во всей империи? Представить страшно! Александр Петрович перекрестился, а потом потрепал внука по голове. Дым тем временем застилал злополучное село, словно прятал его от прочего мира.

Глава 2

Петроград, октябрь 1917 года.

Солнце, спрятанное за вуалью серых туч, скупое дарило свой тусклый свет распотрошёному городу. Холодный пронизывающий ветер выметал с улиц случайных продрогших прохожих, обрывки бумаги, окурки и другой мусор. Лишь чёрные блестящие бока каменных домов и тёмная рябь одетых в гранит рек невозмутимо сносили свистящую злобу стихии. Лужи затянулись, будто раны, первой непрочной коркой льда, готовящейся стать толстой привычной кожей на ближайшие месяцы. В спасательной шлюпке на корме стоящего на Неве корабля проснулся немолодой, сильно за пятьдесят, морщинистый, костляво-худой мужчина. Спал он долго – рухнул без сил после двух дней непрерывной беготни и хлопот. Раньше пробуждения, до того, как открылись глаза, пришла жуткая головная боль. Мозг словно стянул железный обруч, уменьшающийся с каждой секундой, а кроме этого, в нём время от времени начинал бить барабан, парализуя любое желание жить. Мужчина лежал, не в силах пошевелиться. Сначала он пытался вновь заснуть, надеясь, что в забытии боль уйдёт. Поняв, что сна не будет, размышлял, стоит ли вообще вставать.

Подняться заставили холод и жажда. Мужчина выбрался из-под укутывавших его бушлатов и какого-то тряпья, озираясь, не в силах понять где это он. Корабль какой-то... Как он тут оказался? Всё вокруг чуть покачивалось, ветер немилосердно пробирал до костей. На полу зачем-то стоял чайник. Страдалец стал жадно пить прямо из носика. Вкуса воды, налитой давно, может неделю назад, он не ощущал. Влага будто сразу впитывалась в иссохшее горло, не доходя до желудка. Наконец напился, почувствовав, что больше выпить просто не сможет. В голове опять зашумело, очертания предметов расплылись, видимо вода разбавила вчерашний спирт, и накатило опьянение. Вывернуло неожиданно. Приступы рвоты накатывали снова и снова, под конец мужчина просто висел на борту корабля, глаза слезились, во рту было гадко. Мужчина не пил много лет – как-то ещё в юности в далёком селе Тезино Костромской губернии из-за водки его жизнь изменилась раз и навсегда, с тех пор он решил вина больше в рот не брать. Выполнять данный себе зарок оказалось не так и сложно.

– Что, Мишка? Плохо? Пойдём в трюм, подлечу тебя, – крепкий матрос с обветренным лицом появился незаметно. – Красиво ты сейчас кричал. Как чайка, я прямо заслушался!

Краснофлотец расхохотался от души. Красное лицо, растёгнутый бушлат, накиннутый прямо поверх тельняшки, и свежий водочный аромат говорили о том, что он то подлечился как следует. Весельчак достал из кармана листовку с напечатанными на ней словами: «Къ Гражданамъ Россіи. Временное правительство низложено... Да здравствуетъ революція рабочихъ, солдатъ и крестьянь!»», щедро насыпал табака и сделал самокрутку.

– Будешь? – спросил у бледного Мишки и махнул рукой, – Ты же не куришь!

«Яша! Его зовут Яша!» – вдруг вспомнил мужчина. Внятных мыслей в его голове поначалу не было, только какие-то обрывки песен, случайных разговоров и событий.

– Яша, как я здесь оказался? – спросил Михаил у безмятежно курящего матроса.

– Мы тебя сюда притащили. Ты как в кабаке уснул – так больше и не шевелился. Вроде маленький, а тяжёлый, насилу доволокли. Моряки своих не бросают! Спать тебя в шлюпке оставили, чтобы проветрился.

Наконец память поймала за хвост вчерашнюю попойку. Два дня до этого Михаил Дятлов гонялся по несущемуся под откос городу, силясь настичь свою цель. Цель, казалось, даже не догадывалась, что за ней ведут охоту, но постоянно ускользала, чудом спасаясь из расставленных ловушек. В ночь захвата Зимнего, он среди прочих солдат и матросов был во дворце. Метался среди тёмных комнат, ища где укрылось Временное правительство. Юнкера-охран-

ники сдавались без боя, только распая охотничий азарт. Наконец в толпе кто-то сказал: «Вроде голоса там, и свет горит». Михаила людской волной внесло внутрь большого зала, затем в смежную к нему столовую. Министры Временного правительства сидели, отрешенно наблюдая за происходящим. Большевики окружили их, заполнив всю комнату. Пьянящее возбуждение витало в воздухе.

«Керенского нет», – сказал кто-то из соседей. «Ну и пёс с ним», – радостно подумал Дятлов, увидев кого искал. Высокий статный мужчина напряжённо замер на краю своего кресла, поблёскивая золотой оправой пенсне. Министр сидел к Михаилу боком, рукой достать можно. Время застыло. Дорогие каминные часы у входа – черный носорог с круглым золотым циферблатом на спине – показывали два часа десять минут ночи. Дятлов заворуженно смотрел, как по виску его врага еле ползёт прозрачная капля пота.

– Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными, – сказал Антонов-Овсеенко, возглавлявший отряд большевиков, глядя на министра в золотом пенсне. Тот поднялся. Капля пота сдвинулась чуть ниже, но голос был твёрд:

– Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития.

Поднялся невообразимый гвалт. Победители громко и воодушевлённо переговаривались. Расспрашивали о Керенском и порывались его отыскать, не веря, что глава правительства мог в такой момент уехать. Думали, что его где-то укрывают. Начали переписывать арестованных. Первым записался Коновалов – министр в золотом пенсне. Следом похожий на профессора министр Кишкин. Его, как выяснилось, днём выбрали руководителем обороны Петрограда. Эта новость вызвала взрыв хохота у солдат и матросов. Большевики состязались в остроумии, не подбирая выражений. Антонов невозмутимо составлял какую-то бумагу, расположившись за столом, где только что заседали министры. Посреди портфелей и документов нелепо стоял разорванный стакан от снаряда, выпущенного, по всей видимости, по Зимнему дворцу. Причудливой формой он напоминал пепельницу, как пепельница и использовался стоящими рядом товарищами. Михаил крутил головой по сторонам, силясь осознать происходящее. Вот она – свергнутая власть. Всего то человек двадцать. Их защитники – юнкера, женский батальон и несколько офицеров – арестованы и куда-то уведены. Здесь только кучка врагов и новые хозяева страны.

– Какого чёрта, товарищи! Переколоть их тут, и вся недолга! – крикнул Дятлов

– Кончить их, и всё! – громко поддержали голоса вокруг. – Прямо тут и хлопнуть.

– Правильно, на штыки их, – стали раздаваться крики рядом. – Ура, товарищи! Довольно терпеть!!! За всё ответят!!!

Кровожадный гул нарастал, заполняя всё вокруг. Михаил и сам орал что было сил – добыча близко, сейчас настанет расправа. Кто-то толкнул одного из вчерашних господ так, что тот еле устоял на ногах. Вдруг посреди общего шума что-то оглушительно грохнуло, наступила тишина.

– Товарищи, вести себя спокойно! Все члены Временного правительства арестованы. Они будут заключены в Петропавловскую крепость. Никакого насилия учинить над ними я не позволю. – Антонов-Овсеенко невозмутимо рукой разогнал дым с дула револьвера, по столу звонко катилась гильза и повторил ещё громче: – Ведите себя спокойно!

В комнате повисло недовольное молчание, прерываемое покашливанием или чьим-то шёпотом. Министры, минуту назад до смерти испуганные, чуть успокоились, но расслабляться не спешили. Коновалов стёр с виска прозрачную каплю. Спокойствие солдат было обманчивым, в любую секунду мог последовать взрыв, но Дятлов почувствовал, что здесь и сейчас больше ничего не произойдёт. Откуда взялась эта уверенность, он бы объяснить не смог. Просто понял и всё. Михаил оглядел всё вокруг. Отметил, что время на каминных часах так и остановилось на отметке 2-10, и стал продираться сквозь толпу к выходу.

Зимний дворец грабили. Временное правительство перенесло сюда свою резиденцию в июле, превратив бывшие личные покои царствующих особ в проходной двор. По каким-то делишкам здесь порой шастали такие посетители, которых в былое время городской и за версту бы не подпустил. Ауру великолепия и избранности заволокло табачным дымом, шарканьем бесчисленных ног по дорожному паркету, будничной суетой людей разного звания, ежедневным натужным трудом многочисленного чиновничьего аппарата. И всё-таки вандализма не происходило. Во дворце мирно уживались и новое правительство, и госпиталь, оставшийся с царских времён. Величественность Зимнего облагораживала посетителей, мешая плевать на пол и сморкаться в портьеры. Но сегодня, видимо, что-то случилось, лопнула какая-то внутренняя преграда, ранее сдерживающая тёмную сторону человека.

В соседнем зале красноармейцы с азартным хохотом втыкали штыки в огромные портреты царствующих особ. Холсты полотен превратились в располованные лоскуты, беспомощно висевшие в разные стороны. Рядом какой-то мужик увлеченно срезал кожаную обивку со стула, воровато озираясь по сторонам. Три стула уже были распотрошены и валялись, выпустив на волю пружины. У мародёра из-за пазухи торчал аккуратный рулон срезанных кож.

– Сапоги себе и жене пошью. Кожа хорошая, – откровенно сказал он Дятлову, смотревшему на это с недоумением.

– Вон целый висит, – сказал один красноармеец другому, указывая на неиспорченный портрет в золочёной раме. – Давай на спор, кто его величеству зенки штыком выколет с пяти шагов.

– Да ну его. Пойдём лучше винный погреб искать. Выпьём по-царски! – ответил второй.

– И то дело! А потом вернёмся и кто ловчей государю глаза выколет. На спор!

– Спорить нам ещё не хватало из-за ерунды, – солдат вырвал из рамы портрет свергнутого императора кисти знаменитого художника Серова и вышвырнул холст в окно прямо на мостовую. – Туда им всем дорога! А мы лучше за вином. Нужно ещё платья с собой захватить или какую другую одежду побогаче.

Они загрохотали сапогами по лестнице вниз. Вскоре раздался звук бьющегося стекла. Спускаясь за ними, Дятлов увидел на ступеньках осколки разбитой вазы.

Он вышел из дворца. Стояла глубокая ночь, но народу на улицах было много: красноармейцы, краснофлотцы, какие-то студенты, зеваки, просто празднующиеся. В воздухе царило воодушевление. Люди радовались, а чему непонятно. Весть о том, что старая власть свергнута уже разошлась по толпе. Все были возбуждены, подпитывая друг друга пьянящим чувством какого-то грядущего праздника. Казалось, уже завтра начнётся другая жизнь – мирная, спокойная и сытая. Словно это захваченные только что в Зимнем дворце люди были единственным препятствием на пути к этой цели. Именно они специально вредили своей стране и своему народу. Никто из радующихся и понятия не имел, что их ждёт завтра.

Дятлов прошёл через оцепление и оказался в толпе.

– Браток, правда Керенского не взяли? – первый же встречный тронул его за рукав.

– Правда.

– А как же он убежал?

– В женское платье переоделся, нарумянился и прошёл через кордоны, как сестра милосердия, – брякнул первое пришедшее в голову раздражённый Дятлов.

– Почему остальные так не сбежали? – округлил глаза удивлённый прохожий.

– Они там все жирные, как коты, на них платья не нашлось, – отмахнулся Михаил и побрел в своих мыслях дальше.

За его спиной уже начали делиться новой сплетней, раздавался хохот, но Дятлову было не до веселья. Он рассчитывал, что толпа устроит расправу над министрами Временного правительства. Пусть те и не оказали никакого сопротивления, пусть защищали их только юнкера и женский батальон (вот уж кого сейчас растерзают победители), но азарт штурма и жажда крови,

чувство, что охотник настиг жертву, должны были, по его мнению, решить участь проигравших. Не случилось. Оказывается, министров необходимо оставить живыми. Он не знал, что такой приказ существует. Дятлов сел на холодный гранит рядом с огромным серым атлантом, невозмутимо продолжавшим удерживать свою ношу в одной набедренной повязке посреди колючих северных ветров. Михаил холода не чувствовал, адреналин после недавнего штурма ещё играл в крови. Толпа не расходилась, люди делились последними новостями и сплетнями. «Ведут! Министров ведут!» – вдруг прошепестело по людскому морю. Дятлов мгновенно встряхнулся. Можно попробовать ещё раз.

– Товарищ, можешь подсказать, министров пешком поведут? – он взял за рукав красноармейца, спешащего напролом против движения толпы от Зимнего, видимо с докладом.

– Пёс их знает. К машинам их толпа не подпустила, – хмуро ответил тот, придирчиво рассматривая обрадовавшегося Дятлова, а потом с неожиданной злостью предложил: – Могу в морду тебе дать! Ты чего любопытный какой? У тебя там родственники что ли? Или друзья?

Дятлов предпочёл отойти от раздражительного собеседника, тот мрачно пошёл дальше, а Михаил влился в толпу, вдруг пришедшую в волнообразное движение – люди расступались, готовясь дать дорогу показавшейся вдалеке группе. Солдаты с ружьями наизготовку шли, образуя живой щит вокруг хорошо одетых людей с поникшими головами. В свете фонаря у переднего из арестованных блеснула золотая оправа пенсне.

– Керенский где? – спрашивали в толпе.

– Говорят бежал, в бабу переоделся и мимо кордонов прошёл. Днём ещё, – подсказал крестьянской внешности мужик в тулупе и меховой шапке. Лицо его покраснелось, на лбу блестели крупные капли пота – одежда была зимней и сейчас, несмотря на прохладу, в ней было жарко. Говорил он так убеждённо и уверенно, что складывалось ощущение, что всё происходило у него на глазах. – За подмогой побёг, как пить дать, чтобы энтих вызволить. К англичанам.

От мужика крепко пахло спиртом и потом – жарко ему было не только от тулупа. Толпа гудела и напирала на солдат, конвоирующих свергнутых правителей. Красноармейцы привели винтовки в боевое положение, отталкивая ими наиболее ретивых. Дятлов оглянулся вокруг, лица людей были злы и решительны. Агрессию подкреплял явный водочный дух, чувствовавшийся в толпе. «Очень хорошо, попробую», – решил он.

– Утопить буржуев проклятых! Нажировались у нас на горбу, довольно! – пронзительно закричал Михаил, двигаясь параллельно конвоирам.

– Правильно! К стенке их, а трупы в Неву сбросим, – рядом радостно заголосил детина, расхристанный и пьяный.

– Кровопийцы! Насосались нашей крови! А где Керенский, жид проклятый? Убёг? Мы его поймем! – неслось из гущи народа.

– Головы поотрубать!!! – подхватил кто-то.

– По пуле каждому – нечего с ними церемониться!!! – крикнули рядом.

Толпа одобрительно подхватила призывы и стала напирать сильнее. Тут и там раздавались крики, требующие немедленной расправы. Некоторые пытались дотянуться до пленных и толкнуть. Дятлову почудилось, что в воздухе запахло кровью, он орал не переставая, стараясь не отстать от ускорившихся солдат, распихивающих наседавших людей уже безо всяких церемоний и готовых открыть огонь. Казалось, стрельба вот-вот начнётся, он незаметно расстегнул кобуру и нащупал рукоятку револьвера. Его цель то скрывалась за спинами, то на миг появлялась в просвете между ними. Дятлова гнал вперёд невероятный азарт – в первые ряды не лезть, а то от конвоира пулю словишь, но при первой же возможности выстрелить, чтобы наверняка, и бежать. Суматоха очень кстати, потом никто и не вспомнит стрелявшего, начнётся паника. Главное – не промахнуться.

И стрельба началась. Только не так, как он рассчитывал. Людской поток уже повернул к Троицкому мосту, как раздался визг шин, еле удержавших в повороте бешено несущуюся невесть откуда и куда машину. Вместе с ним из разбитого автомобильного стекла высунулся пулемёт и дал очередь. Пули чиркали по камню стен, рикошета, куда попало. Звук стрельбы был оглушитель, машина, не сбавляя скорости, умчалась дальше. В ответ со стен Петропавловской крепости тоже застрекотали пулемётами. Толпа превратилась в лавину, сметающую всё на своём пути. Кто-то бросился на землю, кто-то бежал, пригнувшись или в полный рост, наступая на лежащих, ползущих, спасающихся от завизжавшей со всех сторон смерти, людей.

Дятлов, напряжённо следящий за Коноваловым, начало этих событий пропустил, свист пуль и лай пулемёта где-то рядом он услышал уже падая на землю, сбитый с ног кинувшимися наутёк. Больно ударился плечом о булыжник набережной и инстинктивно попытался ползти к укрытию – гранитной лестнице, ведущей к реке. На спину резко надавило чьё-то колено и локоть, из глаз брызнули слёзы, а из лёгких будто из пробитой шины, свистя вышел весь воздух. Михаил полз, упрямо расталкивая мешающие тела. Вот он смог подняться на колено, увидел лестницу совсем рядом, приготовился юркнуть туда на четвереньках, но чья-то нога увесисто задела по заду, развернув его и снова бросив на землю. Людей впереди почти не было, несколько человек неподвижно лежали зачем-то закрыв головы руками. Вдаль по улице бешено неся автомобиль, давая короткие беспорядочные очереди. Дятлов одним прыжком преодолел оставшееся расстояние, сел, прижавшись спиной к холодным камням, теперь укрывавшим его от стрельбы из крепости.

Вокруг с криками убегали люди, набережная практически опустела. Солдаты-конвоиры были уже на мосту, стояли вкруг на одном колене и держали под прицелом всё окружающее пространство. Арестованные лежали внутри круга прямо в мокрой грязной каше, также нелепо закрыв головы руками, будто это могло спасти их от шальной пули или рикошета. Один из конвоиров привязал красный флаг к примкнутому штыку своей винтовки и размахивал им, давая понять, на чьей они стороне. В темноте всё равно и с пяти шагов было не разобрать, кто тут кто. Наконец стрельба и со стен Петропавловской крепости стихла.

Дятлов видел, как осторожно поднялся на ноги конвой и поднял заключённых. Уцелели все, лежать никто не остался. Интересующий его господин протянул пачку папирос высокому конвоиру, очевидно, в ответ на его просьбу. До него доносились какие-то обрывки слов, сначала резкие, затем всё более радостные. Дятлов пощупал кобуру, револьвер в суматохе не вывалился. Только стрелять теперь не было никакой возможности – он на набережной один, разве еще с десятков зевак трутся у домов вдалеке. Его заметят и откроют ответный огонь. Шансов нет, пристрелят сразу. «Эх, борцы за справедливость. Всю толпу в пять минут сдуло от первого выстрела, словно конское дерьмо метлой смахнули. А какие храбрые были, когда против безоружных глотку драли», – раздражённо думал Михаил о недавно кричащих здесь людях. Он услышал топот удаляющихся ног, поднялся из-за укрытия и увидел спину в дорогом чёрном пальто под защитой штыков. Дятлов увидел, как воровато прятаясь и пригнувшись, спешит прочь один из недавно арестованных офицеров, сумевший воспользоваться суматохой и ускользнуть от конвоя, но ему было плевать.

Тут-то вдруг и захотелось выпить, захотелось так, что свело скулы и заломило суставы. Может это была просто усталость, пришедшая после нервного перенапряжения, но перед глазами стояла лишь бутылка с обжигающей прозрачной жидкостью. Мужчина спустился к Неве и умылся, пытаясь избавиться от навязчивого морока. Стало лишь хуже – смыло апатию и бессилие, появилась дикая злоба и бодрость. Он зашагал вдоль ограды Летнего сада, вышел на набережную реки Мойки. Несмотря на позднюю ночь, улицы не спали. То тут, то там горели костры, ходили вооружённые красноармейцы. Порой раздавались крики, свист и хохот. Мужчина бесцельно шагал, не чувствуя усталости.

– Браток, табачком не богат? – окрикнул его вооружённый матрос.

– Не курю, – ответил Дятлов и оглянулся по сторонам, забрёл он далеко. – Водки нет у тебя?

– Не положено нам, мы на посту, – грустно ответил матрос, греющийся у костра. Три его товарища тоже невесело вздохнули.

– Эх, вы. Ночь-то сегодня какая! Буржуев свергли. Всё теперь народное, всё наше. – Мужик внимательно рассматривал вывески напротив. – На нужды революции можно и экспроприацию произвести.

Он подошёл к занавешенному окну, по обе стороны от которого были плакаты с большими печатными буквами. «Вина русския и иностранныя, ликеры, водки, гарантированныя лабораторнымъ изследованиемъ», – прочитал Михаил про себя и, не колеблясь достал из кобуры револьвер. Оглушительно раздались на пустой улице два выстрела, сливаясь со звоном осыпающегося стекла. Затем стрелок схватил портьеру, загораживающую витрину и с треском оторвал её. Штора в окне над лавкой стыдливо отодвинулась буквально на сантиметр – хозяин магазина наблюдал из темноты за происходящим, но остановить грабёж боялся, не желая связываться с пятью вооруженными людьми.

– Держи, скатертью будет, – мужик кинул портьеру матросам, с безмолвным одобрением, наблюдавшим за ним. – Как вы к коньяку относитесь, товарищи?

– Дык не пробовали, дорог больно, – ответил другой матрос, сглотнув слюну.

– Вот и попробуем. Нынче мы хозяева, привыкайте. Настрадались при старом режиме, пускай теперь нам долги ворачивают, – грабитель засунул обе руки в витрину, достал две фигурные бутылки с тёмно-янтарной жидкостью, заманчиво переливающейся в изменчивом свете костра. Локтем он задел бутылку какого-то вина. Она звонко разбилась о мостовую, но мужчина даже не обратил на это внимания, а пошёл к огню, хрустя каблуками по битому стеклу.

– Закуски нету, съели всё, – сказал маленький тщедушный матросик с выбитым передним зубом. Настроение у патруля улучшилось, краснофлотцы заметно оживились, потирали руки и улыбались.

– Ты посмотри, сколько эта бутылка стоит. Чистый нектар должен быть, – мужик с звонким хлопком вынул пробку. У костра весело засмеялись.

Коньяк огненной лавой полился кратчайшим путём – из горлышка прямо в горло. Сделав три больших глотка, экспроприатор протянул бутылку соседу. На глазах выступили слёзы, а в голове мгновенно зашумело. Мужик снял кожаную фуражку с красной лентой на околыше и долго её нюхал. Он оказался наголо бритым, правда волосы вокруг плечи успели пробиться на висках и затылке редкими серебряными колючками. Огонь в глотке долго не утихал. Мужик ждал наступления почти забытого чувства лёгкой бесшабашности и веселья. Бутылка закончила круг и опустела в руках щуплого матросика, который допив и утерев рукавом губы, кинул её в стену. «Туды её растак», – загудели одобрительно вокруг.

– Звать-то тебя как, благодетель? – спросил один из матросов.

– Товарищ Дятлов, – ответил улыбающийся мужик, блаженство наконец растеклось по организму вместе с теплом, – Миша.

Дальнейшие события слились в единую карусель, что было раньше, что позже, теперь не упомнить. А что-то и вовсе стёрлось навсегда. Компания познакомилась и скоро стали обниматься и брататься. В разбитую витрину залезали ещё много раз, покрыв всю улицу битым стеклом. Палили вверх из ружей. Хозяин лавки со слезами подглядывал за тем, как громят его детище, уже понимая, что ущерб никто не возместит. Подоспели два красноармейца проверить, что за стрельба. От вина они отказались и сурово отчитали пьяниц, но те уже закусили удила. Началась проверка документов, разоружение и замена патруля, но ловкий Миша успел незаметно уйти до этого, растворившись в тени улиц.

Потом в памяти отпечталось, как в какой-то пивной, которая не закрывалась всю ночь, он объяснял двум новым знакомым свои злоключения.

– Ты пойми, – в пятый раз объяснял он случайному собеседнику, – их надо расстрелять. Рас-стре-лять! Я тридцать лет борюсь за народное дело. За тебя, товарищ, борюсь. А их под арест, на казённые харчи. За что? За то, что кровь нашу пили? На штыки поднять, а трупы в Неву – земля чище будет.

Собутыльники горячо поддерживали товарища Дятлова. Потом собирались вместе пойти и устроить над министрами расправу, но выяснилось, что зачинщик, прилично охмелевший, самостоятельно ходить уже не может – мотается и падает.

– Эк тебя, братец, развезло, – сочувственно сказал один из матросов, после того как Михаил, направляясь в уборную, сразу упал на первый же стол, сметая там все бутылки и стаканы.

С пострадавшими соседями сначала ругались, а потом вместе пили и пели песни. Дятлова усадили в угол, чтобы больше не бузил. Теперь он не митинговал, только молча пил, потом пробила неукротимая икота. Разошлись под утро. Дятлов мирно спал, прислонившись к стене и пустив тонкую нитку слюны на воротник истёртой кожанки. Новые друзья принесли его к себе. И вот теперь он на корме какого-то корабля в компании похмелившегося весёлого матроса Яши. Куда теперь? Что дальше?

– Мы буржуев пощипать собираемся. Айда с нами! – предложил краснофлотец.

– Каких буржуев? – хрипло спросил Дятлов.

– Да каких найдём! В Петрограде их много. Пора социальную справедливость наводить, пока другие не опередили.

– Грабить собираетесь?

– Ты вчера вообще министров расстрелять хотел. Толку от этих министров никакого. Сидят в крепости – ни денег, ничего другого ценного нет. Пойдём с нами. Улов побогаче будет.

– Нет, Яков. Мне в Смольный надо. За вчерашний загул по головке там не погладят.

– Ну и плюнь на них. Ты теперь сам себе начальство, – сказал матрос, но видя, что Дятлов только мотает головой, сказал: – Ладно. Пойдём, в порядок себя хоть приведёшь. Если передумаешь – всегда будем рады тебя видеть. Мужик ты отчаянный.

Дятлов взбил мыльный раствор, намазал кисточкой голову. Бритву он раскрыл осторожно, руки дрожали. Аккуратными движениями начал брить череп. Не вовремя накатила слабость, спина мгновенно взмокла, липко и противно. Михаил сел, дожидаясь, когда мандраж пройдёт, затем медленно продолжил. Причёска была готова – череп сиял, как бильярдный шар, помятый в паре-тройке мест кием. Намылил щеки и подбородок, стал брить лицо. Здесь руки вышли-таки из-под контроля, и он немного порезался. Ерунда, можно будет свалить на бессонную ночь. Потом обтёрся над раковиной мокрым полотенцем и почистил зубы. Резкий перегар чуть смягчился.

Поправил одежду, проверил револьвер. В барабане не хватало двух патронов, значит после стрельбы по витрине, оружием он больше не пользовался. Своим, по крайней мере. Клинок ножа тоже был чист, без всяких следов. Он дозарядил револьвер, наглухо застегнулся. Кепка была в грязи, видимо, ронял её вчера. Пришлось почистить. Перед трапом встал и вздохнул. Похмельное состояние нагнетало безотчётную тревогу, лезли какие-то чёрные мысли, мир снаружи представлялся враждебным.

– Бывай, браток. В гости заходи, – сказал на прощание Яков.

Михаил в ответ помахал рукой. Дятлов пошёл по улице, засунув руки в карманы и подняв воротник. Порывами налетал ледяной ветер, который поначалу бодрил и трезвил, но вскоре выдул остатки тепла из-под кожанки. «Шинель надо было надеть, не простыть бы», – думал Михаил, стуча зубами. Показалась чайная и он юркнул в её манящее тепло. Заказал горячего чая, при мысли о еде начало мутить. Чай пил с наслаждением, тепло приятно прогоняло из

организма стылость и похмелье. Расслабился так, что даже чуть задремал, привалившись к стенке. Народу в чайной почти не было, стояла тишина. Теперь можно спокойно подумать.

Перед Дятловым стоял непростой выбор. Его жизнь была распланирована и двигалась, пусть не без опасностей и злоключений, но именно так, как он и хотел. Революция, случившаяся в феврале 1917 года, спутала все карты. Михаил уже было подумывал выйти на покой – накоплений хватит, чтобы остаток жизни провести сыто и безмятежно. Однако в бушующем мире отыскать безопасный островок сложно, да и случившиеся перемены сулили не только неприятности. В небе замаячил пресловутый журавль, уговаривая бросить пойманную синицу и устремиться за ним. Дятлов знал, что прекрасный мираж может растаять в одночасье, но уж больно заманчивые перспективы влекли его. Противостоять соблазну не было сил. Препрежнее государство рухнуло, кругом руины. Это ненадолго – общество не потерпит пустоты, обязательно чем-то её заполнит. Возникнет новая власть и у Михаила есть все шансы стать частью этой пирамиды, вскарабкаться на неё повыше. Власть! Она всегда манила Дятлова. Прежде, глядя на царских сановников напыщенных и важных, Михаил им... завидовал, мечтал занять их место. Сколько душ он перебаламутил, призывая народ забрать власть в свои руки! Наконец сбылось. Неужели теперь, когда до мечты рукой подать, он трусливо убежит со своей никчемной синицей?

Только одно препятствие могло вмешаться и всё разрушить – платой станет собственная голова. Но это было живое, а, значит, устранимое препятствие – человек. Когда-то таких людей было двое, причём второй потенциально был опаснее, но теперь его нет. Остался один, которого, как рассчитывал Дятлов, спишет сама история, но пока не вышло, значит придётся ей помочь. А верная синица – друг Митька – всегда рядом. Сидит в охваченном безумием Петрограде и сторожит их общие сокровища. В крайнем случае забрать всё и убежать он успеет, а пока стоит рискнуть. Может повезёт и удастся выпить шампанского. Тогда, глядя на свиту зависимых от него людей, можно будет сказать, что жизнь удалась. Шансы хорошие. Все вокруг дерутся за высокие идеалы. У него, заботящегося лишь о собственном благополучии, вероятность победить гораздо выше. Пусть упёртые гибнут за свои принципы – лет через десять-двадцать о них всё равно никто и не вспомнит. Разве только он усмехнётся с высоты своего положения, вспоминая чужую глупость. Своё благополучие – вот главный принцип, а политические программы, полемики, дебаты – всё это ерунда, пудра для мозгов.

Дятлов отставил остывший чай и вышел в холодный город. Настроение улучшилось, Михаил шагал бодро, упруго, назло ледяному встречному ветру. Казалось – всё по плечу. Город жил своей жизнью. Даже происходящие события воспринимались горожанами, как какое-то представление: за штурмом Зимнего позавчера наблюдала толпа зевак, а во время его обстрела рядом звенели освещённые трамваи. Надрывались продавцы газет, выкрикивая заголовки. Вот уж кому приходилось трудиться – жаждущий новостей обыватель раскупал газеты бойко. У чугунной ограды сада, забравшись на парапет, восторженный юноша с красным бантом на шее агитировал зевак, судя по всему, таких же студентов. Одной рукой он держался за чёрные прутья ограды, а второй, с зажатой шапкой, размахивал, словно дирижёр перед оркестром. Ветер трепал его длинные волосы, лицо покраснело от холода, но он не обращал внимания на это.

– Настала новая эпоха, товарищи! Ура! Петроград станет колыбелью мировой революции, нашему примеру последуют весь мир и тогда начнётся другая жизнь – без войн и угнетения, – громко кричал он тонким голосом.

«Сука патлатая. Я чуть не сдох сегодня в этой колыбели. Смотри, как бы и всех вас – щенков – в ней не передушили», – зло подумал Дятлов.

Наконец показалась громада Смольного дворца. Сейчас бывший институт благородных девиц было не узнать. Негромкая речь, балы, сдержанность, уроки танцев и домоводства, юные воспитанницы в форменных платьях – всё растворилось в туманной дымке прошлого. Сейчас здесь толпились вооруженные мужчины, витал тяжелый табачный дух, постоянно хлопали

двери, стоял треск печатных машин, люди бегали туда-сюда, громко говоря, крича или смеясь. Однако этот хаос господствовал только при входе, дальше проходы охранялись и без пропуска пройти было нельзя. Дятлов решил пойти на второй этаж, туда, где раньше отчитывался в проделанной работе. Навстречу сверху спускался высокий мужчина в простой солдатской гимнастёрке, застёгнутой наглухо. Волосы над высоким лбом были аккуратно зачёсаны назад, усы и борода тоже аккуратно уложены. Одень такого в хороший костюм, повяжи галстук – вылитый польский шляхтич, породистый и надменный, который странно смотрелся среди победившего пролетариата. Холодные глаза смотрели вокруг без эмоций, но пристально.

– Дятлов! Пойдите. – сказал строгий товарищ, внимательно глядя на Михаила, – Дятлов... Не вы прошлой ночью с патрулем краснофлотцев устроили грабёж винной лавки и пьянство на посту? Задержанные упоминали, что на нарушение революционной дисциплины их уговорил некий Дятлов, который скрылся при прибытии наряда из Смольного.

Михаил сглотнул вставший в горле комок. Феликс Дзержинский, большевик, пользующийся огромным авторитетом, несгибаемый революционер шутить не будет. Как бы не загреметь за ночные похождения. Ведь запомнил же чьё-то донесение. Словно дел у него других нет, как всякую ерунду помнить.

– Виноват, товарищ Дзержинский, – ответил Дятлов, решив полностью раскаяться. – После штурма такая радость накатила, не удержался. Виноват. Я и не пью совсем, а тут, дурак, отпраздновал.

– А как скрылись?

– Понял, что по головке не погладят и ушёл, когда наряд в начале улицы увидел. Смалодушничал. Готов понести наказание, – Михаил смиренно опустил голову, словно нерадивый ученик перед строгим учителем.

– Следуйте за мной, – коротко сказал Дзержинский.

Он поднялся на третий этаж, Дятлов следовал за ним, ругая себя – надо же так попасться. Не пил сколько лет, а тут попробовал снова, идиот. Мало того, что еле очухался, так ещё и отвечать теперь. Два раза в жизни вино пробовал, и оба раза в переплёт попадал. Другой всю жизнь пьёт и ничего. За что ему такое невезение? Они вошли в комнату, когда-то служившую классом. Парты были сдвинуты и завалены бумагами. На некоторых стояли печатные машинки. К стене была прикреплена карта Петрограда с условными пометками. У самого окна стоял невесть откуда взявшийся шикарный рабочий стол, такие стоят у управляющих банков или директоров крупных заводов. На столе, кроме письменных приборов, ничего не было, ни единой бумаги. В углу высился солидный негоряемый шкаф, тоже явно не отсюда.

Дзержинский сел за этот стол, Дятлову указал на стул, напротив. Несколько минут сидел молча, равнодушно глядя на Михаила. Взгляд спокойный, но проникал в самую душу, посетитель неуютно ёрзал на своём месте, хозяин же был недвижим, словно каменная статуя. Дверь кабинета приоткрылась и внутрь, блеснув стёклами пенсне, заглянул незнакомый Михаилу господин. Любопытный, увидев из-за двери Дзержинского, по-хозяйски вошёл внутрь и направился к нему:

– Феликс, дорогой! Дай обниму. Давненько же не встречались!

Посетитель был похож на кота – упитанный и вальяжный, с пушистыми усами на круглом лоснящемся лице и полуприкрытыми хитрыми глазами. Одет он был хорошо, словно преуспевающий юрист или чиновник высокого ранга при царском режиме. Он как-то плавно, словно крадучись, прошёл мимо Дятлова к хозяину кабинета. Михаила обдало свежей коньячной волной. «Это что ещё за деятель?», – подумал он.

– Мечислав, здравствуй. Освободился уже?

Сухой высокий Дзержинский с искренним чувством приобнял круглого невысокого посетителя, затем долго жал ему руку. Посетитель жизнерадостно улыбался.

– Вот, знакомьтесь – товарищ Козловский. Мечислав Юльевич, – сказал Михаилу Феликс Эдмундович. – Мы с ним в Литве и Польше начинали. Из Петропавловки освободили сегодня. Мечислав, думаю, будет следственный комитет возглавлять. Расследовать преступления Временного правительства, которые, я уверен, были многочисленны и чудовищны.

– Какая ирония, – промурлыкал вошедший. – Правительство Керенского меня арестовало, а теперь я должен расследовать их художества. Феликс, любезный, я найду. Можешь во мне не сомневаться. Они мне такого насочиняли – и шпионаж, и отмывание немецких денег! Ну ничего! Пусть все узнают, что у них за душой.

– В твоём случае, если говорить честно, дыма без огня не было. Другое дело, что и доказательств никаких, но обывателя громкими формулировками с толку сбить можно, – сказал Дзержинский, взглянув на оживившегося гостя.

– Это дело прошлое, – парировал Козловский. – Мы все общее дело делали. Жизнь показала, что не зря, а победителей не судят. Теперь мои похождения никому не интересны, не то что художества министров. Вот об этом людям узнать любопытно. Объясним гражданам, из-за кого они так плохо живут.

– Главное ищи что-то правдоподобное, но такое, чтобы вызвать к ним отвращение и ненависть. Упирай на их роскошную жизнь посреди всеобщего бедственного положения. Но и слишком не фантазируй, а то не поверят, – Феликс Эдмундович в задумчивости поглаживал клиновидную бородку.

– Почему бы их просто не повесить? – подал голос в наступившей тишине Дятлов. – А преступления задним числом любые можно будет приписать – никто ничего не проверит уже.

В бывшем классе повисло молчание. Присутствующие вдруг посмотрели на Михаила, будто только вспомнили о его существовании. Козловский, которому обрадованный встречей хозяин Дятлова так и не представил, силился понять – кто это вообще? Дзержинский же откинулся на спинку стула, закурил и с наслаждением выдохнул дым папиросы в потолок. Побарабанил пальцами по столу, что-то обдумывая.

– Хорошее предложение. Простое и надёжное, – наконец сказал он. – Что, и рука у тебя не дрогнет?

– Нет, – просто и убеждённо ответил Михаил.

– Прекрасно! – Феликс Эдмундович улыбнулся. – Какие-то личные счёты с кем-то из арестованных?

– Нет, – невозмутимо соврал Дятлов, пожав плечами, – Просто для пролетарской революции так лучше.

– Прекрасно! – повторил Дзержинский. – И совесть не замучает, что столько душ в расход пустил?

– Нет, – Михаил упрямо твердил своё, нисколько не колеблясь.

– Похвальная сознательность, – хозяин кабинета встал и отошёл к окну. Он долго стоял у окна, разглядывая суету во дворе, затем выпустил очередной клуб дыма, повернулся к Дятлову и неожиданно эмоционально продолжил, – Прав ты, Миша. Прав. Только делать этого нельзя.

– Почему? – спросил Козловский, до этого наблюдавший за беседой внешне безучастно, но взгляд его был холодно-внимателен, не упускал ни одной детали.

– Во-первых, вы, видимо, забыли, что прежнее правительство отменило смертную казнь, кроме как на фронте? – вопрос был неожиданным.

– И что с того? – не сговариваясь, в один голос спросили оба посетителя.

– Вы правы, это препятствие не главное, – Дзержинский погасил окурочек в пепельнице. – Для людей, принявших в своё время такой закон, мы можем сделать исключение и отправить их на эшафот. Только вот сегодня утром в Смольный пришли телеграммы от правительств государств-союзников в этой проклятой войне. Они обещают прервать всяческие сношения с Россией, если арестованных министров казнят. Наше лишь вчера появившееся государство

окажется в кольце врагов. Недели не пройдёт, как в Петрограде будут иностранные армии. Тогда уже на эшафот отправимся мы.

Дятлов и Козловский примолкли, первый мрачно, второй задумчиво. Феликс Эдмундович поднялся со своего места и присел на край стола перед гостями.

– Ты, Мечислав, про министров расследуй. Ищи тщательно, чтобы было чем оправдать их заключение в крепость, а то и применение более сурового наказания. Отнесись к этому серьёзно. Кстати, познакомься. Это товарищ Дятлов. Занимался агитационной работой на фронтах и в петроградском гарнизоне. А вчера на радостях ограбил винную лавку. Хотел было ему устроить разнос, но тут ты появился и сбил меня.

Козловский приподнялся со своего стула, промурлыкал что-то вроде: «Очень рад», и обдал Дятлова густой волной винных паров. Взгляд его стал не таким настороженным. «Ишь, думает, что нашёл родную душу – от меня самого поди амбре не лучше», – подумал Михаил, отвечая крепким рукопожатием.

– От посланного для наведения порядка патруля он скрылся – опыт подпольной работы большой, никуда не денешь, – продолжил между тем Дзержинский. – Ты, Михаил, будешь осуществлять в Петропавловской крепости негласный надзор за бывшими министрами. Любому понятно, что они будут центром притяжения для всякой контрреволюционной сволочи. Вот и отслеживай – кто, зачем ходит. Арестованные не должны получить никакого вреда. Пока не должны. Свидания с родными, посещение медиками Красного Креста – всё это обеспечить. Необходимо немного смягчить режим заключения. Позволь им какие-то мелочи, недоступные обычно для арестантов. Как ситуация будет развиваться дальше – увидим, а сейчас министры должны содержаться в относительно сносных условиях и безопасности. Вот твоя задача, товарищ Дятлов. Отвечаешь головой. Министры – не только маяк для недовольных, но и наш козырь. Пусть мы пока не знаем, как его можно использовать, но всякое может случиться. А уж списать их в расход за ненадобностью успеем всегда, дело секундное. Будь всегда готов исполнить и такой приказ! Ловкости и решительности для такой работы, как я вижу, у тебя хватит.

Михаил кивнул, сделав максимально серьёзное лицо. Он не мог поверить своей удаче. Судьба сама отдала ему в руки того, кто мог похоронить его мечты о счастливой жизни в новом мире. Уж Дятлов-то за ним проследит, можете не сомневаться. Ни один шаг не останется незамеченным, каждый будет истолкован верно! А приказа на уничтожение Михаил будет ждать, как подарка и исполнит лично, с радостью. Только в последнюю секунду шепнёт на ухо своему врагу, кто он и за что казнит, чтобы увидеть в его глазах предсмертное отчаяние и запомнить навсегда. Словно вдалеке звучал голос Дзержинского: «Посещение пленных только по разрешениям, выданным товарищем Козловским. О гостях, не имеющих пропуска, немедленно сообщать, устанавливая их личность». Михаил машинально кивал, но мысли были далеко – то ли в счастливом будущем, то ли в серых казематах рядом с беспомощным противником. Мечислав Юльевич заметил, что Дятлов продолжает соглашаться с собеседником бессмысленными кивками, хотя тот уже отошёл и рассуждает о чём-то постороннем, и легонько толкнул его носком ноги. Видя, что тот очнулся и оглядывается, еле заметно подмигнул.

– И ещё один момент, – сказал Феликс Эдмундович строго взглянул на собеседников бесстрастными холодными глазами, – Случаи пьянства и мародёрства хлещут через край. Нужно решительно искоренять. Мы взяли власть, но удержать её будет сложнее. Думаю, что скоро партия поймёт – с врагами революции, преступниками, саботажниками нужно бороться беспощадно, иначе настанет анархия. Мягкотелости нам не простят. Быстро восстановить порядок – задача не менее важная, чем закончить империалистическую войну.

– Понимаю, товарищ Дзержинский. Буду лично ... – начал было Дятлов.

– Вот и сделайте так, чтобы вчерашняя ваша выходка была последней, – перебил его хозяин кабинета.

– Феликс, дорогой... – попытался что-то сказать Козловский.

– Мечислав, от тебя коньяком несёт на весь Смольный, – голос Дзержинского звенел сталью. – Понимаю, вы рады. Вчера был великий день, но ещё раз повторится подобное – не посмотрю ни на заслуги, ни на дружбу. Вы должны быть примером, олицетворением революции – помните об этом! Идите работать. Документы вам сейчас выправят.

Мечислав и Михаил вышли в коридор.

– Давай без церемоний, на ты, – предложил Козловский Дятлову.

– Давай, – согласился тот. – Я сегодня из крепости освобожден, куда тебя наблюдать Феликс направил. С начала июля там отдыхал. У меня коньяк имеется. Чудеснейший. Пойдём, отметим.

– Дзержинский же запретил, – удивился Дятлов.

– Да ну его! Феликс очень правильный, но скучный. Железный какой-то. На уме только революция, борьба одна. Я вчера ещё арестантом был, вшей кормил. А сегодня я – власть. Вся жизнь – такие качели. Нужно наслаждаться ею, когда ты наверху. А так глядишь – завтра опять внизу или, что ещё хуже – нет тебя. А ты и не пожил. Пойдём! Всё ж нам работать вместе.

– Не могу. Еле живой, всю ночь с матросами пил. Лавку мы разграбили – вина выпили без счёту. Только отпустило. Боюсь начну опять и точно помру, – Дятлов решил подыграть скользкому господину. Не нравился он ему, но ссориться с другом Дзержинского не хотелось.

– Н-да, видел, как тебе в кабинете поплохело. Сидел кивал не пойми чему, – Козловский рассмеялся. – Прав Феликс – наша революция победила, глупо в первый же день допиться до смерти. Постараюсь побережусь! Ты заходи, Миша. Всегда рад буду.

Новые знакомые пожали друг другу руки, улыбаясь, но искренности в их прощании не было. Принесли свежее отпечатанный документ, подтверждающий полномочия Дятлова. Как во сне Михаил взял его в руки, вышел на улицу. До Петропавловской крепости путь был неблизкий, но он даже не заметил, как дошёл. Мысли роились в голове, не давая улечься радостному предчувствию. Всё повернулось так, как он и мечтать не мог. Судьба наградила его за терпение. Теперь тюремный каземат – не спасение, а западня, которую он контролирует. С сегодняшнего дня он будет знать о каждом вздохе того, кто ему нужен, видеть каждый его шаг. И ждать. Ждать, когда выпадет ещё один шанс, который поставит точку. А ждать он умеет. Дятлов не пошёл в крепость сразу, а спустился на мёрзлый берег Невы. Присел на корточки и зачерпнул в горсть ледяную воду. Она просочилась сквозь пальцы, Михаил лишь усмехнулся. «Ничего. Теперь не уйдёшь», – злорадно думал он. Даже ледяной ветер стих и больше не пытался выдуть из него душу с остатками тепла, словно отдал дань упорству этого человека.

Дятлов смотрел на свинец воды, Зимний дворец и колонны на другом берегу, а сам невольно вспомнил первую встречу с тем, за кем так упорно охотился. Разве мог он тогда предположить, что его судьба будет зависеть от этого человека, который даже не представляет своей власти над ним? Что одно его неосторожное слово будет способно раздавить Михаила, словно муху? Впрочем, почти тридцать лет назад как раз и мог. Тогда Коновалов был наследником богатейшей купеческой семьи Костромской губернии, а Дятлов безвестным паренёком из рабочей среды, каких вокруг были тысячи. Мелькнули, как миг, сплошной вереницей годы и всё перевернулось с ног на голову. Теперь главный он – бывший пролетарий, а известный всей стране фабрикант – бесправный арестант. У Дятлова, в отличие от его визави, хватит ума и ловкости не упустить, то что дала ему фортуна. Михаил улыбнулся и пошёл в крепость.

Костромская губерния, апрель 1889 года.

В селе Вичуга⁸ было тихо, хотя час был не совсем поздний. Местный люд потихоньку готовился войти в привычную рабочую колею – большинство на фабрику делать ткань, осталь-

⁸ Сейчас посёлок Старая Вичуга Ивановской области

ные на поля растить урожай. На тёмных улицах не было празднующихся, и деревенская тишина изредка прерывалась лишь коротким спором дворовых псов. Звёзды и луна спрятались за облаками, и тьма расплзлась по округе так густо, что казалось её можно потрогать. Исполинская громада фабрики в центре села – непривычно тёмная и тихая – возвышалась только что уснувшим вулканом, исторгнувшим во все стороны угольки крестьянских изб, едва тлеющие тусклым светом в оконцах. Этот мерцающий свет отгонял темноту за углы, где было совсем непроглядно.

Торговая лавка недалеко около базарной площади тоже закрылась. Рядом стоял дом лавочника, в окно которого постучал поздний прохожий, неожиданно вынырнувший прямо из тьмы. За забором гневным лаем зашёл пёс, показывая хозяину, что не зря тот его кормит. Лавочник открыл дверь и, прищуриваясь, старался разглядеть позднего визитёра:

– Кого там принесло?

– Открывай скорее, всю деревню перебудим, – ответил неожиданный гость.

Лавочник узнал его по голосу, успокоил собаку и открыл калитку. Мужчины пожали друг другу руки.

– Пойдём в лавку, жена спит уже, не будем беспокоить. – Хозяин зазвенел связкой ключей, – Откуда ты на ночь глядя?

– Здравствуй, Дмитрий, – ответил гость.

– Здравствуй, Михаил.

Они зашли в лавку, и хозяин зажёл керосиновую лампу на прилавке. Гость быстро и внимательно огляделся, не упуская ни одной детали. Так смотрят воры или, наоборот, жандармы на службе. Парень был сухощав и резок в движениях, одет в простую рабочую одежду. Недавно ему исполнилось двадцать пять лет. Михаил снял картуз, положил его на стол, пригладил рано пордевшие жиденькие русые волосы и уселся на стул.

– Проведать тебя приехал. Не рад? Пусти переночевать.

– Нежданно просто. А чего ночью почти? Как добрался то? – хозяин – Дмитрий Мальков – был насторожен. Он был на пару лет моложе Михаила, уже чуть расплзнулся от малоподвижной работы и сытой жизни, а так типичный русский житель – белобрысый с простым добродушным лицом.

– С Божьей помощью добрался, – гость усмехнулся. – На паровозе доехал, потом шатался по округе. Расскажи – как торговля, что вокруг делается?

– Пасха была, торговля хорошая, грех жаловаться. Все живы, здоровы, супруга к Троице разродиться должна. Тихо живём, мануфактура работает, народу много нового приходит и сюда, и окрест по сёлам.

Михаил и Дмитрий дружили с детства. Родились и росли в одном селе, их дома стояли недалеко друг от друга. Жили Мальковы побогаче. Мальков-старший держал лавку, Дмитрий с малолетства помогал ему в торговом деле. Дятлов-старший был простым ткачом, громкоголосым, любящим хорошенько погулять по выходным и праздникам. Отцы у друзей рано овдовели. Парни росли без материнской ласки, и если Дмитрий был рядом с отцом, то Михаил чаще был предоставлен сам себе. С юных лет он работал на местной фабрике, как и большинство его сверстников. Монотонный тяжёлый труд давался Мише тяжело – характер у него был неусидчивый, не переносящий однообразие рабочих смен. Зато с мастерами общий язык получалось находить легко. Вот и получалось, что чуть не половину времени парень выполнял какие-то мелкие поручения начальства, отлынивая от настоящего труда. Остальные работники-подростки это замечали и как-то раз поколотили хозяйского любимчика за красным кирпичным забором фабрики. Ответом явилось суровое разбирательство и денежный штраф для драчунов. Михаила больше не трогали, но относились с презрением, не упуская случая, чтобы оскорбить или сделать какую-нибудь гадость. Тогда то Миша и подружился с Димой, которого

в селе ровесники тоже недолюбливали за то, что его семья была богаче соседей, а парню не приходилось с малолетства заниматься тяжёлым трудом.

Мальков рос добрым и отзывчивым мальчиком. Он переживал, что его сторонятся другие дети, поэтому с Дятловым сдружился быстро. По характеру Михаил был полной противоположностью Дмитрия – колючий, способный соврать, не моргнув глазом. Впрочем, эти свои черты он проявлял только при Малькове, который был и младше, и покладистей. При важных людях Михаил отличался любезностью и обходительностью. Стоило нужному человеку отойти, как Миша мог тут же обругать его последними словами. «Он злой оттого, что один и никому не нужен. Мама умерла, отцу вечно не до него, друзей кроме меня нет», – думал Дмитрий.

Так и выросли они бок о бок, иногда ругаясь из-за разности характеров, но непременно мирясь от одиночества. Мальков так и помогал отцу в лавке, выполняя всё больше дел. Особо хорошо парню давался денежный учёт. С цифрами работать он любил, с удовольствием сидел над объемными тетрадами, подсчитывая всё до копейки и аккуратно хранил каждую нужную бумажку. Дятлов поначалу мечтал выйти в начальство на фабрике. Управляющий мануфактурой братьев Разорёновых в Вичуге парня отличал, относился к нему хорошо. Он пытался пристроить Мишу к какому-нибудь ответственному делу, но тому не хватало образования. Читать-писать Дятлов умел, но на дальнейшее обучение не хватало усидчивости. Юноша потихоньку стал терять к фабрике интерес. Теперь он охотно помогал Дмитрию в торговых поручениях, которые тому давал отец. Мальков-старший Дятлова недолюбливал, не из-за того, что тот им не ровня, а чувствовал в его характере червоточинку. Поводов для такого отношения не было никаких, но жизненный опыт лавочника, встречавшего разных людей, заставлял смотреть на Мишу без доверчивости. Внешне, впрочем, никак это не проявлял, чтобы не лишать сына единственного друга. Решил, что со временем что-то дурное выплывет наружу, и сын сделает правильные выводы.

Судьба развела приятелей сама, по своей прихоти. Как-то морозной зимней ночью в сугробе насмерть замёрз подвыпивший отец Михаила. Парень, уже вполне взрослый, ходил как оглушённый. С родителем особо близок Миша никогда не был – тот был вечно в работе и своих хлопотах. Да и отдав сына на фабрику в тринадцать лет, сразу после смерти матери, Дятлов-старший посчитал, что отпрыск теперь самостоятельный человек, который просто живёт под боком. Однако сейчас осознание того, что на всей земле ты остался совсем один, без единой родной души, угнетало парня. Михаил был настолько потерянным, что даже отец Димы жалел его, предлагая работу в своей лавке вместо нудных фабричных смен. Дятлов ничего не ответил, а через неделю неожиданно собрался и уехал в Иваново-Вознесенск, сказав, что там ему будет легче. Работы и там много, город большой, как-нибудь пообвыкнется, зато может на душе легче станет.

С тех пор друзья виделись всего несколько раз. Михаил приезжал навестить могилу отца и во время своих визитов останавливался у Малькова. Большой город сделал его завистливым и чёрствым. Молодой человек часто рассуждал о несправедливом устройстве жизни, когда кто-то работает в тяжелейших условиях, получая гроши, а кто-то ничего не делая получает миллионы. Говорил о правах рабочего класса, о необходимости борьбы с хозяевами фабрик за улучшение своего положения. Дмитрий эти разговоры считал опасными и не поддерживал. Мальков теперь тяготился визитами приятеля. В его жизни тоже произошли важные перемены – лавочник женился. Мария Малькова не любила Мишку. Подобно своему свёкру, она каким-то женским чутьём определила, что человек он скользкий.

– Ты надолго? – спросил Дмитрий у ночного гостя.

– Не успел приехать, а уже гонишь? – Михаил внимательно смотрел в глаза другу. Улыбка, которая как будто приклеилась к нему с момента рукопожатия, сползла, лицо вдруг стало злым и нервным, а во взгляде мелькнуло что-то змеиное.

– Нет, нет! Что ты? Гости сколько нужно.

– Я вернуться решил. Не прижился в городе. Грязно, неудобно. Дома лучше, – Дятлов заговорил грустно, проникновенно. – Не набирают ли ещё на какую мануфактуру? Сейчас срок работников рядить.

– В Тезине Кормилицын и Разорёнов людей зовут. Правда, они на фабрике новый расценки на лето объявили, на двадцать процентов меньше зимнего выходит, теперь к ним не спешит никто.

– Вот скряги. Всё им мало. Почему хоть снизили-то?

– Не знаю. Говорят, что торговля плохая, – Мальков пожал плечами.

– А остальные купцы что? – Михаил нервно побарабанил пальцами по прилавку.

– Другие расценки оставили прежними, поэтому и народ уже набрали, как я слышал.

– Ну ладно, на первое время хоть что-то. В Иваново-Вознесенске расценки ниже наших, так что мне не привыкать. А там глядишь что-то получше найду, – Дятлов был задумчив. – Куда ни приди – везде одно и то же. Не дают хозяева жизни рабочему люду, до нитки обобрать норовят, а сами как сыр в масле катаются. И полиция их охраняет. Не дай Бог возмутишься – на каторгу отправят. Не правильно всё это, несправедливо.

– В лавке переночуешь? Дома жена спит, не удобно её будить, – Дмитрий поспешил закончить опасный разговор, к которым Михаил питал слабость. – В Тезине сейчас угол снять можно, работники поразъехались кто куда.

– Хорошо. Спасибо, что приютил. Я утром уйду, ключ под крыльцом оставлю.

– Договорились. В гости заходи, как сможешь. Расскажешь об Иванове, интересно, как там в городе-то живут. Сейчас поздно уже.

Дома, обняв ничего не подозревающую Марию, Дмитрий, умаявшийся за день, тотчас заснул. Проснулся от настойчивого похлопывания по спине. «Вставай, весь день проспай. Ты чего как разоспался?» – это его теребила жена. Мальков резко сел на кровати, поначалу плохо понимая, что случилось. Потихоньку стряхнув сонную одурь, он вспомнил события вчерашней ночи.

Мария тем временем накрыла завтрак: горячий чай да тёплые блины с густой сметаной. Она села за стол с мужем. Будущая мать себя чувствовала неважно, беременность протекала сложно.

– Отдохну немного, что-то слабость у меня, – сказала она.

– Тогда я сегодня в лавке до полудня пробуду, ты дома отдыхай, – Дмитрий даже обрадовался тому, что лавку откроет сам, мало ли неожиданный визитёр проспал и ещё там.

Тревога его была напрасной, Дятлова уже не было. Запасной ключ он нашёл под камнем справа от крыльца – Михаил оставил его, уходя, где и условились. Пройдясь по помещению, осмотрев прилавки и полки с товаром, Мальков не увидел ни единого следа пребывания Дятлова. Всё стояло на своих местах, не было никаких крошек, ни одного намёка на его ночёвку здесь. «Ишь какой аккуратный», – подумал Дмитрий.

Михаил тем временем уже подходил к селу Тезино. Встал он рано, ещё затемно, осмотрел всё вокруг. Прилавки протёр, на печи, которая служила ему кроватью, тоже никаких следов своего пребывания не обнаружил. Только после этого он вышел на улицу, запер дверь, а ключ спрятал. Небо совсем недавно стало сереть, солнце уже готовилось подняться над горизонтом и рассеивало ночной мрак. На улице было ещё прохладно. Дятлов зябко поёжился в лёгком пиджаке. В селе было пустынно, лишь собаки лаяли, провожая от двора ко двору идущего человека. Михаил добрёл до колодца и наполнил ведро водой. Он сделал жадный, большой глоток, но зубы и скулы тотчас свело до слёз – вода была ледяная. Накатила новая волна озноба. Дятлов чуть подождал и снова приложился к ведру. Пил он теперь аккуратно пропуская воду внутрь осторожными глоточками. Наконец напился, стало даже как-то веселей, настроение улучшилось. Он бодро зашагал, подняв ворот пиджака и засунув руки в карманы. Вскоре совсем рассвело, и прохлада уступила место приятному теплу. Михаил шёл и шёл, становив-

лось всё жарче, пиджак пришлось снять. Придя в Тезино, он опять напился воды у первого же колодца, затем присел на лавочку рядом, вытирая взмокший лоб. На улице было довольно многолюдно. Станным было немалое количество мужчин, снующих по каким-то делам – в это время мужики должны работать на фабрике. К колодцу подошёл подросток, тощий и нескладный. Он тоже набрал воды, напился, вытер губы тыльной стороной ладони и робко присел на край лавки, занятой Дятловым.

– Чего гуляешь, паря? – спросил Михаил. Юноша опасливо посмотрел на него, но ничего странного не увидел – парень как парень, ну пришлый, так мало ли сейчас тут народу слоняется.

– А ты откуда будешь? – вместо ответа он сам задал вопрос.

– Смотри, какой невежливый, – Дятлов усмехнулся. – У вас тут все такие, или только тебя папка мало розгами драл?

– Сколько драл – тебя не касается. – Парень нахмурился и со злостью сказал – Он паром на фабрике обварился. Помер, когда мне и года не было.

– Ну извини, не знал, – безразлично произнёс Михаил. – Впервые я у вас, на работу думал наняться. На фабрику берут или поздно пришёл?

– Берут-то берут, только все оттуда бегут, – подросток был не по годам хмур и немногословен, причём видно, что говорил мало не от робости, а по складу характера.

– Меня Михаилом зовут, – Дятлов протянул юноше руку. Тот помялся и руку пожал.

– Коля Бойцов, – ответил он. – Зря ты к нам пришёл. Где до этого-то работал?

– В Иваново-Вознесенске, – Михаил говорил с младшим, как с равным. Собеседник удивлённо присвистнул, и он поспешил объяснить: – Перед Пасхой с мастером там на Зубковской мануфактуре полаялся. Расчёт мне выдали, да больно маленьким оказался расчёт-то, с моим не совпал. Штрафов, говорят, у тебя много. А за что? Брешут всё! Расчёт поди полный мне начислили, только часть себе по карманам, суки, распихали. Я к мастеру потолковать пошёл, но разговор нескладный вышел – уехать пришлось.

– Ты, поди, это дело уважаешь? – спросил он, щёлкнув себя пальцем под подбородок.

– Не балуюсь, – спокойно ответил Михаил.

– Уезжают, все от нас, а ты приехал, – сказал Коля. – Здесь на мануфактуре расценки снизили, все ищут, где ещё наняться можно, только не берут нигде, везде своих работников хватает.

– И сколько платят, скажем, ткачу?

– Рублей десять, может, выйдет. Хотя если со штрафами, то вряд ли.

– Негусто, конечно, – Миша разочарованно присвистнул. – Сам-то где работаешь?

– Там и трудился до Пасхи, потом про расценок узнал и решил, чего лучше поискать. Зря бегал только, – подросток вздохнул. – Придётся к Кормилицыну возвращаться, жить как-то надо.

– Ну пойдём, покажешь заодно, где тут чего, – Михаил встал и похлопал парня по плечу. – Ты не унывай, глядишь чего-нибудь придумаем.

На улице жизнь шла своим чередом. Чинно расхаживали гуси, суетливо бегали по дороге куры, спал, укрывшись в тени берёзы чей-то старый пёс. Стоял привычный гвалт: лай, кудахта-нье, ржание лошадей, стук топора и скрип телег вперемешку с хриплыми окриками или звонким смехом. У сельской лавки скинули дрова, и лавочник Прокоп деловито командовал мужиками, укладывающими их в штабель. Он мельком взглянул на Николая и его попутчика, парню кивнул, а Дятлова не узнал – не вспомнил давненько уехавшего из соседнего села молодого мужчину. На площади народа было много, словно сегодня был торг. Люди переговаривались, кто-то возвращался от фабричной конторы, с раздражением или возмущением делясь со знакомыми новостями, кто-то обречённо брёл к ней. У дверей конторы стояли несколько человек. Пара баб с детьми о чём-то шептались, трое мужчин молча курили. На Николая никто не

обратил внимания, на Дятлова с интересом посмотрели. Они вошли через скрипучую дверь и повернули в кабинет приказчика справа у входа. Тот сидел за небольшим столом, изучая какую-то учётную книгу и барабанил пальцами по разноцветным костяшкам канцелярских счётов. Рядом лежала стопка расчётных книг. Хозяин поднял глаза на вошедших.

– Здравствуй, Николай, – сказал он пареньку, – Надумал всё-таки?

Юноша угрюмо кивнул. Приказчик, человек пожилой, седой и весь какой-то невзрачно-пыльный, кряхтя поднялся из-за стола, налил себе квасу и залпом осушил стакан.

– Правильно, Коленька, правильно, на привычном-то месте лучше. А расценки повысят, дай срок, потерпеть надо немножко, – рассуждал он, заполняя расчётную книжку. – Кто это с тобой?

– Михаил, – ответил за мальчишку Дятлов, – наниматься к вам пришёл.

– Ну, подожди тогда, дай сначала закончу с Коленькой.

Приказчик, скрючившись, заполнил документ и дал его подписать юноше, тот, не глядя, поставил закорючку в нужном месте.

– Теперь со знакомцем твоим побеседую, а ты ступай, на улице подожди, – приказчик дождался, когда подросток выйдет из кабинета, и обратился к Дятлову: – Михаилом, говоришь, тебя величают. Откуда ты? Я тебя раньше в наших краях не видел.

– Из Иваново-Вознесенска.

– Ого! А в наших краях чего забыл? Шестьдесят вёрст – не ближний свет.

– Жениться надумал, вот и приехал. Надоело по съёмным углам и баракамотаться. Жену заведу, в своей избе жить будем – красота! Я раньше в Вичуге жил, как отец помер – так и уехал.

– Там бы и женился, – приказчик внимательно разглядывал Дятлова, не очень доверяя его словам.

– Не сложилось там, да и некогда было – с утра до ночи на фабрике, потом ноги еле волочишь, не до сватовства уже, – Михаил захихикал, но не найдя поддержки у собеседника, продолжил серьёзно: – Город тоже надоел, грязно, шумно, кроме кабака, развлечений никаких, а тут и воздух, и люди чище.

– Что ж, работа есть. Ты кем наниматься хочешь? – приказчика ответ может и не удовлетворил, но людей на мануфактуру набирать нужно, работать начали уже, а часть оборудования всё ещё стояла – народ на новые расценки соглашаться не спешил.

– Ткач я. Сколько платите?

– Рублей около десяти выйдет, если ткач хороший.

– То есть, если без штрафов? Штрафуете за что?

– Как везде: за брак, прогул, пьянство, непослушание, ущерб имуществу, курение, где не дозволено, ну и прочее. Ты, чай, не первый раз фабрику-то видишь, чего допрос устроил?

– Ты у меня спрашивал, а теперь я у тебя, всё ж не кулёк семечек покупаю. – Дятлов по-хозяйски расселся на стуле. – Расценки у вас, конечно, невелики. А с харчами как?

– Можешь с артелью харчеваться, – раздражённо сказал приказчик, которому надоели постоянные упрёки по поводу оплаты за труд, – там три с половиной, может четыре рубля в месяц уходит.

– Гнильё, поди, всякое варите, что выкидывать пора, а денег берёте – будь здоров.

– Не хочешь – столуйся сам, дело добровольное. Лавка харчевая рядом стоит, можешь там в счёт жалования товар брать.

– Тоже знакомо, – усмехнулся Михаил, которого забавлял разговор. Ему нравилось смотреть, как приказчик, привыкший во время найма рабочих чувствовать себя самым важным человеком в округе, вынужден терпеть расспросы какого-то заезжего наглеца, которого раньше за такое просто выгнал бы в зашей. Видимо, совсем дело было швах. – В лавке дороже всё, вот и торгуешь в долг, лишь бы брали.

– Не моя это лавка, – визгливо вскрикнул приказчик. – Не хочешь – не бери. Я тебе продовольствие искать не буду – сам справишься.

– Жить где можно остановиться? – невозмутимо продолжил Дятлов.

– Пospрашиваешь у людей, можешь вон у Коленьки спросить, он с матерью-старушкой живёт, бывает, что пускает на постой. Есть казарма. Сам всё найдёшь! Наниматься будешь или нет? – щеки приказчика пошли красными пятнами.

Дятлов сделал вид, что раздумывает, а потом важно кивнул. Приказчик быстро и зло заполнил ему расчетную книжку и раздражённо ткнул, где следует расписаться. Михаил величаво выводил каракули, будто подписывает царственный манифест, потом так же важно покинул кабинет.

– На смену завтра к семи утра, я за тобой особо пристально приглядывать попрошу, – прошипел ему в спину доведённый до бешенства клерк.

Дятлов с весёлой улыбкой вышел на улицу, залитую солнцем. Николай сгорбившись сидел на лавочке, остальные разошлись. Михаил плюхнулся на лавку рядом с ним, закинул ногу на ногу.

– Ну как? – спросил подросток.

– Красота, всегда бы так. В Иванове бывало за приказчиком бегаешь, умоляешь, чтобы на работу тебя взял, а он и смотреть не хочет. Если в кабак не сводишь или половину первой зарплаты не отдашь – о фабрике и не мечтай. Разговаривали через губу, от важности только что не лопались. А тут другое дело, я его сам расспросил и про расценки, и про харчи. Покраснел он – хоть прикуривай, но на вопросы отвечал. Злился, правда, чего-то. Кстати, говорит, что у тебя угол снять можно.

– Если пьянствовать не будешь, то сдам. Не люблю я это дело.

– Да не пью я! – сказал Михаил. – Увидишь пьяным – гони и деньги не возвращай, никакой обиды не будет.

Николай повеселел. На Пасху прежние жильцы разъехались по своим деревням на праздник, а сейчас возвращаться не спешили. Они оговорили плату, подросток назвал цену, которая у местных вызвала бы спор, но приезжий с радостью согласился, видать в городе жильё дороже, Коля даже пожалел, что продешевил. Дятлов сразу внёс плату за неделю вперёд. «Ты вон какой серьёзный, вдруг ещё чем не понравлюсь, а коли стерпимся – сразу остаток внесу», – объяснил он. До дома дошли быстро. Николай показал новому постояльцу его кровать, она стояла в горнице, там же вдоль стены стояли ещё четыре таких. Занята была только одна – рядом лежали чьи-то вещи, но хозяина не было. Коля с матерью-старушкой ютились в маленькой комнатёнке за печкой, отгороженной занавесью. Мама подростка оглядела нового жильца, но ничего не сказала, привыкла за годы ко всяким людям. Ребёнка после смерти мужа она воспитывала одна. Работала на фабрике, куда пристроила и Николая, когда тому исполнилось двенадцать лет. Маме не было и пятидесяти. Два её первенца умерли во младенчестве, третий сын – Коля – был единственной опорой и отрадой. С юности она работала в отделочном производстве местной мануфактуры, в отбельном отделении. Воздух, наполненный кислотными испарениями от красителей, душный и влажный, день ото дня незаметно забирал её молодость, здоровье и саму жизнь. Сначала исчез румянец и свежесть кожи. Их очень быстро заменили многочисленные морщины и первые проблески серебра в волосах. Серебро проявилось во всей полноте с последним ударом земли о гроб мужа, когда она стояла с маленьким Коленькой на руках. Тогда ей казалось, что её жизнь тоже закончилась, держаться помогал только сын, которого нужно было вырастить. Потянулись монотонные одинаковые дни, заполненные тяжёлой работой и постоянными домашними хлопотами. Не успела она оглянуться, как сын, когда ему едва исполнилось двенадцать, тоже пошёл на фабрику, когда-то отнявшую мужа. Николай рос серьёзным, самостоятельным, рассудительным парнем, незаметно он стал главой и кормильцем семьи. Мать же одолевала постоянные хвори, она быстро уставала, страдала приступами

мучительного кашля, особенно по утрам. В семнадцать лет Коля заставил её уйти с фабрики, оставив заниматься хозяйством, сам же трудился за двоих, не упуская ни одной возможности заработать. Иногда женщина задумывалась о прошедших годах, мелькнувших так быстро и незаметно, что оставалось только удивлялась, как в ежедневном стремлении выжить, прошла вся жизнь, баловавшая чем-то хорошим крайне редко. Она не хотела, чтобы Николай повторил её судьбу, но какого-то выбора у него не было. Ей оставалось лишь молиться, чтобы сынок в жизни увидел больше радости, чем она.

Дятлов разместил в избе свои нехитрые пожитки и сказал хозяевам, что пойдёт прогуляться по селу, осмотреться что да как. «Про уговор помни, придёшь пьяный – выгоню», – пробурчал ему вслед Коля. Михаил лишь кивнул. Он прошёлся по улице до площади, покрутился там, с интересом рассматривая купеческий особняк и церковь Петра и Павла, но уже мельком. Давненько Дятлов тут не был. Здесь всё было по-прежнему – сельцо как сельцо, похожее на ближайшие, как брат-близнец: церковь, фабрика, торговая площадь, купеческий дворец да несколько грязных, захламлённых улиц с рядами простых изб. Веяло тоской и безысходной предопределённостью жизни, которая катилась по строго установленному кругу: угол в избе – фабричный цех – опять изба. И так без остановки до кладбища. Миша вздохнул, отгоняя невесёлые мысли. Ведь везёт же кому-то в жизни, значит и ему может улыбнуться удача, получится разорвать обыденный круг – главное не прозевать свой шанс и суметь им воспользоваться. А шанс судьба даёт всегда и каждому. Он зашёл в лавку и купил различной снеди, пусть и нехитрой, но вдоволь. Лавочник Прокоп довольно завернул ему товар в кульки, но, узнав, что покупатель хочет взять в долг под расчётную книжку фабрики, задумался.

– Не бойсь, дядя, с первой дачки отдам. У Никанора на фабрике с народом негусто. Тем, кто есть, зарплату точно выплатит, а то и этих-то людей не увидит.

Лавочник поколебался, но жажда заработка взяла вверх, он записал покупку в расчётную книжку, с тем, чтобы потом у покупателя удержали из зарплаты. Михаил с полными руками пришёл к новому дому. Николай что-то делал во дворе.

– Помоги скорее, оброну сейчас, – весело крикнул ему Дятлов. Подросток отвлёкся от своего занятия.

– Чего у тебя там? – спросил он.

– Угостить вас хочу за новую работу и приют. Ужин матушка не готовила ещё? – Коля помотал головой, и Михаил сказал: – Вот и помоги донести, а то точно рассыплю.

Парень взял у него один кулёк, и они прошли в дом, где мама Николая собиралась что-то готовить в печи.

– Подожди хозяйюшка, – сказал ей гость. – Гостинцев принёс, давай сегодня наедемся от пуза, а завтра на работу.

– Не надо, – женщина испуганно покачала головой, они не привыкли к разносолам, питались скромно.

– Брось, хозяйка, не обижай. Я же от чистого сердца – копить не умею, люблю жизни радоваться. Такой вот непутёвый уродился, зато всё с чистой душой: хоть радость, хоть злоба.

Новый постоялец, болтая о том и о сём, помог собрать на стол. Слушая его бесконечную трескотню, мать с сыном забыли о своих проблемах, очень уж занимательные истории рассказывал Дятлов. Врал, поди, половину, но всё равно интересно. Ужин был, по их меркам, богатый и сытный. Вдоволь наевшись, они сидели и пили чай, развлекаясь неторопливым разговором.

– Жадный всё-таки у вас хозяин, – сказал Дятлов.

– Что есть, то есть, – ответил Коля.

– Работу даёт, и то слава Богу, – мама не поддерживала стремление сына найти работу где-то ещё, хоть и с лучшей оплатой.

– За работу пусть деньги даёт. С чего это он расценки снизил? Или в лавке продукты дешевле стали? Может дрова теперь бесплатно дают? Или товар свой он дешевле тебе продаст,

мать? – Михаил спрашивал, не нуждаясь в ответах, которые были очевидны. – Вы бы его спросить об этом попробовали.

Старушка перекрестилась и охнула. Подобных разговоров она опасалась, тут ещё слабость и сонливость навалились. Попрощавшись, женщина ушла спать, мужчины остались вдвоём.

– Прошлым летом бастовали у нас, – ответил Николай. – Штрафовали тогда за любой чих, администрация лютовала, вот люди на работу и не вышли.

– И как? – Дятлов заинтересовался.

– Михаил Максимович тогда все просьбы удовлетворил, администрации по рукам дал. Через день все к станкам вернулись.

– Вот! – Михаил поднял палец вверх. – Если всем миром с хозяина спросить – он сговорчивее становится. Сейчас нужно также поступить.

– Тебе то, что за печаль? Ты здесь работать даже не начал.

– Я, Коля, за справедливость. Сколько я фабрик перевидал, у кого только не работал, а везде одно и то же. Не хотят хозяева с рабочими делиться, покуда гром не грянет, так и норуют каждую копейку отнять.

– Ты из этих, значит, – Николай вспоминал, как называют таких людей, как его собеседник. – Опасно с тобой связываться – на каторгу отправиться можно.

– Перестань, парень, никакой каторги не будет. Я свои права отстаивать привык, что правда, то правда. По мне это лучше, чем сидеть и терпеть. Ладно, давай спать, ложиться, вставать рано.

Они убрали со стола, и Михаил занял свою кровать. Он заснул, как только коснулся подушки, а Николай ещё какое-то время размышлял над его словами. Наутро встали рано, наскоро собрались и отправились на фабрику. На этой неделе им выпали смены с семи утра до часа пополудни и с семи вечера до часа пополуночи. Через неделю время работы было другим – с часу пополуночи до семи утра и с часу пополудни до семи вечера. Утром они в молчании дошли до проходной фабрики. Дятлов прошёл в свой цех, мастер показал ему станки, на которых он должен работать. Профессию ткача он немного знал, но отсутствие регулярного навыка сказывалось – его выработка ни в какое сравнение не шла с результатами других работников. Мастер полсмены тыкал его в брак, который Михаил пропускал на станке, шпули в челноке⁹ он менял медленно, от постоянного грохота разболелась голова, чему способствовала крайняя духота и влажность. В таком гуле даже поговорить с другими рабочими было невозможно.

– Ткач из тебя, Мишка, никудышный. Выгнать бы тебя, да заменить некем, – так оценил его старания мастер в конце смены.

– Ты подожди, – ответил Дятлов. – Цыплят по осени считают, приноровлюсь, разойдусь – всех удивлю ещё. Я раньше в красильном работал больше. Ткачом отвык уже.

– Так и шёл бы в красильную, там люди тоже нужны.

– Воздух там для меня едкий слишком. Кашлять начинаю так, что работать не могу.

После смены Николая на проходной он не дождался и пошёл домой в одиночестве. У колодца Михаил окатился ледяной водой, смывая пот. По телу словно пропустили электрический разряд, голова прояснилась. Он пообедал остатками вчерашней богатой трапезы и ощутил сытое блаженство, которое вкупе с усталостью нагнали дремоту. Дятлов улегся на кровать и моментально уснул. Проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Поднимайся, на смену пора, – Николай склонился над уснувшим жильцом. – Ну и здоров же ты дрыхнуть.

– Это с непривычки, уж больно у вас тут воздух свежий после города, – Михаил тряс головой, отгоняя сон.

⁹ Части механического ткацкого станка.

Голова была тяжёлая. За окном светило солнце. Он посмотрел на часы – точно, весь шестичасовой перерыв проспал, пора на следующую смену. Вдвоём добрались до фабрики. Следующие шесть часов опять прошли в жаре и грохоте, но получаться стало лучше. Монотонная, требующая постоянного внимания, работа превращала и человека в подобие машины, только живой. За всю смену у Михаила не возникало посторонних мыслей, он передвигался между станками, следя за их работой, отлучался только выпить квасу. Грохот уже не казался оглушительным, Дятлов вдруг услышал, что работники, оказывается, переговариваются между собой, заглушая гул станков. И тут его по спине похлопал сменщик – шестичасовая смена незаметно пролетела.

Михаил вышел на улицу. За толстыми стенами фабрики было тихо, шум производства сюда не долетал, слышны были только зычные голоса ткачей, расходящихся по домам. Через пять минут наступила оглушительная тишина, казалось, что округа вымерла, не производя ни единого звука. Сзади подошёл Николай. Дятлов от неожиданности вздрогнул. «Так и оглохнуть недолго», – подумал он. Пошли привычной дорогой домой, говорить не хотелось. Мать-старушка уже спала, в печи дожидался нехитрый ужин, денег на харчи Михаил тоже дал на неделю вперёд. Поев, вышли на крыльцо, какое-то время посидели молча.

– Люди собираются завтра сообща к Никанору Алексеевичу идти. Он купец справедливый. Сейчас, правда, от дел отошёл, но к людскому горю чуток, многим в нужде помогает. Хотят попросить расценки поднять, хоть не вровень с прежним, но чтобы повыше сделал, – задумчиво сказал Коля.

– Это к Разорёнову что ли? – спросил Михаил с безразличным видом жуящий травинку.

– К нему, – ответил парень.

– Давай и я с вами, – предложил Дятлов.

– Не нужно, ты – человек новый. Пойдут те, кого все здесь знают и уважают. Даже хозяева к ним прислушиваются.

– Ну, как хотите. По-моему, лучше всем вместе идти и требовать. От разговоров толку не выйдет.

– Посмотрим, – ответил Коля.

Перед очередной сменой Дятлов наскоро умылся и отправился с парнем на мануфактуру. Рядом брели по улице такие же, как он работяги, словно несколько людских ручейков сливались в единую реку у проходной. Шли смурные спросонья, волочили ноги от усталости – пяти часов на сон не хватало при такой работе, нужно было отдыхать и днём, но не всем это позволяли домашние заботы. Сутки дробились на монотонные смены и короткий отдых, за который надо успеть переделать дела, и опять всё сначала. За проходной человеческая река вновь растеклась несколькими ручьями – все расходились по своим местам.

Мерный грохот станков словно гипнотизировал. Влажность и духота в цеху были такие, что Михаил физически ощущал, как они давят на плечи. Рубаху он снял сразу, и сейчас ходил весь мокрый, постоянно вытирая пот, заливавший глаза. Квас, спасавший от жажды, закончился полчаса назад. Влагу выпускать было нельзя, без неё ткань идёт хуже, постоянно рвётся.

– Фёдор! – перекрывая гул машин раздался крик ткача, работавшего на соседних станках. – Дай мне пряжу хорошую. Брак сплошной. Это гнильё какое-то, я от станка не отхожу совсем, а метры дать не могу – рвёт и рвёт.

– Поскандаль ещё тут! Оштрафую! – мастер кричал не хуже ткача. – Плохо следишь за станками, а на пряжу валишь. Я видел, как ты у стеночки сидел отдыхал.

– Какое отдыхал? Сил нет уже. Духота, пить нечего! Сел на минуту дух перевести – всё одно твоя пряжа рвётся. Хорошую давай, а эту сам тки!

– Эта и есть хорошая! Петька, ты голос на меня не повышай! Говорю – оштрафую за брак и за дурное поведение! Работай, не кричи!

– Вот ты, Федька, и работай! Горбатимся тут за ваши крохи! – ткач со всей силы пнул ни в чём не повинный станок и пошёл к выходу.

– Лишу оплаты за месяц! – кричал вслед мастер, но Пётр его не слушал.

Мастер плюнул и тоже ушёл, остальные – хмурые и озадаченные – вернулись к работе. Плохая пряжа была у всех, ткань шла отвратительно. Отрешенные лица, мысли где-то далеко, руки по привычке, пускали станки, меняли шпули, устраняли обрывы нитей, снова пускали станки – и так без остановки. Дятлов постоянно поглядывал на часы, но минутной стрелке, казалось, тоже надоело выполнять рутинную работу, и она еле ползла по циферблату. Дятлов чувствовал не физическую, а психологическую усталость, сама мысль, что впереди ещё целая смена однообразного, нудного и тяжелого труда, была невыносима. Наконец время работы закончилось, и Дятлов вышел на улицу, которая вновь показалась оглушающе-безмолвной после грохота цеха. Мимо проходил приказчик, у которого позавчера нанимался Дятлов. Дело было к обеду, он спешил, но увидев давешнего наглеца, остановился.

– Эй, балабол, не женился ещё? – спросил он.

Михаил, у которого перед глазами ещё мелькали бесконечные нити, а в ушах словно бил барабан, сначала даже не понял, что обращаются к нему.

– Женишься тут, – ответил Дятлов, немного придя в себя, – Во все глаза слежу, чтобы браку не наделать, а то и те копейки, что платить обещаете, в счёт штрафа удержите, так что на баб смотреть некогда.

– Это потому, что ты пустомеля, – рассмеялся приказчик. – Хороший ткач всё успеет: и деньги заработать, и дом обустроить, и семью завести, а такие как ты только языком молоть горазды.

Он пошёл дальше, довольный, что уел обидчика, хоть немного, но отомстил за пережитое расстройство. Михаил лишь усмехнулся и махнул рукой.

– Там на площади что-то затевается, – сказал подошедший Коля. – Петька с ткацкого отделения по фабрике ходил и мужиков баламутил. Многие его поддерживали. Сегодня делегация от хозяина ни с чем вернулась – никаких уступок не будет.

– Я знаю, он с мастером сцепился. Ткань идёт плохо – заработка никакого не будет. По нынешним расценкам и подавно. Зря, выходит, я вернулся. Работа каторжная – оплата копеечная. Что делать – ума не приложу! Пойдём посмотрим хоть, чего там делается.

– Ничего хорошего, – ответил подросток. – Пришли управляющие, так у них чуть до драки не дошло. Крику столько было! Петька на директора с кулаками полез! Фабричная охрана разняла. Штрафом грозили. Он ушёл, с ним ещё с десяток человек.

– Довели мужика, его понять можно. Сначала хозяин всех оштрафовал: ни за что, ни про что расценки убавил, а теперь подручные его стараются, последние деньги отнимают.

За разговором они незаметно подошли к площади, которую по дороге до дома всё одно никак не обойти. Там уже была толпа около сотни человек. К ушедшим с фабрики присоединились те, кто спешил на смену, но узнав, что переговоры закончились неудачно, решили на фабрику не идти. Перед особняком Никанора Разорёнова шумели ткачи, мотальщики, клейщики, слесари – все, от чьего труда зависит работа мануфактуры.

– Не будем по новому расценку работать.... Плату верни как было.... Штрафы отменяй.... – раздавалось на площади.

– Подойти бы поближе, не видно ничего, – досадливо сказал Михаил и крикнул, вторя соседям: – Расценки подымай!!!

Толпа росла, подходили люди из окрестных домов – почти все в селе работали на фабрике. Уже много больше сотни человек напирая друг на друга стремились к ограде купеческого дома. От возбуждения людей воздух был наэлектризован, как перед грозой, того гляди и ударит раскат грома.

– Нечего там бока мять, нам и здесь неплохо, – сказал стоящий рядом с Дятловым рыжебородый мужик со шрамом на лице.

Он достал из-за пазухи бутылку, заткнутую куском некрашеной ткани, вынул самодельную пробку и отхлебнул, запрокинув голову. Прозрачная струйка потекла по бороде, а затем по кадыку, спускаясь в вырез рубахи. В бутылке прилично ubyло, рыжебородый оторвался от горлышка и вытер рукавом рот, глаза его слезились.

– Во, хорошо! На смену не пойду. Тут дела поинтересней будут. Держи, парень, – сказал он Дятлову и протянул бутылку. Тот немного подумал и, возбуждённый всеобщей истерией, приложился к бутылке. Водка обожгла горло, из глаз брызнули слёзы, но он пил, пока не закашлялся.

– Кольке не давай, он мал ещё, – сказал щедрый мужик.

– Я и сам не хочу, – ответил юноша и предупредил Дятлова: – Ты тоже не увлекайся!

– Я немного, чего уж теперь, – сказал Михаил и заорал: – Верни наши деньги!

На крыльце особняка появился высокий дородный мужчина, одетый по последней моде. Он демонстративно постучал дорогой тростью по ступеньке. «Кормилицын... Купец...», – прошелестело по толпе. Гомон смолк, стало тихо. Фабрикант откашлялся, оглядел людей строгим и надменным взглядом.

– Чего шумите? – крикнул он, когда тишина стала почти гробовой. – Глотку передо мной драть бесполезно! Ваша депутация у меня уже была. Я им всё сказал и вам повторю: расценки пересмотрены не будут. Те, кто получил расчётные книжки – возвращайтесь к работе, прочие могут идти на все четыре стороны! Беспорядки устраивать не позволю – полиция быстро на каторгу отправит! Расходитесь!!!

Он развернулся, громко хлопнула тяжёлая резная дверь особняка за его спиной. Минуту было тихо, затем всё взорвалось негодующим многоголосьем сотен людей. Толпа на площади росла – к ней присоединялись пришедшие на фабрику, но понявшие, что работы сегодня не будет. Бутылка рыжебородого ходила по рукам, кто-то принёс ещё.

– Пойдём, в лавке у Прокопа ещё возьмём, – предложил кто-то из забулдыг.

– А не будет тебе, Васька? На ногах уже еле стоишь, – поинтересовался рыжебородый.

– Тебе вина хозяйского жалко что ли? Тебя Разорёнов нанял его охранять? – Васька в хмельном кураже начал было распалать себя, но каторжное лицо собеседника, остудило пыл. – Пить со вчера начал. Сегодня на фабрику не ходил даже. Оштрафовали меня. По матери мастера обложил, потому что сил терпеть не было уже. Гнилья какого-то дали вместо пряжи, метров нет, дачка будет совсем мизер. Не выдержал.

– А пойдём! Не обеднеют эти, – рыжебородый неопределённо махнул рукой в сторону купеческого особняка. – Айда, братцы.

Лавка была заперта, на двери висел огромный замок. Прокопа-хозяина нигде видно не было. Мужики ловко сбили замок и пошли внутрь.

– Пойдём отсюда, – Коля потянул Дятлова за рукав. – Это не шутки уже.

– Не бойся, Колька, – сказал ему рыжий заводила. – У них не грех и забрать. Ты крутишься с малолетства, как волчок, чтобы вам с матерью ноги с голода не протянуть, а купец, вишь, морду воротит. Ему до нас дела нет. Сейчас такое началось – не остановишь. Лавку потом забудут.

– Правда, не бойся, – сказал запьяневший от голода и усталости Михаил. – Пускай купец делится. Не всё ему одному, нам тоже жить как-то надо. Еды возьмём, маму накормишь и впрок спрячешь. Никто тебя не выдаст. Хватит их терпеть, по справедливости всё должно быть, поровну.

Коля Бойцов только махнул рукой и пошёл за старшими, полагая, что они лучше знают, что делают. Вино расхватили в первую очередь, затем в карманы и за пазухи насовали съестного, сколько поместилось. Первым к выходу пошёл Васька, за ним его приятель, такой же

пьяный. Как вышли, так и замерли – перед ними на коне возвышался полицейский урядник Степан Иванович.

– Что это у вас тут происходит, братцы? – спросил, строго нахмурившись, полицейский.

– Дык, отдыхаем, – ответил один, стараясь принять внятную позу, но не вовремя разобравшая его икота испортила всё впечатление.

– До непотребности упиваться зачем, спрашиваю? Вы что, лавку вскрыли? Вон замок валяется!

Степану Ивановичу перевалило за пятьдесят. Солидный возраст, да и мужчина он был солидный. Роста среднего, но плотный, кряжистый. Облачённый в полицейскую форму, он был ожившим олицетворением Закона – посягнуть на золочёные пуговицы с двуглавым орлом не решался никто, вот и обходился всегда отеческим наставлением. Вкупе с монументальной внешностью этого хватало. Держался он с людьми соответственно – солидно, неспешно, обстоятельно, и так привык к послушанию, что выехав в Тезино при сообщении о беспорядках даже оружие дома забыл. Урядник гордо подбоченился в седле, глаза его сверху вниз гневно сверкали на мужичков. Давно отработанная поза в подобных случаях действовала всегда. Он незаметно особым манером вдавил каблук сапога в бок коня, отчего тот зло фыркнул и затоптался на месте, поднимая пыль. Пьянчужки присмирели. Въевшийся инстинкт не позволял даже думать о неподчинении.

На крыльцо вывалились остальные и застыли на месте. Дятлов было дёрнулся бежать, но понял, что некуда – кругом люди. Полицейский грозно смотрел на притихших мужичков. «Сейчас всех арестует», – мелькнула у Мишки мысль. Он судорожно огляделся в поисках пути к спасению. Рядом пыхтел Коля. К нему то и обратился Степан Иванович:

– Коля, Коля... Ты зачем полез? Ведь на каторгу пойдёшь. Как мама без тебя?

– Чем мне её кормить? – спросил Бойцов с неожиданной злостью. – Честно заработать не могу, а жить надо. Или вы всех на каторгу отправите?

Он кивнул в сторону бушующей площади.

– Пусть у тебя душа за себя болит, а не за всех. Совестно должно быть, только жить начинаешь, а уже лавку ограбил, – сказал урядник наставительно.

– Ты лучше купцу о совести расскажи, – крикнул Михаил, осмелевший от вина. – Довёл людей своей жадностью!

Он сделал полшага вперёд и носком сапога зацепился за лежащий замок. Неожиданно для себя Дятлов нагнулся, поднял его и швырнул в полицейского. Попал сильно, точно в грудь. Степан Иванович дёрнулся от боли, конь под ним фыркнул и стал беспокойно перебирать ногами. Рыжебородый крикнул, выломал из забора доску и что есть мочи огрел урядника по спине, затем коня по крупу.

– Раскомандовался! – дурным голосом заорал он. – Скачи отсюда!

Этого удара полицейский не видел, поэтому спину обожгло резкой от неожиданности болью, но старая привычка в бою стоять до конца, удержала урядника в седле. Верный конь тоже не понёс в нежданный галоп, а отпрыгнул в сторону и тихо потрусил в сторону, но снова был развёрнут уверенной рукой. Степан Иванович попробовал нащупать оружие. Тьфу ты чёрт, дома же оставил! Тут остальные мужики тоже словно сорвались с цепи, бросились выламывать доски из забора и колотить ими и коня, и всадника. Тот понял, что эту битву не выиграть. Когда авторитет представителя закона перестал быть его щитом, то выяснилось, что на улице просто семеро колотят одного. «А ведь до смерти забьют», – пришла вдруг к Степану Ивановичу, который кое-как держался в седле под градом ударов летящих со всех сторон, простая и какая-то будничная мысль, словно речь шла не о его жизни, а о чье-то чужой.

Он что было сил пришпорил коня, которому тоже изрядно досталось, и, вырвавшись из кольца нападавших, во весь опор поскакал прочь из села. В след ему летел радостный хохот, свист и улюлюканье. В сознании только что произошедшее никак не укладывалось – это же

просто дикость какая-то. Избивать полицейского урядника посреди села белым днём! Казалось, опора этого мира рухнет и всё летит в тартарары.

Степан Иванович гнал коня в Кинешму, чтобы доложить о происшествии уездному начальству. По пути встретил семейство Коноваловых, которое за каким-то чёртом тоже потащилось в это треклятое Тезино. Он, конечно, посоветовал купцам носа туда не совать, но они не послушали. В Кинешме к его донесению отнеслись с крайней серьёзностью и тотчас дожили в губернское управление, в Кострому.

Победители тем временем расположились на брёвнах перед лавкой, которые её хозяин Прокоп приготовил для какой-то стройки. Васька со своей добычей исчез куда-то. Коля попробовал уговорить Дятлова тоже уйти, но тот в хмельном запале, наотрез отказался. Тогда парень собрал рассыпавшиеся продукты и пошёл один, велел Михаилу не напиваться. Тот обещал, но сразу же принялся пить с рыжебородым. Через какое-то время они заспорили накажут ли их за то, что ограбили лавку. Все воодушевлённо кричали, что ничего не будет, Кормилицын и Разорёнов возместят всё Прокопу, когда поднимут расценки, чтобы люди вернулись к работе – другого выхода у них нет!

Дятлову вдруг пришла в голову замечательная идея. Он, шатаясь, побрёл назад в разграбленную избу. Исчезновения Михаила никто не заметил. По полу из опрокинутой корзины раскатились яблоки. Некоторые были раздавлены сапогами. Винные полки стояли пустыми. Одна бутылка разбилась, осколки разлетелись и хрустели под подошвами. Из опрокинутых кадучек вывалились огурцы и капуста. Хозяйственная утварь тоже была беспорядочно разбросана. «Точно на каторгу отправят», – подумал Дятлов, рассматривая весь этот разгром. Он шарил по всем углам и наконец нашёл, что искал. Бутылки с керосином стояли в глубине под прилавком. Михаил взял одну, вышел на улицу и зачем-то обошёл лавку вокруг. Его новые приятели дрались. Дятлов поджёт тряпочную затычку предусмотрительно захваченными спичками и швырнул бутылку в окно. В лавке полыхнуло сразу. Тут он заметил, что с дороги на него смотрит подросток – внимательно и спокойно. Одет незнакомец был хорошо, аккуратно. Михаил несколько секунд не сводил глаз с умного и уверенного в себе парня, размышляя что делать, но тут его окрикнул пожилой благообразный купец, стоявший у коляски в конце улицы. На том и расстались – мальчишка побежал к своим родственникам, а Дятлов, сплюнув, пошёл на поляну.

– Ты зачем лавку поджёл? – ошеломлённо спросил рыжебородый, минуту назад яростно дравшийся с собутыльниками.

– Теперь ничего не докажут. Не грабили мы ничего. Где лавка? – ответил Михаил заплетаящимся языком.

Вокруг весело рассмеялись. «Голова», – кто-то одобрительно хлопнул его по спине. От жара вылетели стёкла, разгорающийся костёр трещал и плевался искрами. Рядом стоять было уже нельзя. Компания отошла на дорогу, любясь огненным танцем. «Айда Борьку Куликова подпалим. Он гнида живёт что-то хорошо. Сам из ткачей, а дачка втрое против нашей. Образованный, видишь ли. И чего теперь?» – предложил Кузьма – тощий сутулый парень. Идея встретила бурное одобрение. Кузьма и Дятлов взяли по горящей головешке и все бодро пошли к дому Бориса.

Дальнейшие события слились в единую карусель – много пили, кого-то подожгли, потом пели и дрались. На следующее утро Михаила выворачивало наизнанку, было так плохо, как никогда раньше. Добрый товарищ с рыжей бородой не дал пропасть другу – заставил, несмотря на рвотные позывы, выпить полстакана тёплой омерзительной водки. Пересилив себя, Дятлов сидел, обхватив раскальвающуюся голову руками и еле сдерживая подступающую тошноту. Вскоре полегчало и мир вокруг заиграл красками. Жизнь снова завертелась в пьяной круговерти. Что делал и куда ходил, Михаил не помнил совершенно. Помнил только, что посреди попойки Коля принёс и швырнул мешок с его вещами, но он и внимания не обратил. Очнулся

Дятлов от дикой головной боли и жажды. Место было незнакомым, рядом в тесной каморке храпели рыжебородый, Кузьма и ещё какие-то мужики. «Я не у Коли», – подумал Михаил. Он тихонько, стараясь не разбудить спящих, вышел на улицу. «Казарма», – узнал Дятлов место, где провёл ночь. Он добрёл до колодца и жадно напился ледяной воды. На улице была тишина, пахло свежестью утра вперемешку с дымом залитого костра. Небо только начало светлеть. В полной тишине Михаил различил дружный топот множества ног. Он вскочил с лавки, на которую присел, напившись, и увидел в начале улицы клубы пыли. Плохо понимая, что делает, Дятлов опрометью бросился сначала в казарму за своим сидором, а затем прочь из села в сторону роши на пригорке. Добежав, он обессиленно сел прислонившись спиной к стволу берёзы. От бега в ушах стучала кровь, сердце било, подобно кузнечному молоту, перед глазами плясали зелёно-красные круги. «Полиция! За нами пришли! Надо бежать! Куда? Куда? К Митьке Малькову в Вичугу, а оттуда назад в Иваново. Мы ведь позавчера урядника побили, лавку разграбили. Дома пожгли. Это каторга, а то и виселица», – в голове вихрем пронеслись мысли. Со стороны Тезинской площади резко затрубил горн и застучал барабан. Послышались обрывки чьих-то громких команд. Михаил вскочил и тихо выглянул из-за дерева, силясь рассмотреть, что происходит в селе. Вдруг к затылку прижалось что-то ледяное, бездушно щёлкнул взведённый курок. Дятлов обмер от неожиданности.

– Не дёргайся! Пристрелю! – сказал чей-то спокойный властный голос.

Глава 3

Кострома, апрель 1889 года.

Тёплый весенний вечер пришёл на смену жаркому дню. Всё ощутимее было приближение лета. Голубое высокое небо украшали небольшие белые облака, неторопливо плывущие куда-то вдаль. Под стать им – не спеша – по саду, украшенному яркой сочно-зелёной листвой, прогуливался высокий немолодой господин. Он был худ, седые усы гордо топорщились параллельно земле, обрамленная сединой обширная лысина покраснела от первой встречи с весенним солнцем, словно от стыда. Осанка его была прямой – про таких говорят: «Аршин проглотил». Без малого сорок лет назад он проходил службу в гренадёрском полку, военная выправка осталась на всю жизнь. Костромской губернатор Виктор Васильевич Калачов начал вечерний моцион.

От таких неспешных прогулок чиновник получал истинное удовольствие и старался насладиться каждым мгновением солнца, не баловавшего здешние широты своим частым присутствием. Под ногами умиротворяюще скрипел песок дорожек, глаз радовался стройным рядам лип и дубов, образующим длинные безупречные коридоры. Мысли были такими же безмятежными. На сегодня присутствие закончилось, жизнь текла спокойно и плавно, не преподнося неприятных сюрпризов. На Пасху приезжали сыновья. Они пошли по отцовским стопам: недолго числились на военной службе (так было выгоднее для карьеры), а затем переходили на гражданские должности по различным ведомствам. Дальше постепенно, ступенька за ступенькой, вверх – небедно, сыто и покойно.

Виктор Васильевич и сам так прожил. Скоро уже пятьдесят пять лет исполнится. В молодости недолго числился в гренадёрском, затем в стрелковом полках. Вышел в отставку при первой возможности, а дальше как по маслу – чиновник Министерства народного просвещения, затем по линии Министерства юстиции служил. Теперь вот – губернатор. Сначала в Харькове начальствовал, а пять лет назад перевели сюда, в Кострому. Для уроженца первопрестольной, казалось бы, глухая провинция – на сотни вёрст вокруг сплошные леса да редкие сёла. По сравнению с той же Харьковской губернией – медвежий угол, пустой и почти ненаселённый. Но так рассуждает только человек недалёкий. Здесь колыбель правящей династии, здесь Романовых просили взойти на престол, поэтому край тут не глухой, а заповедный, никогда вниманием государя-императора обделён не будет. Что же до патриархальности быта – Калачову она только нравилась. Его губерния отражает жизнь России при Романовых: мирную, степенную и довольную.

– Виктор Васильевич ... Виктор Васильевич! – кто-то отчаянно звал губернатора.

Калачов неспешно обернулся. Навстречу ему от входа в сад со стороны Борисоглебской улицы торопился полицмейстер. Одной рукой он придерживал фуражку, второй то и дело бьющие по бедру сабельные ножны. Рядом с исправником шагал незнакомый молодой человек. Губернатор был крайне удивлён – чего это полицмейстер так торопиться? Неприятное предчувствие скользкой холодной змеёй начало проникать в мысли, шипя: «Что? Домечтался? Всё чинно идёт? Сейчас тебя этот с саблей огорошит! Не слететь бы тебе, Витя, с должности». Калачов по инерции величаво пошёл навстречу задыхающемуся от непривычно быстрой ходьбы исправнику. Лицо его автоматически, словно он находился на службе, приобрело каменное выражение, глаза, от природы чуть навывкате, засверкали, но по спине вдруг предательски потекла капля пота.

– Господин губернатор ..., – полицейский начальник, задыхаясь, наконец добежал до остановившегося по середине парка надменного чиновника, – Уфффффффф, запыхался с непривычки ... Тепло сегодня как ... уфффффффффф.

Калачов с раздражением молча смотрел сверху вниз на невысокого тучного охранителя порядка, взмокшего от быстрой ходьбы, ожидая более содержательного рассказа. Воротник полицейского потемнел от пота, туго врезавшаяся в него шея покраснела. Он снял фуражку и вытер лоб платком, ножны с саблей наконец успокоились и перестали брыкаться. Попытался начать доклад, но дыхание никак не желало успокаиваться. Наконец, еще раз промокнув лоб уже сырым платком, пару раз шумно выдохнув воздух, смог говорить.

– Ваше превосходительство, бунт! Из Кинешмы доложили – на мануфактуре Никанора Разорёнова и Михаила Кормилицы ткачи безобразничают, работу бросили, пьянствуют.

– На какой мануфактуре? Какой бунт? – Калачов остолбенел. – Что ты несёшь?

Он, конечно, читал в особых циркулярах о том, что в соседних губерниях доведённые до отчаяния нищетой, тяжёлым трудом и несправедливостью фабрикантов, люди начинали громить всё вокруг, разом сметая устоявшийся порядок вещей. Чтобы их усмирить, требовалось проводить практически военную операцию. Какая-то варварская дикость, немыслимая в центре великой Империи на исходе 19-го века! Сам Виктор Васильевич свидетелем подобного ни разу не был. Будучи с визитами на многочисленных местных мануфактурах, он наблюдал полнейшую гармонию хозяина и работника. Здесь купцы, люди, по его мнению, дремучие (староверы почти все), уверяли его, что у них на фабриках такого быть не может – в отношениях лад и послушание, словно у отца с чадами. Аккуратно расчесавшие и намазавшие волосы и бороды ткачи, прядильщики и прочие работяги вместе с бабами и детьми благоговейно встречали его хлебом-солью и благодарили своего благодетеля за всё. Фабриканты вели себя также, только встречали раньше простого люда, а угощения были изысканней и наряды богаче. Он их предупреждал, не напрямую – иносказательно, что беспорядка в губернии не допустит. Те уверяли, что подобное невозможно, что у них всё по-другому, чем у соседей. И главный фабричный инспектор им поддакивал. И тут такое!

– Какой бунт? – шипящим шёпотом ещё раз спросил Калачов, – Белены объелся?

– Никак нет! – молодцевато гаркнул исправник.

– Тихо! – тем же полужёпотом просвистел губернатор, – Ещё на площади всем объяви! А вы, милостивый государь, чьих будете?

Вопрос адресовался молодому человеку, пришедшему с полицмейстером. Тот, в суматохе не будучи представленным, скромно стоял чуть поодаль и спокойно смотрел на происходящее. Был он тридцати лет, высок, строен и аккуратен – одет опрятно, русые волосы безупречно расчёсаны, взгляд внимательный. Калачов опытным взглядом определил в незнакомце армейскую выправку, которую не могла скрыть гражданская одежда.

– Фёдор Иванович Черкасов, прохожу службу по секретному делопроизводству Департамента полиции. В Кострому прибыл по служебной надобности, – чётко ответил тот.

– Жандармский значит... Что ж, – губернатор в задумчивости потёр подбородок. – Пойдёмте, всё спокойно скажете.

Калачов взял полицейского чиновника под локоток и настойчиво повёл вглубь тенистой аллеи. Черкасов шёл рядом. Мысли Виктора Васильевича бешено скакали, но многолетний опыт государственной службы подсказывал, что перед подчинённым выказывать эмоции негоже. Таким манером они вполне благопристойно, словно задушевно беседуя, если смотреть со стороны, прогулялись до ограды сада, развернулись и побрели обратно. Будто три друга решили подышать свежим воздухом на исходе чудесного дня, обсуждая что-то возвышенно-философское.

– Не напутали ничего? – наконец успокоившись спросил губернатор. – Мало ли твои молодцы малость преувеличили? Показалось может от испуга?

– Тамошний урядник – Степан Иванович – поведения трезвого и не пуглив. Чьи-то сплетни распускать, не перепроверив, не будет, – полицмейстер, отдышавшись, говорил негромко и чётко, – Получив сообщение о беспорядках, поехал проверить. Прибыв в село

Тезино, убедился в пьянстве местных работников, которые напали на него, избрав в качестве оружия камни и доски, выломанные из заборов. Численность бунтующих оценивает человек в двести. Люди собрались на площади и требуют увеличить оплату за труд. Разграбили харчевую лавку при тамошней фабрике. Заметив полицейского урядника, начали кричать ему оскорбления, тем самым подвергнув сомнению авторитет государственной власти. Я Степан Иваныча знаю давно и лично. Он старый служака, попусту помощи просить не станет. Кроме того, уезжая сделать доклад, он заметил, что в селе начался пожар. Спалили чего-то, может спьяну, а может и специально. Я завтра туда собираюсь дознание произвести, затем Вашему превосходительству доложу о том какие меры целесообразно принять, чтобы искоренить...

– Отставить! – выпуклые глаза Калачова налились кровью. – Собирай солдат, я лично искореню! Век не забудут! В моей губернии бунтовщиков не потерплю! Завтра же отправляемся!

– Позвольте сопровождать вас? – спросил губернатора Черкасов. – Я как раз по подобным инцидентам сведения собираю.

Калачов внимательно посмотрел на молодого офицера и, подумав, утвердительно кивнул.

– Хорошо, поедете со мной. А ты передай моё распоряжение командиру Зарайского полка. Пусть готовится, – сказал губернатор полицмейстеру.

Губернатор резко развернулся и быстро пошагал к своему особняку, правую руку держа в кармане, а левой махал так, будто хотел отогнать неприятные известия. Исправник опять достал платок и машинально промокнул уже высохший лоб, ослабил ремень. Убедившись, что Калачов скрылся в доме негромко и каким-то особым манером присвистнул. За стеной сада кто-то ретиво застучал каблуками сапог по камню, вскоре в сад вбежал молодой адъютант.

– Значит так, – сказал ему полицейский начальник, – Бегом в Мичуринские казармы и объяви командиру, чтобы готовил солдат. Завтра в боевой готовности отправятся с его превосходительством в Тезино порядок наводить.

– Солдаты, в какое-то село... – начал было адъютант, но заметив свирепый взгляд начальника, сделал непроницаемое лицо. – Разрешите исполнять?

– Передашь командиру диспозицию – в селе Тезино Кинешемского уезда вооружённый бунт. Численность – человек около трёх ста. Пусть готовит необходимые для подавления беспорядков силы. Выступить завтра. Поведёт лично Виктор Васильевич. Более никому не распространяйся, ни одной живой душе! – исправник глазами сверлил адъютанта. Тот кивнул, чётко по-военному развернулся и быстрым шагом отправился выполнять приказание.

Полицейский начальник, уже никуда не торопясь, пошёл к ожидавшей за оградой коляске – всё зависящее от него он сделал, теперь пусть военные разбираются. Забрался в экипаж, который загрохотал колёсами по булыжникам мостовой. «Нелепица какая-то в самом деле. Какой бунт?» – размышлял он, глядя на мирный пейзаж тихой и уютной в вечерний час Костромы. По сторонам мелькали аккуратные домики с разбитыми палисадниками и затейливыми резными наличниками. Начинала цвести сирень, украсив всю улицу белым и фиолетовым, дурманя назойливым пьянящим запахом. На веранде исправника ждали дымящаяся кастрюля, пленяющая аппетитным ароматом, и запотевший графинчик. Рот моментально наполнился слюной, а в голове мелькнула мысль: «Зачем кому-то бунтовать? Живём как у Христа за пазухой». Он отстегнул саблю, снял фуражку и надоедливый ремень, расстегнул душившие пуговицы кителя и прогнал дурные думы обжигающе-ледяной жидкостью.

Назавтра в условленное время Калачов и Черкасов поднялись на борт парохода, который должен был доставить их в Кинешму, а оттуда до мятежного села совсем близко.

– Нуте-с, Фёдор Иванович, расскажите – какая такая секретная надобность вас в наши края занесла? – спросил костромской губернатор, откинувшись на спинку мягкого дивана в отдельной каюте.

– Ваше превосходительство, я ... – начал Черкасов.

– Давайте без чинов, – перебил его Калачов, пока не раскусивший, что за птица этот нежданный визитёр. – Имени-отчества вполне достаточно.

– Хорошо, Виктор Васильевич. Служу, как я вам давеча говорил, по третьему делопроизводству Департамента полиции. Секретному. Политический сыск.

– Смутьянов ловите? Революционэров? – губернатор понимал, что всей правды Черкасов не скажет, но любопытство разбирало. – Вряд ли вы, милостивый государь, таковых в Тезине сыщите. Обычные крестьяне. Просто некоторые в купцы выбились, а теперь другим денег заплатить пожалели. Вот и весь сказ. Никакой революции – обычная жадность. Как были лапотным мужичьём, так и остались. Барина теперь на них нет. Он бы выдрал всех плетью на конюшне – и тишина! А нынче целую команду снаряжать пришлось, чтобы их междоусобицу разрешить.

– Фабриканта тоже выдрать? – удивлённо поднял бровь чиновник секретной части.

– А чем он лучше? – развёл руки Калачов. – Такой же вчерашний крепостной, только ушлый, сумевший деньжат подкопнуть, а теперь, благодаря своим капиталам, считающий себя чуть ли не ровней нам, дворянам! Ни благородства, ни манер, ни воспитания – а уж спеси то! Богатство им, конечно, много возможностей даёт. Иллюзия появляется, что всё то они купить смогут. Только вот не понимают – не всё продаётся.

– Среди них почти сплошь обладатели миллионных состояний. Чего же они себе не могут позволить? – заинтересовался Черкасов.

– Породу не купить, милостивый государь, породу. Дворянскую честь, с молоком матери впитанную, – Калачов раздражённо посмотрел в иллюминатор каюты. – Купцы полагают, что приобрёл платье последней парижской моды, хоромы выстроил и уже вознёсся над всем миром. Нет! Кислыми щами от заграничного костюма всё одно несёт на всю округу. Некоторые, представьте себе, заводят породистых рысаков. Понимаете, на кого хотят походить? Так и хочется спросить: «Куда тебе рысак, лапоть? Животное куда благороднее тебя будет». Вы простите моё брюзжание – возраст. Я с годами убедился, царь Александр-Освободитель много мужику свободы дал. Не приспособлен он к ней. Оттого и бунты, и эти ваши ... революционэры.

– Интересное наблюдение, – глаза жандарма заглялись насмешливыми огоньками. Он знал о действующих в Империи социалистах, пожалуй, больше всех в стране, поэтому безапелляционные рассуждения провинциального губернатора показались Фёдору Ивановичу такими же забавными, как мысли любого пожилого человека о каком-то новом доселе невиданном явлении, высказанные представителю молодого поколения.

– Да вы не смейтесь, – от Калачова не ускользнула ирония собеседника. – Мои речи старомодны, понимаю. Вы пока горячий, энергии через край, вот и думаете, что я ничего не смыслю в государственных делах. Как господин Грибоедов, Царствие ему небесное, писал: «Сужденья черпаю из забытых газет...». Я такой же был в ваши годы. Братец мой в комиссии при государе Александре II состоял, которая эту крестьянскую реформу готовила. Мы тогда также на стариков рукой махали, которые новых веяний не принимали. Ничего! Поскачете за своими смутьянами, оглянетесь, а жизнь-то уж и прошла, но вы не только их не искоренили, а даже наоборот, больше стало супостатов. Тогда согласитесь, что по старинке да попроще было бы куда как лучше. Не доведут до добра все эти новшества.

– Я и не думал ставить под сомнения вашу опытность, – Черкасов погасил лукавинку во взгляде и вид сделал самый заинтересованный. – Просто интересно – вы полагаете, что если бы мануфактурным делом управлял дворянин, то и бунтов бы не было? Или я неверно истолковываю вашу мысль?

– Всё абсолютно верно, – губернатор и не думал сердиться, собеседник вёл себя почтительно и, определённо, был не дурак.

– Отчего вы так решили? Революционная пропаганда как раз и направлена против нашего сословия, возбуждает у рабочего самые низменные порывы. Призывает всё отнять у богатых и разделить поровну, а власть отдать крестьянину.

– Работник её, эту околесицу, потому и слушает, что над ним начальствует вчерашний такой же мужик из соседней избы. Раньше они вместе коров пасли, а сейчас он вдруг ходит баринком и своему бывшему приятелю руки не подаёт. Хоть купец теперь и с золота кушает, но для них – он такой же крестьянин, как и был. Ровня, только хитрый и жадный. В лицо, может, и поклонятся, а в спину плюнут. Против настоящего же барина, дворянина по рождению, крепостной никогда не посмеет подобных мыслей даже допустить. Тут революционеры станут бессильны, тут природный инстинкт – знай своё место.

– Любопытное наблюдение. Никогда об этом не думал. Но позвольте спросить, Стенька Разин и Емелька Пугачёв ведь дворян жгли и вешали, а простой крестьянин им помогал. Где инстинкт был? – Черкасов искренне заинтересовался беседой.

– Не верил народ в право тогдашней власти на трон, вот и смутился их речами. Пока верховный правитель силён и грозен – люди всё стерпят и от него, и от его слуг. Стоит же усомниться в этом – пиши-пропало. Мы, дворяне, слуги Государя и полностью разделим его судьбу – будь то знатность и уважение, или плаха. Да и нет в наших краях нового Емельки. Люди тут тихие, забытые. Я в Харькове губернаторствовал, так там народ погорячее, вспыльчивее, но и отходчивее, веселее как-то. Здешние же мрачные, кажется всё снесут, что им не уготовь. Правда, и опасение иной раз берёт, что если они терпеть больше не смогут, то разгромят всё вокруг. Камня на камне не оставят.

– И как вы намерены поступить с бунтовщиками? – жандарм внимательно посмотрел на губернатора, лицо которого пошло красными пятнами, желваки ходили вверх-вниз.

– Я, милостивый государь, напому им всем, кто здесь власть! Всем!!! Напому так, что вовек не забудут, не извольте сомневаться, – ответил Калачов тем же яростным свистящим полушёпотом, что накануне полицмейстеру. – Впрочем, расскажите лучше, почему вам так интересен наш край, что смогли установить?

– Мы действуем по своим методам. Полагаем, что развитие мануфактурной промышленности – дело неизбежное, а раз так, то никуда и от присущих этому эксцессов не деться. Общество грезит парламентаризмом, свободами. Мы не можем, как ранее, просто взять всех подозрительных – и на кол. Или зверям диким на растерзание, как у Иоанна Васильевича Грозного заведено было. Нынешний век заставляет считаться с каждым, каким бы никчёмным он ни был, – Черкасов говорил серьёзно, хоть Калачова и не оставляло сомнение, что жандарм просто подтрунивает над его отповедью современным нравам. – Приходится изучать их идеи, устанавливать вожаков. Внедрять в их кружки своих людей, чтобы дальше опорочить в глазах толпы или просто арестовать. Работы много. Мы сродни объездчикам диких лошадей. Пока это ещё жеребёнок, но со временем он непременно повзрослеет и попытается показать характер. Тут то узда, которую мы сейчас незаметно накидываем и пригодится. Схватим железной рукой, когда попробует взбрыкнуть, и заставим повиноваться.

– На словах складно выходит, – Калачов улыбнулся. – Только в этом вояже вы зря время потеряете. Кружки там конечно есть, но иного свойства. Весь тот глухой край – вотчина старообрядцев. Политику они не воспринимают. Для них все от сатаны – хоть те, кто тремя перстами крестятся, хоть те, кто не крестится вовсе. Живут своей ересью, которой две сотни лет и больше ничем не интересуются. Приедете – поймёте.

– Бывал я там. Три года назад почти. Как раз на бунт попал, – жандарм чуть улыбнулся, увидев удивление губернатора.

– В прошлом году у них, действительно, шум был, ерунда какая-то мелочная. Не помню, где точно, но в тех местах. Сделайте милость, расскажите, что за оказия ещё раньше приключилась, мне о ней не докладывали, кажется.

– Что ж, извольте. Дело, правда, плёвое, вот и не стали ваше превосходительство отвлекать всякой безделицей, я так полагаю. Это случилось в канун нового 1886 года. Поехал я под видом статистического учётчика сведения собирать: сколько людей у кого трудится, да в каких условиях живут. Фабриканты такими вещами хвастать любят, везде сопровождают, всё расскажут. Прихвастнут, конечно, размер производства преувеличат, не без этого. Главное, что своими глазами можно истинную картину увидеть, с мужиками поговорить про то, кто как живёт. Люди тамошние пришлым не доверяют, тут ваша правда, но хоть какая-то картина складывается. В село Тезино к купцам Разорёнову и Кормилицыну приехал утром.

– Значит и тогда у них же всё случилось, как нынче. Ну прохвосты..., – перебил Калачов, недобро покачав головой. – Впрочем, продолжайте.

Черкасов кивнул в ответ на замечание губернатора и продолжил своё повествование.

День был морозный и снег весело похрустывал под полозьями саней. Фёдор Иванович въехал на широкую сельскую улицу. Над крышами изб стояли столбы дыма, тянущиеся в морозную синеву и сливающиеся чуть выше в единое марево. Подъехав к продуктовой лавке у площади, Черкасов вылез из саней и заскрипел снегом, шагая по широко прочищенной тропе к воротам. Думал ландринчиков купить, чтобы угощать баб и детвору – они так охотнее открывают, проверено неоднократно. Однако те были закрыты на замок. Жандарм встал, не зная, что делать – чтобы лавка на праздниках была закрыта, странно это. Рождество и святки только отгуляли. Он зачем-то дошёл до саней, потом обратно. Со двора фабрики доносился гул голосов.

– Здравствуй, мил человек, – сзади неожиданно появился мужичок. Черкасов из-за своих размышлений даже не слышал, как тот подошёл. – Кого ищешь?

– Здравствуйте. В лавке купить думал кой-чего, а она на замке.

– Хозяин велел, вот я и закрыл, – ответил лавочник внимательно разглядывая посетителя. Убедился, что тот одет солидно, по виду городской и успокоился.

– Закрыть велел? – Черкасов удивился. – А чего это он?

– Народ у нас бузит. Вот и сказал запереть, чтобы вино не продавать, от греха подальше.

– А почему бузят? – спросил Черкасов, сразу насторожившись.

– Того не ведаю. Мужики с утра тут ходили, голосили на всю улицу, а потом в фабрику пошли начальство требовать. Мне тогда от Михаила Максимовича – хозяина – мальчонка и прибежал. Велел всё закрыть и самому спрятаться, чтобы не нашли. Сыщут – заставят ведь открыть и водку продать. Я пошёл, но любопытно же, кругом фабрику обогнул, думал высмотрю чего – только неудачно. А тут смотрю – вы топчетесь. Я быстрее сюда, узнать кто да зачем. Да вы сами сходите, посмотрите, коли интересно.

– Пойду, и правда гляну, что у вас тут за невидаль.

Фёдор пошёл к длинному кирпичному зданию ткацкой фабрики. Сторожа на проходной не было, он маячил чуть дальше во дворе. Черкасов потихоньку подошёл и тоже стал наблюдать. Перед фабрикой толпилось больше сотни мужчин – ткачей, стоял гомон, разобрать который было невозможно. На крыльце фабричной конторы возвышался над людьми управляющий – невысокий, но тучный мужчина, закутанный в тулуп. Он смотрел на серо-чёрную ворчащую массу, не пытаясь даже открыть рот. Перекричать сотню человек, привыкших разговаривать громче, чем грохот ткацких станков, было невозможно. И вдруг, улучив момент, когда гул чуть стих, он гаркнул неожиданно зычным голосом:

– Тихо! Кто тут у вас главный, пусть выйдет, буду с ним разговаривать. Мне за то, чтобы я глотку драл, вас всех перекрикивая, не платят.

Толпа зашевелилась, наконец из неё вышел пожилой седобородый мужик в чёрном тулупе. Откашлявшись, он встал перед управляющим:

– Я буду за всех говорить.

– Хорошо, Пётр. – директор смотрел на ткача с удовлетворением. Он хорошо знал его как мужчину степенного и рассудительного, пользующегося авторитетом у других. – Расскажи, чего это ради вы работу оставили?

– Справедливости хотим, вот и оставили. Оно ведь не по совести выходит. А надо, чтобы честно.

– Ничего не понимаю, говори ты прямо, – управляющий чувствовал смущение Петра, которому не каждый день приходилось объясняться за всю смену перед начальством, и говорил властно и требовательно. Жандарм заметил в окне конторы фактического хозяина предприятия Михаила Кормилицына, который напряжённо смотрел на происходящее.

– Расскажу. – Пётр насупившись смотрел на управляющего. Он чувствовал за спиной поддержку сотни человек и неуверенность его прошла, появилось привычное упрямство. – А лучше ты нам расскажи, почему это мужики всегда против баб на одну смену больше работают. Как так выходит?

– Чего ты несёшь? – директор настолько удивился нелепости сказанного, что не мог понять саму суть претензии.

– А ты сам посчитай. После праздника любого, кого на ночную смену вызывают? Мужиков. Выходит, мы завсегда на одну смену больше горбатимся. Нехорошо это, давай смены перераспределяй, а то мы работать отказываемся.

– Вон оно чего! Ишь сосчитал, – управляющий неожиданно расхохотался так самозабвенно, что на глазах у него выступили слёзы. Он попытался было что-то сказать, но новый приступ смеха прервал не начавшуюся речь и какое-то время директор только утирал слёзы и, смеясь до всхлипов, махал рукой на толпу. Рабочие удивлённо молчали. Черкасов вообще не очень понял суть претензии ткачей. Ну вызывают их на ночную смену с праздника, так это всегда заведено было.

– Ты, Пётр, мне честно скажи – сам додумался или надоумил кто? – управляющий отсмеявшись стал серьёзен. Не было секретом, что на фабрики поступали интеллигенты разных сословий, которые вместо работы принимались настраивать работников против хозяина, возбуждая их действовать всем вместе против господ. Работники таких агитаторов прозвали «сицилистами», а администрация предприятий мгновенно выставляла этих социалистов за ворота без расчёта, обещая следующий раз сдать околоточному надзирателю. Фёдор Иванович стал внимательно разглядывать Петра и стоящих рядом людей, стремясь вычислить возможного зачинщика.

– Сами мы, нешто у нас своей головы нет? Уж считать, поди, умеем, – Пётр продолжал упорствовать, хотя и был сбит с толку поведением директора.

– Значит, жену свою на фабрику вместо себя выгнать хочешь? И вы все тоже? – управляющий спросил у толпы. Та гудела, но как-то неуверенно. – Ну что ж. Зря вы заработок за сегодня потеряли только. Хорошо если вас на однодневную плату оштрафуют – это же форменный бунт.

– Какой бунт? Нам уж и спросить нельзя? Ты нам лишнего то не приписывай! Мы не крепостные у тебя! – из толпы доносились выкрики, опять поднялся шум. Директор поднял руку вверх и дождался, пока гул стихнет.

– Условились, что с одним говорю, – опять гаркнул он. Вот тебе, Пётр, Иванов сын, и объясню, а вы все слушайте, да на ус мотайте. Во-первых, баб я в ночь на работу поставить не могу, закон такой утвердили. Прописано ясно: женщин и малолетних по ночам к труду не привлекать. Точка. Повеление Государя-императора, дай ему Господь многая лета. – Толпа затихла, осознавая услышанное. Управляющий продолжил: – Во-вторых, чем ваше сегодняшнее представление считать прикажете, как не бунтом? Выступили толпой, стадно против закона государева. Работу оставили, а наняли вас зачем? Ткани делать или горлопанить? Ваше счастье, что урону не нанесли имуществу, хоть на каторгу не отправитесь.

Народ молчал, весь запал испарился, и мужики смотрели друг на друга, не понимая, чего на них нашло. Перетаптываясь с ноги на ногу, ткачи опустили головы и ожидали, чем всё закончится.

– Значит так. – Директор понял, что вопрос исчерпан. – Всем вернуться к работе, с суммой штрафа вас мастера ознакомят позже. А ты, Пётр, пойдём со мной, потолкуем: сами вы додумались или подсказал всё же кто.

Черкасов пошёл следом за ними, чтобы тоже разобраться в причинах конфликта – его служба как-никак.

– Ерундистика полнейшая, – резюмировал Калачов, с интересом послушавший историю. – И что? Нашли агитатора?

– Нет, Виктор Васильевич. Не было никакого агитатора. Просто мужик с женой поругался. Пилила она его за пьянство – тот все Святки от рюмки не отрывался. Ушёл он от неё в казарму тамошнюю. Гадюшник редкостный, доложу вам. Живут, как в хлеву. Там своё занятие и продолжил, только уже в компании себе подобных Праздничные дни быстро пронеслись – пора на смену, вот они и решили до правды доискаться: чего это вдруг всегда с выходных первыми на фабрику мужики? Петра как-то с толку сбили, он-то работник трезвый, разумный, но тут под общий гвалт, видимо, растерялся.

– Вот, вот! Именно об этом я вам и говорил, милостивый государь, – удовлетворённо сказал губернатор. – Правду крепостные искать пошли! Закон им растолкуй! Для таких закон один – плеть! А авторитет дворянина напрочь бы охоту к правдоискательству отбил.

– Чего уж теперь об этом рассуждать, – дипломатично ответил Черкасов. – Мануфактуры растут, как грибы после дождя, и содержат их почти сплошь бывшие крестьяне. Пеняй на это, не пеняй – ничего не изменишь. Нужно думать, как с этим жить, чтобы подобные волнения до невиданных масштабов не выросли. В том, что тогда люди всё вокруг разрушат, я с вами полностью согласен.

Пароход, размеренно молотя лопастями по воде, резал носом речную гладь, приближая путников к Кинешме. Калачов и Черкасов вышли на верхнюю палубу и наслаждались окружающей их красотой. Мимо плавно текли луга, леса и деревеньки с копошавшимися по берегам людьми. Тишина и простор отогнали дурные мысли, путники просто смотрели на плывущие по сторонам пейзажи – умиротворяющие, бескрайние. Солдаты, расположившиеся внизу, дымили сигарками. Прохладный ветерок обдавал свежестью весны. Великая река плавно изгибалась у пологого зелёного холма, на вершине которого сиял золотой шпиль колокольни. Из-за холма в Волгу впадал широкий приток, на берегу которого, чуть вдалеке виднелись побеленные фабричные корпуса с высокой дымящейся трубой. Почти у самой воды на пляже стоял мольберт. За ним сидела женщина в нарядном кружевном платье. Одной рукой она придерживала шляпку, норовящую улететь от порывов своенравного ветра, а другой, с кистью, восторженно размахивала, показывая на окружающее их великолепие своему спутнику. Высокий, худой, чернявый мужчина, издалека похожий на вопросительный знак, кивал и терпеливо держал ящик с красками и чем-то ещё.

– Такую красоту и рисовать не грех, – философски заметил Черкасов.

– Да-с. Здешние места Государыня Екатерина Великая своим посещением удостоила. Как раз в усадьбе на этом холме была. Там дальше мануфактура Коновалова. Это – местечко Каменка. Ещё недолго и на месте будем.

Вскоре на горизонте показались красные угрюмые корпуса мануфактур, стоящих вдоль речного берега. Фабричные трубы старательно плевали в голубое небо чёрными клубами дыма, но ветер разносил смог по округе. Там кипела жизнь. Люди, как муравьи, сновали по двору, со стоящей баржи лодками переправляли какой-то товар, лошади тянули телеги с дровами, кирпичом и прочим материалом. Чуть дальше взгляд притягивали золочёные церковные купола. От храма в разные стороны каменными постройками и деревянными избами

раскинулся город Кинешма. Пароход пришвартовался, и солдаты споро и чётко выстроились на причале. Колонна вооружённых людей притягивала взгляд. Рядом шла жизнь, привычная каждому: кто-то запрягал коня, отчаянно лаял пёс, квохтали куры, беззлобно переругивались мужички. Горожане, спешащие от торговых рядов по своим делам волей-неволей старались пройти мимо неожиданных гостей, чтобы узнать причину их приезда. Солдаты хмурились, пытались выглядеть важно, чтобы как-то скрыть собственную растерянность – не война же и не учения, зачем их подняли?

Мимо ротного, с корзинкой полной куриных яиц на сгибе руки шла молодая женщина. Стая белых горделивых гусей с важным гоготом шествовала рядом. Она с интересом взглянула на командира, который проверял солдатиков. Заметив симпатичную девушку, ротный лихо подкрутил ус и важно подбоченился. Провинциальные барышни таяли при виде офицерского мундира, горделивой осанки и лихого блеска карих глаз. Зарделась и встречающая девица. За спиной ротного, хитро прищурясь, стоял Микола – известный полковой шутник. Он невнимательно слушал речь командира, поскольку мог повторить её даже во сне.

На пристань спустился Черкасов, за ним Калачов. Навстречу прибывшим, стуча по мостовой тростью, уже спешил дородный богато одетый купец.

– Вон и Кормилицын, тезинский хозяин. Ишь вырядился. Как бы цилиндр с головы не сдуло. То ли дело лапти и картуз, в них бы ему попривычнее было, – ехидно сказал губернатор, Черкасов лишь хмыкнул.

Микола-шутник, видя, что ротный улыбаясь во весь рот, уже шагнул навстречу девице, чтобы что-то рассказать, присвистнул и шугнул важно шедшего мимо него гуся. Вся стая тотчас расправила крылья и диким гоготом понеслась по набережной. Ротный оказался в самой середине несущейся птичьей колонны. Гуси задевали его крыльями, в воздухе летали перья. Народ на пристани от неожиданности замер. Рота громыхнула дружным хохотом.

– Мыкола, твою туды ..., – сквозь гусиный гогот послышался голос ротного.

Кормилицын от неожиданности тоже вздрогнул, цилиндр упал на набережную и покатылся. Грузный купец неловко, со второго раза, настиг и поднял его. Бережно сдул пылинки, очистил от прилипших перьев, водрузил головной убор на место и важно продолжил путь к гостям, как ни в чём не бывало.

– Паяц! – прокомментировал чуть слышно губернатор.

– Виктор Васильевич, добрый день. Сердечно рад вас видеть. Как добрались? – Кормилицын, казалось, был готов растаять от учтивости. Увидев Черкасова, он минуту морщил лоб, силясь вспомнить, где уже его встречал. Наконец узнал: – Фёдор Иванович, здравствуйте! А вы какими судьбами?

– Добрый день, Михаил Максимович, – спокойно ответил жандарм. – Что-то бунтовать у вас стали часто. Помимо того недоразумения с бабьими выходными три года назад, слышал, что и прошлым летом у вас волнения были. Нынче опять. Подозрительно. Может социалисты живут под боком, а вы и в ус не дуете? Или, наоборот, потворствуете? Напрасно, господин Кормилицын. Ой, напрасно.

– Господин Черкасов, да вы что!!! Какое потворствуете! Побойтесь Бога! Мне самому от их своеволия жизни нет, потому вас и позвал, – в сердцах сказал купец, глядя на Калачова. – Вас, Виктор Васильевич! А социалистов у меня в селе нет! Есть мужики, которые слишком о себе возомнили! Место бы им указать, чтобы запомнили.

– Ты выводы прежде нас не делай, – стальным голосом сказал губернатор встречавшему их купцу. – Человек из Петербурга приехал, разберётся. И куда следует доложит! Там и решат – отчего это у тебя, Михаил Максимович, что ни год, то бунт! Может статься, что и по твоей вине.

Рота выстроилась во фронт. Гуси гоготали уже вдалеке, местные жители вернулись к своим делам. Только пёс Шкипер, известный всем любитель побрехать на прохожих, важно ходил перед строем солдат, словно размышляя, на кого бы гавкнуть и за что.

– Воля ваша, расследуйте. Мне скрывать нечего. Только поспешить бы, пока всё село и фабрику не сожгли! Бесчинствует народ. Вот и Степан Иванович, наш урядник, подтвердит, – Кормилицын показал на полицейского, стоящего за его спиной. – Я паровоз попросил приготовить, доедем быстро.

– Сейчас отправляться нет смысла, – вмешался в разговор подошедший ротный. – Во-первых, солдат накормить нужно. Во-вторых, приедем к ночи. Что делать будем? Будь мы на вражеской земле – я знаю, как бы действовал. Но мы у себя дома, господа. Считаю правильным отправиться ночью. Пока люди спят быстро всё оцепим, зачинщиков схватим, а дальше действуйте, как сочтёте необходимым. Завтра вечером в Костроме будем, в казармах.

– Согласен, – после короткого раздумья ответил Калачов. – Распорядись накормить людей, Михаил Максимович. Да и самим отобедать можно. Заодно про обстановку доложите.

Кормилицын дал какие-то указания своим помощникам, незамедлительно появившимся после того, как он подал условный знак. Те внимательно выслушали купца, один сразу куда-то умчался, а второй подошёл к ротному, перекинулся парой слов, и колонна солдат маршем последовала за ними. Причал опустел. Губернатор с купцом, и жандарм с полицейским урядником степенно пошли к ресторану, указанному Михаилом Максимовичем. У дверей компании встречал лично хозяин. Его заведение слыло лучшим в городе, вся приличная публика, оказавшаяся в Кинешме по каким-то делам, бывала здесь, но сегодня сам губернатор соизволил заглянуть. Огромная честь, а уж разговоров потом будет на зависть конкурентам!

Хозяин устроил важных гостей на самые лучшие места, лично хлопотал вокруг них во время обеда. Повара тоже расстарались – кушанья были выше всяких похвал, Калачов даже одобрительно отозвался и похвалил. Наконец голод был утолён, на столе остались лишь наливки, чай и сладости. Виктор Васильевич и Фёдор Иванович достали сигары, Михаил Максимович со Степаном Ивановичем табак не жаловали.

– Что сейчас в Тезине творится? Когда вы там были в последний раз? – спросил губернатор у урядника.

– Нынче утром заезжал, Ваше превосходительство, – ответил Степан Иванович. – Стало спокойнее. Пьянствуют в казарме, многие по домам сидят – протрезвели и испугались чего наделали. Да и жёны пить не дают. Только отъявленная голытьба да бессемейные продолжают. Фабричная полиция мануфактуру и дом господина Кормилицына охраняют. Постреливать пришлось для острастки, чтобы от разграбления уберечь.

– И что же? На вас и вправду напали? Не побоялись? – Калачов выпустил в потолок струйку ароматного дыма.

– Так точно-с. Вон шрам на брови. Я их компанию за грабежом продуктовой лавки застал, так злоумышленники накинулись с камнями и дубинами, как первобытные. Человек десять их было. А рядом на площади толпа шумела – ещё более двухсот работников. Полнейший хаос. Мне в одиночку никак не справиться было. Фабричные охранники только успевали хозяйское имущество беречь.

– У лавки кто-то людьми руководил? – поинтересовался Черкасов.

– Пожалуй, что и нет, – чуть подумав ответил урядник. – Они нетрезвы были, только Коля Бойцов в силу малолетства не употреблял, но и он к нападению присоединился. Прочие же все выпимши. Я полагаю, испугались они, что застал их при грабеже, вот кто-то в меня чем-то швырнул, остальные подхватили. Был там один бородатый, рожа каторжная, в наших краях недавно, он и пьянее всех был.

– Коля, Коля..., – Кормилицын покачал головой. – Мальчишка ещё. Без отца растёт, ещё и мать кормит – та совсем здоровьем плоха. Хороший, вроде, парень. Тесть мой Никанор Алексеевич всегда его привечал: то угостит чем, то копеечку тайком пожалует. А туда же.

– Какой ущерб нанесён? – прервал причитания купца губернатор.

– Сначала лавку эту злосчастную подожгли. Вероятно, те же лица, что и на меня напали. Потом несколько домов подпалили у тех, кто живёт побогаче: мастеров, квалифицированных рабочих. У Никанора Алексеевича и Михаила Максимовича в особняке камнями стёкла побили-с на первом этаже.

– Скоты, – в сердцах сказал Кормилицын.

– Не распространяли ли листовки или газеты? Может выкрикивали какие непристойности про Государя-императора или самодержавный строй? – Фёдор Иванович внимательно смотрел то на купца, то на урядника.

– Упаси Бог! Не было такого. Там все только одно хотели, – урядник замялся, косясь на Кормилицына.

– Да говори, как есть, – сказал Калачов. – Нам правду знать нужно, не до политесу сейчас.

– Люди на крайнюю нужду жаловались. Михаил Максимович после Пасхи расценок за работу убавили – вот и кричали, чтобы плату им подняли до прежнего размера. Жаловались также, что сырьё плохое – невозможно его работать. Боятся, что и тех денег, что остались, не зарабатывают. Более никаких требований.

Калачов повернулся к Кормилицыну и сверлил его немигающим взглядом, но купец абсолютно спокойно потягивал ликёр, безмятежно развалившись в кресле. Черкасов заметил, что губернатор начинает багроветь и спросил у купца, пока Виктор Васильевич не перешёл на крик:

– Михаил Максимович, нельзя ли в вопросе с оплатой людям навстречу пойти?

– Решительно невозможно, – просто ответил тот. – В особенности, после того, что они устроили. Вдоволь же надо мной, да и над вами посмеются, когда узнают, что ткачи село спалили, на полицейский чин напали, а я их за то прибавочкой к плате пожаловал. Увольте, я посмешищем становиться не желаю.

На скулах губернатора заходили желваки, шея побагровела, глаза чуть навывкате метали молнии.

– Так ведь из-за этого весь сыр-бор и начался, – гневно прошипел он.

– И что с того? – купец был само спокойствие. – Я людям расценки объявил – не хотят пусть не работают. Сколько на *моих* фабриках людям платить – *моё дело*. Никого не неволю. Не нравится – иди на другую работу нанимайся или землю паши. Только подобные беспорядки устраивать никому не дозволено. А ежели устроили – государственная власть разберётся. Вот вы и приехали, теперь будут знать, как безобразничать.

Калачов жевал губами, пыхтел, но не находил, что возразить. Прав купчина, прав. Получается, что он невиновен. Укорить его не в чем. Краснота спала, Виктор Васильевич успокаивался. Что ж, он покажет людям, кто тут власть!

– Где же им землю пахать прикажете? Наделы у людей невелики, да и земля в здешних местах родит неважно. Семью не прокормишь, особенно крестьянскую, где семеро по лавкам, – холодно поинтересовался Черкасов.

– Это уже не моя забота, – безразлично ответил Кормилицын. – Я своим делом занимаюсь. По мануфактурному производству могу рассказать, коли интересуетесь, а эти вопросы не ко мне.

За столом повисло тяжёлое молчание. Хозяин ресторации из своего угла с тревогой разглядывал напряжённые лица гостей, переживая – не случилось ли чего, довольны ли? Собеседники быстро условились о времени отъезда и стали расходиться. Степан Иванович убежал в полицейское присутствие. Гостей Михаил Максимович проводил до приготовленного вагона, чтобы те смогли отдохнуть перед ранней дорогой, а сам уехал на томненскую фабрику, располо-

женную неподалёку. Черкасов только успел расположиться в своём купе, как в дверь тихонько постучали. Он открыл, на пороге стоял Калачов, успевший переодеться в уютный халат.

– Позвольте, Фёдор Иванович? – учтиво спросил он. – Ресторатор мне на прощание бутылочку коньяка преподнёс. Недурственный – я такой люблю. Не желаете ли перед сном? Тем более, он нынче будет недолгим.

– С удовольствием, Виктор Васильевич.

Губернатор вошёл, тотчас появился слуга, расставил на столике бокалы, шоколад и фрукты.

– Давайте за знакомство. Очень рад, поверьте мне, – сказал Калачов. – Пусть мы и смотрим на общественное устройство по-разному, но оба по-настоящему переживаем за Родину. Вы, вижу, человек равнодушный. Имеете своё мнение по вопросам, которыми занимаетесь. Желаю вам успеха – одному делу служим, одному Государю.

– Благодарю вас, – чуть смутившись ответил жандарм.

Звякнул хрусталь. Заглянул было слуга, но Виктор Васильевич жестом показал ему, что всё хорошо и тот может идти. Он расположился поудобнее, некоторое время смотрел в вагонное окно, пейзаж за которым, вопреки обыкновению, замер на месте. Фёдор тоже молчал, задумчиво передвигая свой бокал по столу.

– Думаете мне хочется заниматься тем, что предстоит? – спросил Калачов, прервав молчание.

– А что предстоит? – поинтересовался Черкасов, который так и не понял пока, что намерен делать губернатор.

– Приедем – увидим... Зависит от того, что тамошние бунтовщики успели наделать. Но, всё одно – не хочется. А придётся. Этих крестьян мне не жаль – заслужили. Наука будет. Но вот Кормилицына я бы тоже поучил, да не могу. Смотри, как он рассуждает! Поезжай и порядок ему обеспечить! Мой род с 17-го века Романовым служит! Ему – крестьянскому внуку – теперь угождай! – Калачов вновь наполнил бокалы, выпил. – И не возражай. Он теперь купец! И земли его куплены по закону, и на организацию своего товарищества мануфактур он монаршее соизволение получил... Доведут Империю эти крестьянские внуки! Попомните моё слово, скоро им фабрик будет мало, скоро они власти захотят.

– Вы слишком мрачно смотрите на вещи, Виктор Васильевич. Воля ваша, но это уж небылица какая-то, – возразил Черкасов.

– Может быть, может быть... Жизнь покажет. Что-то я и впрямь разворчался. Пойду отдыхать, пожалуй.

Тронулись затемно. До станции Вичуга расстояние всего-ничего, вёрст двадцать. Доехали быстро. Солдаты слаженно выстроились на перроне в походный порядок. Фёдор сразу исчез в здании вокзала, где о чём-то беседовал со служащими, губернатор в нетерпении ждал, но неудовольствия не показывал – служба у человека, пусть расспрашивает. Наконец жандарм закончил свои расспросы. «Никого подозрительного не заметили», – сказал он, чтобы расслышал только Виктор Васильевич. Калачову и Черкасову дали лошадей, и они ехали впереди пешей колонны. За ними в коляске тряслись Кормилицын со Степаном Ивановичем.

– У вас тут не дорога, а какой-то срам, – сказал специально задержавшийся губернатор купцу, когда поравнялся с его экипажем. – На сэкономленные от платы людям деньги хоть дорогу шоссировать. Или это тоже не ваша забота? Тоже мне заняться?

Михаил Максимович что-то невнятное пробурчал себе под нос, а довольный собственным остроумием Калачов тронул лошадь вперёд.

– Давайте условимся, Фёдор Иванович, – сказал он Черкасову. – Как прибудем на место – каждый занимается своим делом, в чужое не вмешивается. Вы, как я вижу, в своём ремесле человек опытный, я не указываю вам, как поступать, ну а вы, будьте любезны, в мои решения не суйтесь. Действуем заодно. Уговор?

– Даже в мыслях не держал вам мешать, – кивнул головой жандарм. – Мне бы обстановку посмотреть, сыск произвести, чтобы начальству доложить. По моему убеждению, из таких инцидентов важно делать правильные выводы, иначе будет хуже. Запущенную болезнь лечить труднее. Да и не факт, что вылечишь. Социалистов в Тезине, конечно, никаких нет. У них сам купец – главный смутьян. Из-за его жадности всё. Впрочем, может и найду чего.

Ночная тьма давно отступила, посеревшее небо начало розоветь у горизонта. Вокруг стояла полная тишина, нарушаемая лишь стройными ударами шагов да позвякиванием ружей, до поры висящих за спинами солдат. Наконец вдалеке показались силуэты фабричных труб.

– Подъезжаем, кажется, – сказал Черкасов своему спутнику. – Я на время вас оставлю, проедусь посмотрю округу. Увидимся позже.

Губернатор согласно кивнул, поглощённый своими мыслями. Фёдор Иванович повернул коня с дороги и полем поехал за окраину села. Солдаты вошли в Тезино. Промаршировали по широкой улице прямо до площади, сопровождаемые лаем цепных кобелей. Стройный ряд домов нарушался чёрными пятнами пепелищ. Ротный чётко распределил солдат вдоль дороги, приказав никого из домов не выпускать. Казарму для рабочих тоже окружили. Некоторые жители уже суетились во дворах, торопясь полностью использовать длинный весенний день – в деревне работы всегда хватало, а в тёплую пору и подавно. Привлечённые шумом, они испуганно выглядывали в окна. Кто-то попытался выйти на улицу, чтобы узнать в чём дело, но крик и приклад ружья ближайшего пехотинца загоняли любопытных обратно. Оружие было в боевой готовности, лица солдат суровы и решительны – для них это была привычная работа, хоть и в непривычном месте.

Калачов на площади спрыгнул с коня, перекрестился на купола деревянного собора и потянулся, разминая затекшие суставы. Кормилицын выбрался из коляски и пошёл к своему белоснежному особняку с выбитыми окнами. Покачал головой, который уже раз процидил сквозь зубы: «Скоты...» и вернулся к губернатору.

– Степан Иванович, – сказал Виктор Васильевич уряднику. – Возьмите солдат и всех зачинщиков приведите сюда. Нужно их допросить, документы оформить. Не мне тебя учить, сам знаешь, что делать положено.

– Кого зачинщиками считать? – вопрос урядника был адресован купцу.

– Петька-ткач бузить начал, который Зайцев. Во дворе сцепился с моими управляющими, – ответил Кормилицын. – Потом на площади людей баламутил. Васька Петров ещё с ним, тот, поговаривают, ещё загодя пить начал. Да которые на тебя, Степан, у лавки напали – те и зачинщики. Рыжий какой-то ещё – забыл, как звать. Поди тут разбери, кто начал, а кто подхватил. Грабителей сюда веди, ну и Петьку с ними. Ещё перед воротами двое кричали громче всех, кишки выпустить обещали. Охрана подскажет, которые.

– Колю Бойцова арестовывать? – поинтересовался урядник. – Мальчишка же ещё совсем.

– Лавку грабил? На тебя напал? Значит сюда! Разбираться тут ещё – старый или малый! – сказал губернатор. – Ты, Михаил Максимович, распорядись, чтобы здесь помост сколотили. Людей и материал выдели, да поторопись!

– Зачем помост? – спросил купец.

– Наказывать буду, зачем ещё? Чтобы все видели!

– Вешать? – враз осипшим голосом спросил Кормилицын, сглотнув слюну.

– Надо будет – повешу! Ты же сам призывал напомнить, кто тут главный! – ответил Калачов и крикнул ротному: – Протруби-ка, братец, подъем, чтобы все проснулись, даже те, кто мертвецки пьян.

Тот кивнул и над площадью зычно зазвучал горн, заухал барабан. Полицейский с фабрикантом разошлись выполнять порученные им дела, а к губернатору от Петропавловского храма спешил старенький батюшка, весь седой и сухонький.

– Здравствуйте. Меня отец Иоанн зовут, пастырь я здесь, – сказал он тихо Виктору Васильевичу. – Над нашими мужиками суд творить приехали?

– Приехал, отче. Паства твоя вон чего устроила. Буду вразумлять.

– Понятно, – вздохнул отец Иоанн. – На то вы и власть. Только прошу, помните о человеколюбии. Не губите. Не злодеи они и не пропащие. Затмение на людей нашло, да и вина ещё перепились. Жизнь у них тяжёлая. Только работа, а хорошего мало чего видят.

– Ты бы, отче, лучше им о послушании почаще напоминал. Или господину Кормилицыну о том, что жадность до добра не доведёт, глядишь и меня бы сейчас здесь не было. А раз уж приехал, то не взыщи!

Батюшка скорбно покивал головой, хотел что-то сказать, но передумал, лишь осенил губернатора крестным знаменем и сгорбленный побрел к храму. Калачов прошёлся по пустой площади. Заложив руки за спину, он холодно смотрел вокруг. Неподдалёку ещё дымились пепелища. Местный лавочник Прокоп суетился среди головешек. Прочие погорельцы тоже силились отыскать что-то целое среди углей, бывших ещё вчера их жильём.

– Что же это, ваше превосходительство? – Прокоп был весь перепачкан сажей и смотрел на губернатора воспалёнными от бессонной ночи красными слезящимися глазами. – Всё дотла сгорело. Сначала мужики лавку взломали и товар вытащили, а потом вон как. Что делать теперь, ума не приложу!

По щекам лавочника потекли слёзы, оставляя светлые борозды среди угольной черноты. Виктор Васильевич отвернулся и отошёл. Народ робко выглядывал из окон домов и украдкой наблюдал из-за заборов, с чердаков. Из общественной казармы попытался сбежать работяга с рыжей бородой и шрамом через всё лицо, но солдаты схватили его, связали и заставили сидеть на пыльной дороге посреди улицы. Мужик, который явно мучился с тяжёлого похмелья, попытался протестовать, но после увесистого удара прикладом в спину, успокоился и покорно замолк. Урядник Степан Иванович подходил к определённом дому и указывал на него солдатам, те выволакивали связанного работника и усаживали его рядом с рыжебородым беглецом. Вывели горластого Петра, который старался идти с достоинством, но под торопящими тычками прикладов это получалось плохо. Ткач был всклокочен и растерян до крайности. Вывели Колю Бойцова, за которым попыталась бежать старушка-мать, хватая солдат за руки, но те уверенно отстранили её, и она осталась стоять перед домом, всхлипывая и снова заходясь плачем. Николай был хмур, смотрел в землю, только желваки ходили. Привели Ваську, загулявшего раньше всех. Его жена, которой он накануне неловко отмахнувшись разбил лицо, за эти дни, казалось, выплакала все слёзы, а теперь просто что-то еле слышно причитала. Всего в круг на улицу вывели десять человек. Большинство были из казармы – похмельные, немые, злые. Солдаты взяли их в плотное кольцо, прикладами и пинками повели в сторону купеческого особняка. Степан Иванович с каменным лицом замыкал процессию.

– Взяли всех, – доложил он Калачову. – Только один убёг куда-то. Вчера ещё здесь был, а сейчас никто не знает, куда подевался. Мишей зовут, недавно приехал. Теперь ни его, ни вещей. Говорят, он лавку-то и сжёг.

Виктор Васильевич чуть заметно кивнул. «Может и прав Черкасов. Может и впрямь провокатор какой тут постарался. Революционер... Только этого ещё не хватало», – подумал он. Вскоре, противно скрипя в тишине, подъехали две подводы, гружёные тёсом. Фабричные охранники скинули пиджаки, споро их разгрузили и взяли плотницкий инструмент, лежавший там же. Тишина сменилась визгом пил и стуком молотков. Мужики строили какой-то помост.

– Вешать будут! – на всю улицу, перекрикивая шум, заголосила немолодая сухонькая женщина – жена Петра. – Люди добрые, да за что же это? Что вы задумали, ироды? За что! Пётр мой не жёг ничего!

Стоящий рядом солдат прикрикнул на неё, но ропот пошёл по всей улице – было действительно похоже, что всё готовится для казни. Пехотинцы ничего не предпринимали, голоса

толпы становились смелее. Губернатор, пошедший было в купеческий особняк, вернулся назад и прошёлся вдоль улицы, сверля людей злым немигающим взглядом. Народ при виде начальника стыдливо замолкал. Дождавшись относительного спокойствия, Калачов на всю округу крикнул:

– Солдаты! Оружие к бою! При попытке неповиновения – бей без раздумий! – пехотинцы ловко примкнули штыки, проверили затворы, а губернатор продолжил, обращаясь к толпе: – Я вас отучу горло драть! Не поняли ещё, что я не шутки шутить к вам приехал? Бунтовщики будут наказаны! Десятком, пятью десятками, сотней больше – мне разницы нет. Могу всех вас на эшафот отправить, коли желаете! Верёвки всем хватит!

Стало совсем тихо, только жёны арестованных беспрестанно выли, громко всхлипывая. Мужики, видя решительный настрой солдат, смущённо покашливали, чесали затылки. Женщины примолкли, испуганно отступая поближе к своим домам. Делить участь попавшихся односельчан никто не хотел. Стали слышны голоса пострадавших от пожара: «Так их, батюшка! Неповадно будет соседей жечь! Покуражились – пусть отвечают!». Виктор Васильевич ещё раз обвёл улицу взглядом безжалостных глаз, развернулся и, заложив руки за спину, прямой как жердь пошёл к строящемуся помосту. Работа была почти закончена. К бокам помоста крепко приколотили два толстых бревна и сейчас, ругаясь сквозь зубы, прилаживали на них перекладину, которая постоянно норовила соскользнуть.

Тут из дома Кормилицына вышла целая процессия. Впереди под штыками солдат шли задержанные зачинщики бунта. Они были без рубах, руки связаны за спиной. Арестованные шли парами понуриив головы. У рыжебородого с каторжным лицом один глаз заплыл и не открывался, на других следов побоев не было. Рядом шагал Степан Иванович с пачкой листов. Увидев только что возведённое на площади сооружение от чуть побледнел, но лицо оставалось по-прежнему строгим, непроницаемым. Следом шёл Кормилицын, тот при виде помоста с виселицей, наоборот, чуть ухмыльнулся в густую с проседью бороду. За ним спешили слуги, неся небольшой столик и стулья. Ротный, стоявший рядом, вопросительно посмотрел на губернатора, тот утвердительно кивнул. Вокруг всё пришло в движение. Снова затрубил горн, и солдаты слаженно начали сгонять жителей в центр площади, вновь огородив их живым забором, но теперь снаружи. Арестованных подняли на помост и поставили на колени перед лицом односельчан точно под наконец-то закреплённой перекладиной.

В это время с другой стороны на площадь въехал всадник. Лошадь шла не спеша, за ней понуро брёл привязанный верёвкой к седлу паренёк.

– Ты погляди, и впрямь повесить думает, – присвистнул Черкасов (всадником был именно он) и обратился к пленному: – Повезло тебе – жив останешься, коли слушать меня будешь.

Покинув утром военную колонну, Федор Иванович неспешно поехал за окраину села. Остановив лошадь в поле у перелеска, он чутко прислушивался и внимательно смотрел по сторонам. Было пустынно и тихо. Шум роты солдат еле-еле слышался со стороны Тезина, а вокруг чувствовалось только живое дыхание просыпающейся природы: скрип веток, пение птиц, какие-то шорохи – ничего постороннего. Жандарм успел подумать, что зря он затеял эту прогулку, никто из села убежать не будет, а если и побежит – так ещё не факт, что в эту сторону, как вдруг невдалеке что-то гулко хрустнуло, потом опять. Черкасов мигом спрыгнул с седла и крадучись пошёл на звук, внимательно вглядываясь в зыбкий светло-серый лабиринт перелеска. Вот он! Чей-то силуэт в тёмной одежде появился неожиданно. Фёдор, стараясь не шуметь, достал оружие. Беглец судорожно крутил головой по сторонам и тяжело дышал. Наконец он сел привалившись спиной к стволу дерева. Черкасову удалось рассмотреть его – совсем молодой парень, одет просто, по-рабочему. С собой сидор с вещами. На революционера, вроде, не похож – внешность крестьянская, а те, по большей части, из интеллигенции, хотя кто их разберёт? Фёдор Иванович бесшумно по полшага приближался. Беглец, казалось,

так глубоко был погружён в свои мысли, что не обращал внимания ни на что вокруг. Черкасов знал, что видимость часто бывает обманчива, поэтому, не расслабляясь, аккуратно продолжал сокращать расстояние как можно тише. И тут со стороны села заколотил барабан и запел горн. Парень вскочил, повернулся к жандарму спиной, прижавшись к стволу дерева – явно старался рассмотреть происходящее в Тезине. Фёдор Иванович, не раздумывая, воспользовался его оплошностью: моментально подскочил к беглецу, ствол револьвера упёр в затылок, взвёл курок.

– Не дёргайся! Пристрелю! – сказал он.

Парень обмяк, дыхание его стало частым – Черкасова тотчас обдало тошнотворным запахом перегара, смешанным с ужасным ароматом давно не чищенных зубов. Жандарм сморщился, ногами пошарил вокруг пленника, ища что-то, что может послужить оружием. Ничего не нашёл и тогда пнул его сидор себе за спину.

– Кто вы? Чего вам надо? – жалобным голосом спросил парень.

– Медленно ложись, – скомандовал Черкасов и отступил назад, не опуская револьвер. – Сначала сядь на колени, затем ляг на живот. Не вздумай бежать или ещё чего выкинуть – сразу выстрелю.

– Нету у меня ничего, отпустите, – также испуганно ныл беглец, но команду жандарма выполнял. – Я с местной мануфактуры, денег нет – дачку не давали пока. С собой только книжки, они вам ни к чему... Я к другу иду. Не губите, я никому вас не выдам, ей-Богу.

Бормоча бессмысленные увещевания, он наконец лёг и сразу почувствовал, как в спину напротив груди жёстко уперлось колено, вышибая из лёгких весь воздух. От боли перед глазами заплясали красные круги, подступила тошнота. Наконец незнакомец убрал ногу, беглец сначала жадно глотал воздух, а потом понял, что его щиколотки прочно связаны каким-то шнурком – ногами шевелить не получалось. Крепкая рука подняла парня, перевернула и прислонила к тому же дереву, где недавно он нашёл укрытие.

Черкасов внимательно рассматривал пленённого. Мужик, как мужик. На местных мануфактурах сплошь такие. Совсем молодой, худой. Жиденькие русые волосы слиплись, серые глаза покраснели. Это от пьянства. Вид затравленный, одежка не новая.

– Ну и кто ты? – холодно спросил Фёдор Иванович.

– Миша Дятлов, – хрипло ответил парень.

– И куда же ты побежал спозаранку, Миша Дятлов? Кому книги нёс?

– Наврал я про книги – думал это грабители меня схватили, вот и придумал. У нас в Тезине бунт, мало ли какие люди вокруг ходят, – парень понял, что перед ним кто-то из начальства.

– Да ты что? Пряма-таки и бунт? – притворно удивился Черкасов.

– Да, да! – обескураженный Дятлов иронии не понял и продолжил скороговоркой. – Ткачи третьего дня бузить начали. Платой недовольны – вот и взбунтовались. Я к другу в Вичугу решил уйти, переждать, пока не успокоятся, а то житья нет. Хаты жгут, такой пожар был! Даже хозяин из села куда-то уехал, только охрана евойная у особняка из ружей самых отчаянных отгоняет.

– Ты посмотри, страсть какая! – поохал Фёдор. – А чего же ты там три дня делал, а сразу в Вичугу-то не пошёл? Дай угадаю! Ты пошёл, да о бутылку споткнулся. И теперь несёт от тебя, Миша Дятлов, на всю округу так, что хоть святых выноси.

– Кто вы? – мрачно спросил Михаил, поняв издёвку собеседника.

– Кто я – сейчас не важно. Куда как интереснее – кто ты! Правду рассказать, я смотрю, не хочешь. Попробую сам догадаться.

Черкасов присел на корточки и раскрыл мешок, в котором Дятлов держал свои вещи. Достал какое-то тряпьё, выложил его на землю и начал шарить в глубине сидора. Михаил смотрел обречённо.

– Так, – протянул жандарм. – Ты оказывается человек-то небедный, а говоришь дачку не давали.

Фёдор оторвал внутри какую-то заплатку и достал некогда мятые, но теперь аккуратно расправленные и сложенные купюры и мешочек монет.

– Побирался ты что ли? Денег много, а мелочь одна! – удивленно спросил Черкасов, разглядывая богатства беглеца. – Хотя постой-ка...

На мятой рублевой ассигнации остался синий оттиск какого-то штампа, видимо поставленного впопыхах мимо нужной бумаги. Сверху читалось «..елина», а внизу «...несенск».

– А не на мануфактуре ли Гарелина этот рубль выдали? Не Иваново-Вознесенск ли тут зашифрован, случаем? – глаза жандарма загорелись. – Я там в полицейской сводке читал о возмутительнейшем случае. Кто-то казарму рабочую обчистил. Как раз плату работникам выдали, а нашёлся хитрец, который все карманы и тайники аккуратнейшим образом изучил. Причём, что паршивец придумал. Крал не всё, а у каждого понемногу. Потому люди не сразу спохватились, а вот когда обнаружили – тут скандал и вышел! Потерпевшие пошли к управляющим на фабрику – мол, вы обсчитали. Там, конечно, тоже те ещё прохвосты, но отпираются – не мы это. При батюшке на Святом Евангелии готовы были побожиться. Шум до хозяина мануфактуры дошёл, тот к полицмейстеру – ищи, мои не крали. Он походил, всех обворованных опросил и выяснил – жили все в одной казарме. Вместе спят, вместе едят. Говорит им полицмейстер: «Свой кто-то деньги ваши присвоил». Не верят рабочие. По их мнению, последнее это дело у своего своровать. У фабриканта украсть – доблесть, а у своего – позор. Так и ловит до сих пор. Ждёт, когда вор украденное по кабакам спускать начнёт. Казарменные рабочие, по его мнению, вряд ли на что-то другое деньги тратить станут. Ждёт, ждёт полицмейстер-бедолага там у себя, а вор-то вот! Сидит под берёзкой у Тезина.

Фёдор Иванович внимательно посмотрел на Дятлова. Михаил опустил глаза в землю. Он понял, что попался, но для порядка сказал:

– Не знаю я никакого Гарелина. В глаза не видел. Местный я.

– Ну а как по-другому? Ни минуты и не сомневался, – широко улыбнулся жандарм. – Но проверю всё-таки, а вдруг врёшь?

Михаил молчал. Чего тут придумаешь? Этот ловкач по паспорту в два счёта установит, и где он трудился, и где жил. При найме фабриканты паспорта работников в полицейскую управу сдают, там всех переписывают. Плохо дело. Как он всё ловко придумал и тут на тебе! Чего он с этим рыжим взялся водку пить? Вот же дурак! Пересидел бы тихо у Коли Бойцова – никто бы и не пронюхал. Глядишь через месяц-другой здесь бы этот трюк повторил и двинул дальше – страна большая, есть где развернуться. Из Дятлова словно выпустили воздух, плечи обречённо опустились, мышцы расслабились, мысли были только о том, какой же он глупец. Придумал, как можно разбогатеть, схватил свой счастливый случай за хвост и тотчас упустил... Зачем??? Поверил, что всё позади и его никто не поймает? Прогулял, как те пьянчуги, жившие рядом с ним в ивановской казарме, которых он презирал за то, что они готовы всё в жизни пропить. У таких и воровать-то было не стыдно. И у их забитых жён – сами, поди, это отребье себе в мужья выбрали, а теперь плачутся. И у их детей – всё одно ничего путного из них не вырастет.

Черкасов, следуя раз и навсегда усвоенной науке, после удачной находки не успокоился, а продолжал ковыряться в вещах арестованного.

– А вот и книги, – озадаченно сказал он, вытаскивая какие-то брошюры и прокламации.

На траву вывалились серые, потрёпанные листки. У некоторых были оторваны углы, в тоненьких книгах не хватало страниц. Шрифт был самодельный – буквы размазались или затёрлись. Жандарм внимательно перелистывал засаленные страницы. Фёдор Иванович украдкой взглянул на Дятлова. Пленный на новую находку внимания не обратил никакого, продолжая размышлять о том, что с ним будет, если его отправят назад в Иваново-Вознесенск. Безучастно сидел, по-прежнему привалившись к берёзе.

– А вот это интересно! Где взял? – спросил Черкасов.

– Не помню я. На фабрике у Гарелина нашёл случайно.

– Разумеется... Где же ещё? Конечно, нашёл, – жандарм закончил изучать листки. Дятлов по-прежнему был безразличен к новой находке. Фёдор спросил у него: – А знаешь, что это?

– Пасквили какие-то. Царя ругают – про это неинтересно: сплошные небылицы. Фабрикантов тоже за их жадность. Здесь правда. В Тезино доедете – сами увидите.

– Спасибо за совет. А чего с собой таскаешь? Прочитал бы и выбросил.

– Не знаю... Просто так.

– За этот «просто так» ты, Миша, можешь поплатиться куда сильнее, чем за деньги, которые украл, – Черкасов присел напротив арестованного и участливо посмотрел на него. – Это лет десять назад за подобные книжицы тебя бы просто сослали, куда Макар телят не гонял. С лишением всех прав состояния. Хотя откуда у тебя права и состояние? Пожил бы в тайге – поумнел бы, глядишь. А нынче времена другие. После убийства Царя-освободителя на подобные опусы смотрят строго.

– Я же ничего... Просто прочёл, – Михаил совсем отчаялся, потрясения от неожиданной встречи были хуже и хуже.

– А недавно сказал, что книги другу нёс, – голос Фёдора Ивановича зазвенел сталью. – Ты понимаешь, что можешь на виселицу угодить? Рассказывай всё, как на духу – кто в вашу организацию входит, где берёте запрещённую литературу, каковы ваши цели, зачем людей на бунт подбил? Лучше сам сознайся. Что мне нужно, я из тебя всё одно выблюю – только наказание тяжелее будет.

– Да не знаю я ничего!!! – вдруг в голос разрыдался Дятлов. – Нету никакой организации. Дали мне эти бумаги в Иваново-Вознесенске. Авенир... Авенир Ноздрин дал. Его это. Я вернуть обещал да забыл. Ни к чему они мне. Забирайте. И на бунт я никого не подбивал. Сами они. Денег людям не хватает, вот и начали. Я только лавку сжёг, после того как её разграбили. Пьяный был. Испугался, что за неё спросят, вот и побежал.

Михаил уткнулся в ладони и громко всхлипывал, бормоча что-то совсем неразборчивое. Черкасов покопался в его вещах, но больше ничего интересного не обнаружил.

– Заберите все деньги себе, – с надеждой предложил Дятлов, немного успокоившись. – Я никому не скажу. Только отпустите. Всё себе заберите. Пощадите! Я покажу, кто мне книги эти дал. Прямо полиции на них укажу. Пусть их на виселицу!

Жандарм с огромным интересом смотрел на парня. Было совсем светло, солнце пригревало. Рядом весело щебетали птицы, радуясь новому дню. Из села слышались звуки какой-то возни: то шумел народ, то стучали топоры, то доносились обрывки чьих-то гневных криков. Ближе к полудню Черкасов въехал на площадь Тезина. Дятлов, освобождённый от ножных пут, плёлся сзади, связанный по рукам. Под глазом Михаила наливался свежий синяк. Сидор с его вещами был у Фёдора Ивановича. Первым их заметил урядник Степан Иванович. Он хотел сообщить о прибытии жандарма губернатору, но тот уже забрался на помост и стоял перед жителями. Тогда полицейский сам подбежал к Черкасову.

– Поймали! Мы как раз его не нашли. Говорят – был ещё один. Кличут Мишкой, он лавку спалил. Точно этот! Он, паскуда, в меня первым что-то кинул!!! Попался голубчик. Давайте отведу к тем, на помост. Виктор Васильевич сейчас начнёт как раз.

– Не надо, Степан Иванович. Я его с собой заберу. У него при себе подпольная литература. Будем всё это гнездо искать, чтобы никто из социалистов не ушёл. Пока, правда, молчит, но ничего – отведу к таким специалистам, что запоёт почище соловья.

– Правильно, – покивал урядник, глядя на Дятлова, как на прокажённого.

Меж тем, к помосту подбежали два приказчика Кормилицына. Они принесли толстые верёвки и положили около ног Калачова. Виктор Васильевич взял одну. Прикинул на глаз – хватит ли длины? Удовлетворённо покивав, отдал приказчику. Губернатор поколотил перчат-

ками по ладони, крылья носа хищно подрагивали, усы гневно топорщились. Люди испуганно замолкли, тишина сделалась гробовой. За спиной Калачова делали петли. Вскоре они были готовы. Виктор Васильевич проверил ещё раз – теперь крепки ли, не оборвутся ли в нужный момент?

– Вчера все вы совершили преступление, – наконец начал Виктор Васильевич лишённым эмоций казённым голосом. – Вы выказали неповиновение фабричному начальству, не вышли на работу, хотя нанялись на неё по собственной воле. Вы напали на полицейского урядника, когда тот приехал наводить порядок. В довершение всего устроили грабёж и поджоги, причинив убыток своим же соседям.

Калачов обвёл улицу рукой, будто показывая собравшимся на головешки – последствия их лихости, и продолжил:

– Совершив всё это, вы посягнули на Государя и им установленный порядок. За такое полагается виселица!

Виктор Васильевич говорил буднично, даже чуть устало, будто учитель растолковывал очевидные вещи не очень сообразительному ученику. Солдаты подобрались, направили штыки на людей, ожидая сопротивления. Губернатор смахнул перчатками назойливую муху, крутившуюся у самого уха и жужжавшую сверх всякой меры. Народ ждал продолжения, испуганно глядя на начальство. Только здоровенный детина Фрол, толком не проспавшийся после долгого загула, возразил:

– Не бунтовали мы, зря наговариваете. Они у нас плату убавили, вот мы и воспротивились. А кто поджёт, нам неведомо, правда, братцы?

Толпа, вопреки его ожиданиям, молчала. Фрол пытался получить поддержку у соседей: «Иван, скажи», но те отводили глаза и отстранялись, когда он пытался кого-то схватить за руку и привлечь на свою сторону.

– Этого к арестованным, – коротко сказал Калачов, указав на Фрола.

Три дюжих пехотинца споро и умело подхватили местного здоровяка так, что он и дёрнуться не мог, быстро вывели из людской массы, сняли рубаху, связали руки за спиной, втащили на помост и поставили на колени к остальным.

– Итак. Продолжу... Или кто-то ещё хочет что-то сказать? – губернатор спросил для проформы, поскольку продолжил, не дожидаясь ответа, – Зачинщики бунта, поджигатели и грабители установлены – они перед вами. Осталось лишь накинуть на шеи верёвки!

Калачов прошёлся вдоль шеренги пленных. Стоявшие на коленях люди были бледны. Одного, несмотря на тёплую погоду, колотил озноб, второй наоборот, обливался потом. Коля Бойцов кусал губу, силясь рассмотреть мать. Наконец увидел – она уткнувшись в платок, беспрестанно рыдала. Когда губернатор проходил мимо него, парень хотел прошептать: «Пощадите», но из пересохших губ вырвался лишь шершавый кашель. Вместо него сказал стоящий рядом рыжебородый детина с каторжным лицом: «Не лишку на себя берёшь, твоё благородие?». Виктор Васильевич даже не повернулся. Фрол, протрезвевший и осознавший всё, что делается, дрожал и поскуливал, словно пёс. Он постоянно ёрзал и дёргался, норовя освободиться от пут. Ближайшему солдату пришлось упереться ему штыком между лопаток. По грязной спине незадачливого пьянчуги побежал тоненький алый ручеёк. Дебошир Васька охнул и стал заваливаться вбок. Упасть помешала скученность в их шеренге, он так и остался висеть на плече соседа, который даже не обратил на это внимания. Порыв ветра заколыхал петли над головами приговорённых. Они глухо шлёпали друг о друга в беспорядочном хороводе.

– Я, от имени Государя-Императора, даю вам выбор. Или вы возвращаетесь к работе завтра же, на условиях, предложенных господином Кормилицыным, которые вы собственноручно подписали при найме, или я их повешу, – Виктор Васильевич указал на связанных людей за спиной. – Жду ответ.

– Не казни, батюшка, – первой опомнилась жена Петра, обессиленная от рыданий и сидевшая прямо на земле у калитки своего дома. – Я работать пойду, отпусти, благодетель.

Калачов ждал.

– Я работать снова выйду, отпусти Колю, Христом Богом молю, – кинулась со своего места мама подростка. Николай Бойцов хотел что-то ей крикнуть, но солдат упёрся штыком ему прямо в горло, и парень только чуть слышно захрипел.

– И я пойду....

– И я....

– Отработаем, чего уж ... Отпусти мужиков ...

Голоса, раздававшиеся сначала разрозненно, слились воедино, обещая исправиться и вернуться на фабрику. Калачов, будто в раздумьях, посмотрел на арестованных, затем на вокруг и поднял руку. Площадь тут же смолкла. Прошелестел вздох облегчения. На лицах приговорённых было к смерти людей появилась надежда.

– Хочу услышать погорельцев, – сказал он.

Люди зашумелись, стали оборачиваться, ища пострадавших. Те стояли чуть особняком, перепачканные сажей, чумазые, словно из угольной шахты. В отличие от большинства соседей, сострадания на их лицах не было – только злорадство напополам с растерянностью. Вперёд вышел Прокоп-лавочник.

– Не казните, ваше превосходительство. Не хочу грех на душу брать, – он махнул рукой и опустил голову – их глаз текли слёзы.

– Простите их. Не хотим бога гневить, – хмуро, но громко сказал Борис Куликов, дом которого сожгли сразу вслед за лавкой. Остальные пострадавшие от пожаров, оставшиеся без крова люди поддержали его, нестройно, но твёрдо.

– Не казните, – сбоку к помосту незаметно подошёл отец Иоанн в чёрном облачении. – Бога ради пощадите, ибо «каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерю мерите, такую и вам отмерено будет».

– Что ж. Казнить сегодня никого не буду – завтра чтобы все были на фабрике! Однако и без вразумления преступников оставлять не следует. И запомните – ещё раз подобное повторится, я вернусь. Тогда виселицы не миновать. Я не позволю посягать на государевы устои! Никому и никогда! Дома пострадавшим восстановят за счёт зачинщиков. Благодарите их, что живы остались. Смутьянов выпороть! – приказал он ротному и спустился, поддерживаемый под ручку фабрикантом Кормилицыным.

Михаил Максимович услужливо проводил губернатора к приготовленному столику, на котором дожидались изысканные закуски и хороший коньяк из личного погреба хозяина. Купец присел рядом с губернатором. Пара пехотинцев охраняла начальство от неожиданного беспокойства или неприятностей.

Тем временем вместо губернатора на помост поднялся командир и несколько солдат.

– Молчать! – скомандовал он толпе, в которой опять слышался какой-то ропот, а затем приказал солдатам: – Готовься!

Ротный вопросительно взглянул на Калачова, тот поставил опустошённую хрустальную рюмку на столик и разрешающе взмахнул перчатками.

Резко свистнули розги, звонко впечатались в обнажённые спины, оставляя кровоточащие полосы. Толпа ахнула. В голос завывали родные стоящих на помосте.

– Коля.... Коленька Опустите.... Сыночек.... Коленька.... Не виноват он, меня накормить хотел... Подавитесь вы этой едой, заберите всё.... Коленька.... – мать-старушка вмиг ослепла от слёз, всё тело обмякло, земля и небо будто захотели поменяться местами. Упасть в толпе ей не позволил сосед, слесарь с фабрики. Он крепко прижал женщину к себе, повернул ей голову, не позволяя смотреть на происходящее на помосте дальше, где методично снова и снова свистели розги, покрасневшие от крови, не оставляющие на спинах живого места.

Сосед попытался вывести старушку из толпы, но пехотинцы оцепления не позволили им покинуть площадь – смотрите до конца. Пришлось остаться посреди женского плача, причитаний и тяжёлого дыхания опустивших головы мужиков.

Виновные сносили наказание стойко. От первого удара чуть охнул Фрол, случайно попавший в эту компанию за длинный язык. Прочие опустили головы, чтобы из толпы не могли разглядеть их лица. Только рыжебородый смотрел вперёд и, вздрагивая от ударов лишь на миг, хищно улыбался, показывая, что плевать он хотел на своих мучителей. Коля, которого поставили на колени рядом с ним, тоже вскоре поднял голову и смотрел в лица односельчан, закрывая глаза также только в то мгновение, когда на спине появлялся очередной рубец. Губы его были искусаны в кровь. Удары парень не считал – время спрессовалось и застыло. Сколько длилась экзекуция, минуту или час, он не понимал. Люди, стоящие перед помостом или мрачно глядели в землю или жалобно качали головами, встречаясь с подростком взглядом. Женщины беспрестанно вытирали платками мокрые глаза.

Вдруг грохнул выстрел, и свист розг прекратился. Эхо наконец смолкло, устав блуждать между домов. В наступившей гробовой тишине, губернатор Калачов, убрав пистолет, сказал: «Довольно с них. Надеюсь, урок усвоили все и повторно объяснять не придётся». Родные и соседи бросились к краю помоста и аккуратно снимали с него окровавленных людей. Развязывали руки и бережно поддерживая, отводили к домам. Солдаты больше не заставляли людей стоять на площади, а, наоборот, оттесняли, чтобы те быстрее разошлись. Площадь скоро опустела. Военная команда, с губернатором во главе, чётко и слаженно выехала из села. Убрали столик с креслами. Остался только помост с каплями крови, вьёвшимися в дерево да пустыми петлями, застывшими на фоне голубого неба.

– Кто это с вами, Фёдор Иванович? Ещё один из зачинщиков? – спросил Калачов жандарма, когда они мерно покачиваясь в сёдлах, ехали к железнодорожной станции. – Неужели революционер? Надо было его к остальным!

– Так точно, – ответил Черкасов. – Вот он голубчик – агитатор, поджигатель и грабитель. Пороть его не нужно – скоро предстанет перед судом куда более строгим. Дело политическое, будет большое расследование по моей части. Разберёмся и накажем, можете быть спокойны.

– Что ж, доверяюсь вам, как специалисту. Чистите Русь-матушку от этой заразы. Гляди ж ты, и до наших краёв она добралась! Я то думал, что во всём жадность купцовская виновата, а не ты. Не обошлось без подстрекателя! Снимаю перед вами шляпу, Фёдор Иванович. С таким охранным отделением за нашу будущность можно быть спокойным! Но и мой метод хорош! Теперь здесь бунтовать не будут долго, вот увидите. По старинке разъяснил, просто, но эффективно.

– Может вы и правы, – задумчиво сказал Черкасов, – может и правы.

Пленник сзади изо всех сил старался не отстать и не упасть. Перед поворотом, за которым Тезино скрывалось из вида, он оглянулся на оставшийся позади эшафот, тяжело вздохнул, а затем вдруг радостно улыбнулся.

Глава 4

Петроград, Петропавловская крепость, октябрь 1917 год.

Красивый, искрящийся снег, укрывший крутой волжский берег своей девственной, яркой белизной, словно укорял людей, замаравших его золой, помоями и прочим хламом у своих домов, в проулках городов, сёл и деревень. Здесь, вдалеке от человека, он завораживал чистотой и ослеплял блеском, напоминал о предвечном и, несмотря на трескучий мороз, наполнял бескрайним жизнелюбием и радостью. Деревенская детвора отполировала особенно длинный и пологий спуск с холма на замёрзшую реку до блеска. Фабричный сторож Тимофей в вёдрах натаскал воды и довёл и без того гладкую поверхность до такого состояния, что от скорости захватывало дух, а крик восторга, замерзая, замирал на вдохе.

В это Рождество радостные вопли слышались с горки весь день. Дед с едва заметной улыбкой поглядывал на маленького Сашу, от нетерпения, не находящего себе места, и раз десять уже проверившего крепкие плетёные санки. За богатым столом собралась после праздничной службы многочисленная родня. Приходящих поздравить тоже приглашали и угощали. Коновалов навсегда запомнил настроение Рождества: улыбки, общую радость и весёлость всех собравшихся. В детстве редко видишь, когда столько обычно серьёзных людей одновременно вдруг шутят и смеются, а когда видишь, то понимаешь, вот он – праздник. Даже полицейский урядник Степан Иванович, которого Саша очень стеснялся из-за его вечно строгого вида и неразговорчивости, неожиданно начал подкидывать его к потолку.

Наконец взрослые решили прогуляться. Кто-то ради смеха намазал лица – собрались колядовать. Саша, получив разрешение деда, убежал на горку, вперёд взрослых. Там была настоящая кутерьма. Все местные детишки, да и их родители с радостными криками катались с горы. Лица были румяны и смешливы. Коновалова-младшего, конечно признали, но признали взрослые. Вместе с другими детьми он терпеливо ждал своей очереди, волоча огромные санки. Наконец последняя стоящая перед ним девчушка с радостным всхлипом понеслась с горы, и Саша остался один перед убегающей вниз широкой ледяной дорогой. От высоты захватило дух. Он аккуратно пододвинул большие санки к краю горы и залез в них, цепко схватившись варежками за плетёные края. Ничего не происходило, он не двигался. Мальчик огляделся по сторонам. Дети с родителями нетерпеливо ждали, когда купченок поедет на дорогах салазках вниз, но Саша не мог оттолкнуться, не доставал до земли. И тут подошёл какой-то румяный, посеребрённый снегом парень.

– Не задерживай, твоё степенство! С Рождеством! – сказал он Саше и со всей мочи оттолкнул санки.

Плетеные, с двумя полозьями, подбитыми железом и высокой спинкой, тяжелые сани были хороши и удобны, когда их кто-то везёт. С ледяной горы они понеслись так, что душа мгновенно ушла в пятки, а в мозгу молнией мелькнуло: «Спаси, Господи». И всё! Длиннущая гора вдруг закончилась, а Саша стал птицей – сани врезались в сугроб на противоположном берегу и, перевернувшись, выплюнули из себя укутанного в шубу мальчика. Не успев осознать первый страх, он перепугался ещё больше, когда вдруг взмыл ввысь. Хорошо, что новое испытание тоже пронеслось за секунду – только взлетел и уже лежишь в пушистом, холодном сугробе. В ушах гул, сердце колотится, словно просится охладиться в снегу рядом. Кое-как карабкаясь и барахтаясь, он встал. А на горе все уже и забыли о его рискованном полёте – так же гоняют на деревянных салазках вниз. Его транспорт тяжелее, вот и уехал дальше всех. Еле-еле вытащил увязшие в снежной куче санки и потянул их к вершине горы.

Наверху стояли взрослые. Саша раскраснелся, брови заиндевели от горячего дыхания.

– Не напугался? – спросила мама тихо.

– Ещё хочу, – ответил он. Страх прошёл и в памяти остался лишь восторг от ощущения полёта.

– Меня возьми, – сказал вдруг дед.

– Деда, я там прямо улетел. В сугроб! Так здорово! Поехали, – мальчишка захлебнулся от восторга.

Они подошли к громкоголосой очереди на спуск. Александра Петровича пытались пропустить вперёд, но он твёрдо всем сказал, что раньше остальных не поедет, так и дождались со всеми вместе. С дедом получилось ещё лучше. Тот же стремительный полёт, захватывающий дыхание. Перед тем, как поехать вниз, Александр Петрович усадил внука себе на колени и взял в ещё крепкие руки поводья от санок, а внизу вдруг резко дёрнул их вбок. Задок санок повело, и они закружились по льду реки. От восторга Саша верещал, но не слышал собственного голоса. В тот день он, наверное, ещё полста раз, таскал тяжёлые сани в гору и летал на них вниз. Домой вернулся красный, словно рак и счастливый, как никто никогда, казалось, не был. Рубашка под шубой от пота вымокла до нитки.

Из яркого и радостного детства в незавидное настоящее Коновалова вернул долгий приступ натужного, мучительного кашля, продолжавшегося пока лёгкие не начало саднить. Проснувшись окончательно, Александр Иванович протёр слезящиеся глаза, нащупал пенсне, оставленное на столике. Встал, прошёлся взад-вперёд. Постоянный холод в камере донимал больше всего. Арестованный взглянул на часы, скоро принесут кипяток – можно будет чуть-чуть согреться. Холод щедро подпитывал отчаяние, за последние двое суток завладевшее фабрикантом безраздельно. Он сел, укутавшись в одеяло, прислушиваясь к себе и с тревогой ожидая нового приступа кашля, который еле заметно с каждым разом всё тяжелел.

Александр Ивановичу неожиданно пришла в голову мысль о том, что от судьбы, действительно, не уйдёшь. Открылось вдруг, какая глубокая суть скрыта в простоте этого выражения. Ведь когда-то его практически чудом поставили на ноги, после оглашения страшного диагноза, а в те годы, пожалуй, что и приговора – туберкулёз. Этот недуг скоро вернётся, но второго чуда ждать неоткуда. Такова, видимо, будет расплата – на его фабриках «Товарищества Ивана Коновалова с сыном» чахотка забрала много жизней. Пусть он и старался обеспечить своим работникам хорошие гигиенические условия, беспримерный медицинский уход, но рассчитаться за отданное ради его прибыли чужое здоровье всё-таки придётся. И былое самоуспокоение, что мол да, кто-то и умер, но он о своих людях заботился, тут не поможет. Деньги, заработанные на здоровье и жизни, достались именно ему... Александр Иванович, чтобы отвлечься от навалившейся меланхолии, начал вспоминать к какому врачу лучше обратиться и куда уехать для скорейшего выздоровления, затем одёрнул себя – эта камера теперь единственный доступный курорт.

Вдруг залязгал ключ в замке, открылась дверь и вошёл совсем юный красноармеец с чайником горячей воды, чаем и несколькими кусками сахара. «Видимо, этого мальчишку новая власть прислала. Не доверяют прежней страже», – подумал бывший министр. Заключённый сразу ощутил, что он ещё и очень голоден. Солдатик поставил чайник на стол.

– Завтрак разве мне не полагается? – поинтересовался Коновалов.

– Не положено, – строго ответил парень.

– Нельзя ли кого-нибудь в ресторан отправить или в елисеевский магазин? Я уплачу, когда мне деньги передадут. При себе у меня немного...

– Конечно, я сам и сбегаяю. Только винтовку мою посторожите, чтобы бежалось быстрее! – красноармеец зло посмотрел на узника. – Отвыкайте, нет у вас теперь слуг. Да и не работает, поди, ничего: ни ресторации, ни елисеевский. Революция! Все ваши барские забавы ликвидируются.

– Я не о забавах прошу, мне питание должно полагаться, пусть и самое простое.

– Не знаю я, мне относительно этого распоряжений не давали. Голод сейчас. Все терпят, так и вы терпите! – юноше надоело разговаривать, он раздражённо направился к двери.

Ну хоть чаем можно согреться, пусть и ненадолго. Александр Иванович устроился за небольшим столом. Мятая, несвежая одежда была сродни немытому телу – постоянно хотелось чесаться, пойти в ванную комнату, сбросить с себя всё и смыть пот и грязь. Однако промозглый холод и незримая, но осязаемая сырость заставляли кутаться в уже пахнувшие рубашку и пиджак. От галстука толку не было, ни эстетического, ни практического, поэтому он одиноко висел на спинке кровати. Коновалов налил кипятка до краев побитой и исцарапанной кружки, насыпал из кулёчка заварки и стал дышать паром, крепким и жарким, таким домашним и согревающим.

Чаёвничал в последние годы фабрикант всё больше на бегу и наспех, а тут опять словно в детстве. Правда там чашки были из фарфора, а чай со смородиновым или мятным листом казался таким ... Даже слова нет, чтобы описать его вкус. Наверное, это потому, что за вечерним пытящим самоваром собирались любимые и родные люди, а маленький Саша сидел с ними за столом, обсуждая дневные новости, делился своими мыслями, радуясь душевному теплу и участию. Тогда всё было просто и безоблачно, а грядущие события приятно волновали и обещали только что-то хорошее. Повзрослев, он понял, что взрослые просто избегали при нём говорить о проблемах, но аромат чая, может и не такого хорошего, как тогда, вернул в беззаботное время и согрел. Коновалов после ареста вообще часто возвращался мыслями в прошлое, будто бежал от того, что с ним происходит сейчас.

От размышлений снова отвлёк скрип ключа в замке. Появился офицер здешней стражи вместе с утренним злым мальчишкой, державшим в руках его пальто. Надежда моментально согрела продрогшего Коновалова. Неужели? Сердце радостно заколотилось, кровь мгновенно прилила к щекам, стало даже жарко. Неужели отпустят? Переворот не удался и Временное правительство каким-то образом вернуло себе власть? Керенский привёл-таки верные полки и большевиков выбили из Петрограда? Предположения каруселью вертелись в голове, рождая радужные предчувствия. И тут пришла мысль, заставившая вновь похолодеть. Если большевиков больше нет, то почему держит этот молодой красноармеец? Они пришли не освобождать, а казнить его! Вот и конец! Пересохло в горле, застучало в ушах, но виду министр не подал.

– Чем обязан, господа? – машинально произнёс он приличествующую моменту фразу.

– Прогулка вам полагается, Александр Иванович. Пойдёте?

Коновалов кивнул, на душе было странно – смесь радости, что не расстреляют, и жуткого разочарования, что не отпустят. Он накинул пальто и пошёл вслед за конвоиром. Миновав длинный коридор с узкими железными дверями камер, конвой вывел бывшего министра во внутренний пятиугольный двор тюрьмы с каким-то приземистым строением посередине.

– У вас пятнадцать минут, – сказал старший и сел с молоденьким солдатом на лавочку у входа. Ружьё он приставил к стенке рядом, красноармеец своё из рук не выпустил, положил на колени.

Александр Иванович уже привык к застоявшемуся запаху камеры с неаппетитными ароматами холодного табачного дыма, кислого супа, человеческого тела и отхожего места, поэтому сейчас свежий питерский воздух казался упоительно сладким, словно он вдруг перенёсся куда-то на альпийские луга, хотя над головой по-прежнему висело низкое, тяжёлое небо Петрограда. На улице было морозно, Коновалов, который и так страдал от постоянного холода, поёжился. Пошёл по дорожке вдоль тюремных стен. Путь был короткий. Сделал круг, еще один, быстрее и быстрее, затем снова размеренным шагом. Снег, прикрывший асфальт, весело похрустывал под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.